

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 19, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2023

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 19, часть 2

Главный редактор Е. В. Головки

2023

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2023. — Т. 19. Ч. 2. — 292 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2023. — Vol. 19. Pt. 2. — 292 p.

Ответственные за выпуск от редколлегии:

А. К. Касаткина, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, А. Н. Соболев

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737192

© ИЛИ РАН, 2023
© Составление. Редколлегия
журнала, 2023

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбури (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елосева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарёва (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесная (РГГУ, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); д. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voelikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

**Из материалов интернет-конференции
«Современные методы изучения сербского языка
в синхронии и диахронии»
(Москва, 17–18 мая 2021 года)**

Предисловие 13

Я. Влаич-Попович

Сербская этимологическая лексикография —
текущий момент 17

В. Савич

Принцип общей контекстуализации
в сербской диахронической лингвистике 43

С. Милорадович

Темы и методологические подходы в сербской
диалектологии первых двух десятилетий XXI века 75

А. А. Плотникова

Серб. *стожер* в этнолингвистическом освещении 94

Е. И. Якушкина

Ареалы лексических различий
западных и восточных говоров
сербскохорватского диалектного континуума 110

А. Н. Соболев

Рецензия на книгу: Резултати досадашњих и правци
будућих истраживања српских народних говора Косова
и Метохије / главни уредник Зоран Кнежевић; уредници
Радивоје Младеновић, Предраг Пипер. — Београд :
САНУ : Институт за српски језик САНУ ; Косовска
Митровица : Филозофски факултет Универзитета
у Приштини, 2021 (Београд : Планета принт) 149

Varia

М. А. Ключева

Некоторые чурания (формулы-восклицания)
в марийских догонялках 169

М. Д. Королькова

Сравнительный анализ лексики традиционных ремесел
в восточных среднерусских говорах
и западной группе южнорусских говоров
(на материале лексики валяльного дела) 198

Е. А. Руднева

Дискурс о психических расстройствах
(на примере обсуждений БАР и депрессии
на русском языке) 246

Этика научных публикаций 284

Publication Ethics 288

Contents

From the Proceedings of the Internet conference “Contemporary approaches to studying the Serbian language in synchrony and diachrony” (Moscow, May 17–18, 2021)

Foreword	13
<i>Jasna Vlajić-Popović</i>	
Serbian etymological lexicography today	17
<i>Viktor Savić</i>	
The principle of general contextualization in Serbian diachronic linguistics	43
<i>Sofija Miloradović</i>	
Topics and methodological approaches in Serbian dialectology of the first two decades of the 21 st century	75
<i>Anna A. Plotnikova</i>	
Serbian <i>stožer</i> in the light of ethnolinguistics	94
<i>Yekaterina I. Yakushkina</i>	
Areas of lexical differences between Western and Eastern dialects of the Serbo-Croatian dialect continuum	110
<i>Andrey N. Sobolev</i>	
Book review: Results of current and trends in future research on Serbian vernaculars in Kosovo and Metohija. Ed. in chief Zoran Knežević, eds. Radivoje Mladenović and Predrag Piper. Belgrade — Kosovska Mitrovica, 2021	149

Varia

Maria A. Klyucheva

Some exclamation (shunning) formulas in children's catch-up
games in Mari 169

Mariia D. Korolkova

A comparative study of the traditional handicraft (felting)
vocabulary in the East Middle Russian dialects and in the
Western group of South Russian dialects 198

Ekaterina A. Rudneva

Russian mental health discourse: Evidence from discussions
of bipolar affective disorder (BAD) and depression 246

Publication Ethics (in Russian) 284

Publication Ethics 288

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ
«СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ
ИЗУЧЕНИЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ»
(МОСКВА, 17–18 МАЯ 2021 ГОДА)**

**From the Proceedings
of the Internet conference
“Contemporary approaches
to studying the Serbian language
in synchrony and diachrony”
(Moscow, May 17–18, 2021)**

Предисловие

17–18 мая 2021 года Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт лингвистических исследований РАН, Институт славяноведения РАН и Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств провели на филологическом факультете МГУ в Москве международную научную интернет-конференцию «Современные методы изучения сербского языка в синхронии и диахронии» (<https://inslav.ru/conference/17-18-maya-2021-g-sovremennye-metody-izucheniya-serbskogo-yazyka-v-sinhronii-i-diahronii>). На именные приглашения организационного и программного комитетов откликнулись ведущие слависты и сербисты из десяти стран; программа включала следующие доклады (названия ниже приведены на языке оригинала либо в переводе с сербского на русский):

Я. Влаич-Попович (Институт сербского языка САНИ, Сербия). Сербская этимологическая лексикография — старые проблемы, новые решения.

В. Савич (Белградский университет, Сербия). Принцип общей контекстуализации в сербской диахронии.

Б. Ломаджистро (Университет Бари, Италия). Язык документальной письменности в сербском Средневековье.

М. НОМАСИ (Hokkaido University, Japan). All you need is Slav: Avram Mrazović's idiolect and the polyfunctionality of Church Slavonic.

С. Voss (Humboldt-Universität zu Berlin, Germany). Pluricentric Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian in historical perspective.

А. SIMS (The Ohio State University, USA). How conflicting morpho-syntactic case requirements get resolved: An experimental investigation of the syncretism effect in Serbian.

D. LEMMENMEIER, A. ESCHER, B. SONNENHAUSER (Zürich University, Switzerland). Morphosyntactic variation in colloquial Serbian. Corpora and analyses.

А. М. КРАСОВИЦКИЙ (Оксфордский университет и Университет Суррея, Великобритания), Г. КОРБЕТТ (Университет Суррея, Великобритания), М. БЭРМАН (Университет Суррея, Великобритания). Геоинформационный анализ падежной вариативности (на материале говоров сербско-болгарского пограничья).

Б. СИКИМИЧ (Институт балканистики САНИ, Сербия). Документационная лингвистика в Сербии: архивация данных и разработка мультимедийной базы данных.

С. МИЛОРАДОВИЧ (Институт сербского языка САНИ, Сербия). Тематика и методология сербской диалектологии первых десятилетий XXI в.

А. А. ПЛОТНИКОВА (Институт славяноведения РАН, Россия). Серб. *стожер* в этнолингвистическом освещении.

С. ТАНАСИЧ (Институт сербского языка САНИ, Сербия; Академия наук и искусств Республики Сербской, Босния и Герцеговина). Актуальные вопросы изучения сербского языка: от фиксации языкового явления до терминологического решения.

Т. ПЕТРОВИЧ (Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств, Словения). Языковая креативность и диалектное выражение: взгляд с юго-восточной периферии сербского языкового пространства.

М. С. МОРОЗОВА (ИЛИ РАН, Россия), А. Ю. РУСАКОВ (ИЛИ РАН, Россия), А. Л. ЭШЕР (Цюрихский университет, Швейцария). Параметр языковой сложности и методы диалектометрии в изучении сербских диалектов.

А. Н. СОБОЛЕВ (ИЛИ РАН, Россия; Philipps-Universität Marburg, Germany). Антропологический поворот в сербском языкознании.

Г. П. ПИЛИПЕНКО (Институт славяноведения РАН, Россия). Сербизмы в лексике календарной обрядности в украинском языке Боснии и Герцеговины.

Е. И. ЯКУШКИНА (МГУ, Россия). Ареалы лексических различий западных и восточных говоров сербскохорватского языка.

Известные всем трагические обстоятельства 2022–2023 гг., затруднив личные контакты между коллегами, сделали невозможным любое институциональное взаимодействие между научными центрами, представители которых участвовали в конференции, за исключением учреждений Российской Федерации и Сербии. Большинство участников конференции не сочло возможной публикацию текстов своих выступлений, но тем более ценной представляется настоящая подборка докладов, на русском языке знакомящая российское научное сообщество с рядом современных методов и направлений изучения сербского языка. Редколлегией журнала было принято решение присоединить к подборке материалов конференции тематически примыкающую к ним рецензию на новейшую публикацию по вопросам сербской диалектологии Косова и Метохии.

Публикуемые доклады, как и программа всей конференции, отчетливо демонстрируют, что Россия наряду с Сербией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной — одна из очень немногих стран мира, в которых, с опорой на сформировавшуюся устойчивую традицию и научные школы, существует институт академической и университетской сербистики как комплексной славистической дисциплины, нацеленной на изучение языка и культуры сербов в истории и современности. При этом сербские коллеги путем реализации крупных и долгосрочных проектов с применением комплексных методологических подходов решают задачи поистине национального значения, тогда как российские сербисты развивают ряд ставших уже традиционными для нашей страны специальных, оригинальных и методологически инновационных направлений исследований — лексикологических, этнолингвистических и лингвогеографических.

В подготовке докладов к печати приняли участие студенты кафедры славянской филологии МГУ, а также Е. И. Якушкина, Е. С. Карнаухова, В. В. Козак и М. С. Морозова.

А. Н. Соболев

Сербская этимологическая лексикография — текущий момент

Я. Влаич-Попович

Институт сербского языка САНИ (Белград, Сербия); jasna.vlajic@isj.sanu.ac.rs,
jasna.vlajic.popovic@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6098-8936

Аннотация. В настоящей статье наряду с кратким обзором современных этимологических исследований сербского языка представлено состояние сербской этимологической лексикографии на данный момент. Два словаря, над созданием которых сейчас идет работа: один тезаурусного типа (ЕРСЈ) и один научно-популярный (ПЕРСЈ), — сравниваются по признакам сходства (основным принципам, структуре словарной статьи, хронологической ретроспективе) и различия (назначению, корпусу, концепции, методологии), что иллюстрируется на примере обработки существительного *баба*, его омонимов и производных.

Ключевые слова: сербский язык, этимология, лексикография, этимологический словарь, *Этимологический словарь сербского языка*, *Этимологический словарь-справочник сербского языка*, серб. *баба* ‘мать матери / отца, старуха’.

Благодарности. Финансирование работы над данной статьей производилось согласно договору № 451-03-47/2023-01/200174, заключенному между Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербии и Институтом сербского языка САНИ.

Serbian etymological lexicography today

Jasna Vlajić-Popović

Institute for the Serbian Language, Serbian Academy of Sciences and Arts
(Belgrade, Serbia); jasna.vlajic@isj.sanu.ac.rs, jasna.vlajic.popovic@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-6098-8936

Abstract. After a brief overview of the development of modern etymological studies in Serbian, this paper proposes a description of the contemporary Serbian

etymological lexicography. Two Serbian dictionaries are currently in the works: a comprehensive, multivolume, thesaurus-type Etymological Dictionary of the Serbian Language (*Етимолошки речник српског језика*, ERSJ), in publication since 2003, and a concise scientific-popular Concise Etymological Dictionary of the Serbian Language (*Приручни етимолошки речник српског језика*, PERSJ), to appear in 2023. With a focus on the latter (actually, rather more scientific than popular) dictionary, the paper discusses some similarities and differences between the two. The similarities come from the same original basic principles and authorship of both dictionaries as reflected in the lexematic lemma formation, trichotomous lemma segmentation, the same chronological retrospective, etc. The differences follow from the different purposes and, correspondingly, the different targeted corpora, word-inventory and methodology (the list of lemmata, the range of lexis, the approaches to definitions, extralinguistic data, etc.). This comparison is illustrated with a few lemmata from both dictionaries covering the same small segment of the lexicon (the noun *baba* f. ‘a parent’s mother, old woman’ and its numerous homonyms and derivatives — with a reference to their treatment in Skok’s ERHSJ). The paper concludes that both dictionaries contribute significantly to Serbian and Slavic etymological studies. At the same time, the ERSJ will evidently take years or even decades to complete. The PERSJ, planned to appear in print much earlier, is expected to serve two purposes: to be used as a “skeleton” for etymological solutions in the subsequent ERSJ volumes (and thus speed up its development) and at the same time as a basis for a genuinely popular Serbian etymological dictionary. This arrangement should help the project to meet the requirement voiced in [Stachowski 2015: 280] that “every language should have three etymological dictionaries, tailored for various types of users”.

Keywords: Serbian language, etymology, lexicography, etymological dictionary, *Etymological Dictionary of the Serbian Language*, *Concise Etymological Dictionary of the Serbian Language*, Serb. *baba* ‘a parent’s mother, old woman’.

Acknowledgements. Funding for the work on this article was provided in accordance with the agreement No. 451-03-47/2023-01/200174, concluded between the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia and the Institute for the Serbian Language of SASA.

1. Введение

Этимологическая лексикография языка не может существовать без развития этимологических исследований данного языка. И, напротив, результаты этимологических исследований отчетливо видны

только тогда, когда они обобщены в форме этимологического словаря. В этом отношении сербский язык не является исключением. Тем не менее существует специфика этимологических исследований в области сербского языка, которая заключается в том, что по объективным причинам систематические этимологические исследования запаздывают, а значит, откладывается и создание этимологического словаря.

Нельзя не согласиться с тем, что «этимологическая наука в нашей стране имеет известную традицию, но не может похвастаться преемственностью» (ОС ЕРСЈ VII)¹. История развития сербской этимологии определяется следующими фактами:

- (а) первая работа в этой области — «Корни» Дж. Даничића [Daničić 1877] — фактически не может быть использована²;
- (б) ценные этимологические сведения, которые RJAZU (1881–1976) приводит в качестве редакторских примечаний, неполны / не систематизированы;
- (в) «Этимологический словарь хорватского или сербского языка» П. Скока [Skok 1971–1974] — один из наиболее полных этимологических словарей славянских языков своего времени, однако теперь он считается серьезно устаревшим, в частности из-за слабой представленности материала из восточных областей³ сербскохорватской языковой территории;

¹ Вот как это сформулировал основатель проекта академик Павле Ивич (в одном из официальных документов, представленных в САНИ в 1985 г.): «Немногочисленные сербские этимологи прошлого давно ушли из этой жизни, и перед нами стоит задача восполнить пробел и установить преемственность этимологических исследований в нашей стране» [Бјелетић, Влајић-Поповић 2009: 71; Бјелетић 2013: 16].

² Данное произведение уже к моменту своего издания устарело относительно уровня индоевропейской компаративистики того времени, ср., например, [Влајић-Поповић 2017: 142; Boryś 2011: 57–58].

³ Это было в первую очередь следствием малочисленности существовавших в то время словарей и собраний лексики с этой территории, но нужно иметь в виду и то обстоятельство, что Петар Скок максимально использовал все

- (г) работы различных авторов, представляющих сербскую научную традицию, разбросаны по периодическим журналам и недостаточно систематизированы⁴.

Систематическое этимологическое изучение сербской лексики начинается с создания отдела этимологии в Институте сербского языка САНИ в 1983 г. Этим объясняется и относительно позднее, по сравнению с появлением словарей других языков, издание первого «Этимологического словаря сербского языка» (ЕРСЈ), увидевшего свет только в 2003 г.⁵

2. Отдел этимологии в Институте сербского языка: направления работы

2.1. Основные этапы развития. Этимологический словарь сербского языка (ЕРСЈ)

Обстоятельства создания Отдела этимологии, включая условия развития этимологических исследований сербского языка в его рамках, подробно и всесторонне представлены в сборнике статей «К истокам слов» («Ка изворима речи») [Бјелетић 2013].

источники, которые существовали в период до его кончины в 1956 г. Например, «Словарь косовско-метохийского диалекта» Г. Элезовича (в издании «Српски дијалектолошки зборник», тт. 4–5, Београд 1932, 1935) он расписал полностью, а многие примеры прокомментировал.

⁴ Среди них наибольший вклад внесли, например, Хенрик Барич, Милан Будимир, Милан Тривунац, Милан Адамович (подробнее см. [Влајић-Поповић 2017: 144–145, § 2.6]).

⁵ Подробнее о месте данного словаря в контексте этимологической лексикографии других славянских языков см., например, в [Boryś 2011: 57–61] (прежде всего § 9.4.5) или [Бјелетић 2011, 2013: 48–57].

Авторский коллектив, постепенно формирующийся и консолидирующийся в отделе, проходит в автодидактическом развитии через несколько стадий, которые условно можно свести к двум основным:

- (1) фазе становления, включавшей статьи, диссертации, монографии и продолжавшейся до 2003 г., и
- (2) продуктивной фазе, т. е. включающей, помимо тех же видов работ, что и предыдущая фаза, создание словаря, и ведущей отсчет с 2003 г.⁶

Первоначальная идея работы над словарем, который отличался бы от словаря П. Скока, была отвергнута, а в 1998 г. с учетом накопленного к тому времени опыта был опубликован пробный выпуск нового словаря [ОС ЕРСЈ]⁷ с положенной в его основу методикой создания этимологического словаря-тезауруса. «Методологические принципы и технические решения, применяемые в ЕРСЈ, являются результатом многолетнего сопоставления существующих моделей и чужого опыта с требованиями, которые авторам диктует материал» [ЕРСЈ 1: 10]. Этот материал включал корпусы РСАНУ и всех имевшихся на тот момент диалектных словарей, охватывающих территорию штокавского диалекта.

Ввиду предельно широкого охвата диалектного и исторического (превосходящего материал словарей RJAZU и РКС Джурѣ Даничића) материала⁸, ЕРСЈ начали составлять как тройной словарь: диалектный, исторический и этимологический.

⁶ Тот же период (если считать по десятилетиям) можно разделить на пять этапов (из них первые два завершены, третий и четвертый делятся сейчас, а пятый только предстоит пройти): 1) первые работы (в том числе тематические кандидатские и докторские диссертации); 2) оформление этих работ в виде словарных статей согласно пробному выпуску ЕРСЈ; 3) разработка ЕРСЈ тезаурусного типа; 4) создание научно-популярного словаря ПЕРСЈ; 5) оцифровка, запись на электронной платформе.

⁷ Авторами его 135 словарных статей являются все шесть работавших тогда сотрудников: помимо главного редактора, проф. Павла Ивича, М. Белетич, Я. Влаич-Попович, А. Лома, С. Петрович и Б. Сикимич.

⁸ Более подробно об этом написано в [Влајић-Поповић, Бјелетић 2021: 42–43].

Таким образом, ЕРСЈ можно охарактеризовать как долгосрочный проект по созданию многотомного тезауруса⁹.

2.2. Этимологический словарь-справочник сербского языка (ПЕРСЈ)

Однако десять лет назад, осознавая отдаленность завершения начатого труда, часть авторов разработала другой проект — по созданию более краткого, но исчерпывающего однотомного научно-популярного словаря, ограниченного основным лексическим фондом¹⁰. Решено было назвать словарь справочным¹¹, так он стал «Этимологическим словарем-справочником сербского языка» (ПЕРСЈ). В его состав фактически входит сразу два словаря: научный и популярный.

Концепция этого словаря сильно изменилась с течением времени, так что, при формальном сохранении основных черт популярного словаря¹², он значительно продвинулся в направлении научного

⁹ Данный словарь можно охарактеризовать как научный, одноязычный и ретроспективный этимологический словарь (ср. [Karlíková 2017]).

¹⁰ Речь идет об объеме около 8 000 слов (отобранных из толкового словаря, состоящего примерно из 50 000 слов, см. [Московљевић 2000]), которые после ранжирования по частоте и приоритетности сгруппированы в три концентрических круга-«слоя»: первый «слой», ядро, состоит из 4 000 наиболее часто встречающихся слов, второй — охватывает общеизвестные, но менее употребляемые слова и, наконец, третий — включает в себя более редкие, устаревшие, но все еще употребляемые слова (см. подробнее в [Бјелетић, Влајић-Поповић 2013: 172–173; Бјелетић 2013: 146, § 3.1]).

¹¹ Со временем его название менялось: он именовался «однотомным», «кратким», «сжатым», «малым» этимологическим словарем.

¹² Отсюда следует, что заглавным словом может быть только слово литературного языка. Дефиниции обычно отсутствуют, поскольку они излишни (за исключением некоторых фитонимов и зоонимов, а также, возможно, омонимов); деривация также ограничена фондом литературного языка. Литература дается сгруппировано, обычно в конце словарной статьи. Таким образом, данный

профиля¹³, и прежде всего в отношении содержания¹⁴; соответственно, это отразилось и на объеме отдельных словарных статей. Кроме того, в ходе работы над словарем стало очевидно, что изначально задуманное выделение одного узкого и двух более широких «слоев» лексем оказалось не вполне удобным для авторов и пользователей, — пришлось отказаться от этой идеи. Многие слова из запланированного второго «слоя», а также некоторые из третьего были описаны в первом «слое»¹⁵. Впоследствии из-за увеличившегося объема ПЕРСЈ разбили на два тома, каждый из которых со временем был разделен еще на две части. Первый том на данный момент охватывает буквы А–Ј.

В настоящее время идет работа над обоими словарями. Меньший по объему, ПЕРСЈ будет готов быстрее; на создание ЕРСЈ потребуются годы, а возможно, и десятилетия¹⁶.

Процесс составления словаря-справочника ПЕРСЈ и разработка его концепции неизбежно оказываются в центре нашего внимания

словарь является научно-популярным, одноязычным и ретроспективным этимологическим словарем (ср. [Karlíková 2017]).

¹³ О достаточно растяжимой шкале между популярным и научным см. [Havlová 2012: 43–44].

¹⁴ Было принято решение повысить «методологические требования к описанию (...) и осуществить его как можно тщательнее, с обязательным пересмотром (...) предыдущих этимологических решений» [Бјелетић, Влајић-Поповић 2013: 172; Бјелетић 2013: 145–146].

¹⁵ Это происходит по разным причинам: из-за генетической связи некоторых малоупотребительных слов с однокоренными из класса наиболее частотных (*задушнице* ‘поминование усопших’ от *душа*, *велможа* от *велики* и *моћи*), из-за тематической принадлежности к элементарным понятиям или к одной и той же терминологической группе (заимствования *мајонез*, *макарони* как названия продуктов питания; устаревший термин *бабо*, обозначающий члена семьи, который связан из-за омофонии с ныне употребимым словом *баба*, ср. здесь § 4.1.2.3); вследствие омонимии (*дуња*² ‘стеганое одеяло’ и *дуња*¹ ‘айва’) и т. д.; вследствие широкого применения очень развитой системы отсылок (*мекиња* в *мек*) и т. д.

¹⁶ Основатель проекта осознавал долгосрочные перспективы создания этого словаря (см. [Ивић 1997: 115]).

в ходе последующего анализа, конечная цель которого — сравнение двух словарей на основе их сходства и различий.

3. Словари ЕРСJ и ПЕРСJ: сравнительный анализ

3.1. Черты сходства

Сходство словарей обусловлено главным образом следующими факторами: а) изначально одинаковыми принципами, изложенными еще в пробном выпуске (см. [ОС ЕРСJ XI–XXI]); б) научным характером обоих словарей; в) тем, что оба словаря создаются одними и теми же авторами. Однако влияние этих факторов не приводит к полному совпадению словарей, а напротив, иногда усиливает разницу между ними.

Оба словаря при формировании словарной статьи исходят из одного и того же **лексемного принципа** [ЕРСJ 1: 8]¹⁷, который сравнительно гибко применяется на практике, особенно в ПЕРСJ.

Словари имеют схожую **структуру словарной статьи**, состоящей в основном из трех частей (в словаре ПЕРСJ есть и четвертая часть, но это техническая деталь, см. ниже):

- 1) первая часть словарной статьи содержит заглавное слово и лексический материал (варианты заглавного слова и его производные), при этом различается объем используемого материала,

¹⁷ **Лексемность** как принцип этимологической процедуры предполагает, что при слове указываются только дериваты с прозрачной мотивацией, без чрезмерной фрагментации, — это общепринятый современный подход (см. здесь, например, *Раздел 4* о трактовке гнезда *баба* в ЕРСJ), в то время как **гнездовой** принцип построения словарной статьи предписывает помещать все слова, которые происходят от одного праславянского корня или которые можно свести к одному праиндоевропейскому корню, в одну словарную статью — так действовал П. Скок (см. прим. 23).

- т. к. ЕРСJ включает весь имеющийся в наличии материал; а ПЕРСJ — только литературную лексику;
- 2) вторая часть словарной статьи включает в себе краткое этимологическое решение, т. е. кратко описывает происхождение заглавного слова (при этом описание может затрагивать разные уровни, см. об этом в п. 1 ниже);
 - 3) третья часть словарной статьи представляет этимологическую дискуссию, а порой и реконструкцию этимона на более глубоком хронологическом уровне;
 - 4) четвертая часть словарной статьи (только в ПЕРСJ) — это список литературы.

Еще раз подчеркнем, что содержание и особенно объем словарей различаются, и разница не сводится к несовпадению языковых данных.

Словари имеют одинаковую **хронологическую ретроспективу**, представленную во второй части словарных статей, с возможными уточнениями в третьей; она по-разному раскрывается — в зависимости от идиоглоттического или аллоглоттического происхождения слова:

1) и в том, и в другом словаре для **исконных** слов реконструкция производится на праславянском уровне, сам этимон сопровождается параллелями из славянских языков; в третьей части словарных статей реконструкция, если это возможно, углубляется, доходя до праиндоевропейского уровня, приводятся соответствующие индоевропейские параллели — основные либо все имеющиеся;

2) для **заимствованных** слов в качестве этимона приводится слово из иностранного языка, при этом иногда параллели из других языков — европейских, по возможности репрезентативных, или соседних — представлены по-разному. В ЕРСJ параллели даются сразу после этимона во второй части словарной статьи, тогда как в ПЕРСJ они отнесены к третьей части, в которой происхождение иноязычного слова часто интерпретируется на более глубоком уровне.

Желаемая **наглядность** словарной статьи достигается в принципе схожими, но не одинаковыми графическими средствами: нависанием

первой строки абзаца, полужирным шрифтом, форматированием абзаца, различными типами шрифта и его размерами. Так, в ЕРСJ наглядность достигается членением словарной статьи на три абзаца, причем второй абзац отмечен знаком ●, а третий абзац — только более мелким шрифтом (см. Рис. 1), а в ПЕРСJ маркируются начала

бабарога *babaróga* f. „страшило, наказа којом плаше децу“ књиж., Драгачево (РСА), бачки Буњевци (Реіс/Ваіліја), Прошћење (Вујичић), Поткозарје (Далмација), *babaróga* Призрен (Чемерићи), *babarōgē*, -ē Загарач (Ћупићи), *babarògача* augm. ЦГ (РСА), Војв. (РСГВ); такође *babarúga* (Вук), *babarūga* Загарач (Ћупићи), „персонификација великог поста“ Пољица (РСА).

- Полусложеница са првим делом *баба* у фолклорном значењу (в. **баба²**); други део нејасан.

ЭССЯ 1:108 s.v. **baba roga* доноси само с.-х. дијал. *bāba rŭga* без извора, изводећи други део од **rogati* „ругати (се)“, уз напомену да је псл. старина проблематична (можда је у питању персонификација *бабе* као карневалског лика који се изругује, тј. измотава, или коме се ругају). У случају да је ипак изворна варијанта *-roga*, пре него на **рог** могло би се помишљати на везу са лит. *rāgana* „вештица, чаробница“, које се изводи од *regėti* „видети“ са сличном семасиологијом као псл. **vedьma* (Fraenkel 684), уп. с.-х. *вештица*, **вешт**.

Рис. 1. *Бабарога* в ЕРСJ

Fig. 1. *Babaroga* in ERSJ

второй, третьей и четвертой частей словарной статьи. Используются специальные, отличительные знаки (на данный момент это ◀ для второй части статьи, ▲ для третьей, ● для четвертой), см. Рис. 2, с. 27. В рабочем варианте переходы становятся более заметными благодаря выделению цветом (красный — для заглавного слова, черный — для текста первой и второй частей словарной статьи, синий — для текста третьей части, зеленый — для списка литературы в четвертой части, розовый — для отсылок, которые в небольшом количестве встречаются в первой части в связи с производными и в гораздо большей степени присутствуют в третьей, дискуссионной, части. Пока еще не ясно, будут ли эти цветообозначения применяться в бумажном издании, но точно известно, что цвета будут сохранены в цифровом формате, хотя, возможно, и не точно такие.

бабарога -ē f., покр. и *бабаруга*. ◀ Полусложеница са првим делом **баба**, други део се тумачи различито. ▲ Елемент *-рога* садрже и покр. називи *вјешторога* и *дрдорога* ‘вештица; зла, језична жена’ (ЦГ), у којима се први делови јасно везују за реч *вјештица* и њен (етимолошки нејасан) синоним *дрдуља*, што за *-рога* указује на значење ‘вештица’ и везу са лит. *rāgana*, лет. *ragana* ‘id.; чаробница’. Балски назив изводи се од *regēti* ‘видети’, тј. вештица би била првобитно ‘видовњакиња, пророчица’, уп. за семасиологију слов. **věďma*, **věščь(jь)*, овде **вѣшт**, **вѣштица**. Мање је вероватно тумачење по којем би и *бабарога* и источнобалтска *ragana* биле тако означене по рошчићима на глави (в. **рѡг**) са којима су замишљане, још мање оно које полази од (очито секундарне) варијанте *бабаруга* и изводи тај други део од псл. **rōgati (sę)* ‘ругати (се)’, претпостављајући да се назив изворно односио на бабу као карневалски лик (персонификацију Великог поста). За трагове бел. **rag-* ‘видети’ на словенском југу уп. **разрогачити**, **рѡзрок**. • ЕРСЈ 2: 29; ЭССЯ 1: 108 s. v. **baba rōga*; Skok 1: 82–83 s. v. *baba*; Fraenkel 684; Smoczyński SEJL s. vv. *rāgana*, *regēti*; Лома 2014: 73–85.

Рис. 2. *Бабарога* в ПЕРСЈ

Fig. 2. *Babaroga* in PERSJ

3.2. Основные различия между словарями

Большинство различий объясняется разными концепциями словарей, в соответствии с которыми формируется содержание и разрабатывается методология составления словарных статей (см. [Петровић, Вучковић 2018], особенно § 9). Эти различия не принципиальны.

Значительно различаются **корпуса** словарей: материалом для ЕРСЈ послужил практически неограниченный корпус РСАНУ и всех диалектных словарей (в ходе работы над словарем их число выросло с пятидесяти до трехсот); материал ПЕРСЈ представляет собой перечень слов, составленный авторами на основании выборки из толкового словаря сербского языка (см. прим. 11).

Для разных корпусов словарей требуется разный **инвентарь лексем**. В ЕРСЈ их выбор фактически диктуется самим материалом, его обширностью: перечень слов определяется для каждого тома индивидуально, в начале его подготовки, при этом он может быть

скорректирован в ходе работы над словарными статьями. В ПЕРСЈ список заглавных слов зависит от авторского решения, отбор лексем основного лексического фонда производится с учетом специфики слова: словообразовательной, семантической, культурно-исторической¹⁸.

Несмотря на то что оба словаря не включают интернационализмы, появившиеся в языке недавно, и термины, которым место в словаре иностранных слов, в целом **состав словника** в обоих словарях значительно различается. ЕРСЈ, как тезаурус, стремящийся охватить все лексическое богатство сербского языка, фактически без ограничений может включать диалектный и ономастический материал. ПЕРСЈ содержит лишь основной лексический фонд в пределах современного литературного языка. Только принадлежащие данному корпусу слова могут быть заглавными для словарных статей, то же касается дериватов. Областная или диалектная форма вводится в исключительных случаях, как необходимое звено в аргументации. Ономастика же присутствует главным образом в третьей части словарной статьи и привлекается лишь в тех случаях, когда она помогает интерпретировать историческую форму или проиллюстрировать какой-либо дериват. Иногда ономастический материал встречается и в историческом разделе первой части, если нет других документальных подтверждений древнейшего упоминания.

По-разному представлена и **дефиниция значения** заглавных (и иных) слов. В ЕРСЈ дефинициями сопровождаются все фиксации заглавного слова и его производных с минимальными изменениями по сравнению с дефиницией в источнике; в ряду вариантов одного слова дефиниция стоит за первым из них. Тогда как в ПЕРСЈ дефиниция значения заглавного слова обычно отсутствует (исключение составляют некоторые малоизвестные фитонимы и зоонимы), отсутствуют и дефиниции большинства производных в первой части словарной статьи; в ряду вариантов одного слова дефиниция помещена после первого.

¹⁸ Аналогичная процедура применяется и в случае ограниченного и окончательного корпуса, такого как классический старославянский язык, ср. [Janyšková 2021: 536–537].

Экстралингвистические данные также по-разному представлены в словарях. Так, в ЕРСЈ данные этого типа приводятся только в той мере, в какой это необходимо для интерпретации слов (различные случаи описываются в [Бјелетић, Влајић-Поповић 2008; Бјелетић 2013: 130–142]. В ПЕРСЈ содержатся более обширные экстралингвистические данные, которые могут быть использованы для решения не только этимологических задач¹⁹. Это соответствует современной тенденции: усиленное внимание уделяется истории слова, а не только его происхождению [Петровић, Вучковић 2018: 246].

Распространение сербской лексики в соседних языках — как в славянских, включая южнославянские²⁰, так и в неславянских — описывается в словарях по-разному. В ЕРСЈ практически не упоминается экспансия сербских слов, если не считать случаи обратного заимствования, когда это необходимая часть этимологической интерпретации, например: *s. v. астал* в [ЕРСЈ 1: 229–230]. В ПЕРСЈ распространение лексики освещается, как правило, в конце третьей части словарной статьи, причем отмечаются не только примеры

¹⁹ Например, упоминается алхимический контекст происхождения термина *гас* ‘газ’ (*s. v. гас*), или указывается аналогичное греческое выражение, означающее букв. ‘яичница святого Георгия’, для сербского выражения *светог Петра кајгана* (букв. ‘яичница святого Петра’) (*s. v. кајгана*), или фиксируются условия появления политического термина *левица* ‘левые’ (*s. v. леви*).

²⁰ Следует отметить, что, как это ни парадоксально, в случае заимствований из соседних неславянских языков (главным образом в период Средневековья) при отсутствии четких фонетических и/или морфологических показателей часто невозможно с уверенностью исключить влияние какого-либо южнославянского языка. В случае же заимствования слов или специфических значений в соседние славянские языки (как правило, современные) можно с высокой степенью достоверности утверждать, что то или иное слово произошло из сербского (или сербскохорватского) языка. Так, на сербское влияние указывает ареал распространения макед. и болг. *багрем* ‘акация’, а также словен. устар. диал. *maslina* ‘маслина’; для макед. *порез* ‘налог’ — отсутствие соответствующей внутренней семантики; словом *матица* стали называть культурные учреждения после создания в 1826 г. Матицы сербской (Матица чешская появляется в 1831 г., Матица хорватская — в 1842 г., Матица словацкая — в 1863 г., Матица словенская — в 1864 г.).

обратных заимствований в сербском языке, которые в этом словаре, в силу его научно-популярного профиля, представлены в значительно большем количестве, но и все имеющиеся данные, проливающие свет на историю слова и культурно-исторические связи.

После фиксации очевидных различий в *Разделе 3.2* и сходных черт в *Разделе 3.1* подчеркнем, что практически в каждом сегменте ЕРСJ наблюдается несравнимо большее количество словарных статей, а сами они большего объема, чем в ПЕРСJ. Чаще всего слова, которых нет в ПЕРСJ, также отсутствуют и в ЕРСJ, поскольку они не входят в основной лексический фонд. Однако в ЕРСJ встречаются некоторые слова, отсутствующие в ПЕРСJ, по той причине, что в последнем они были включены в состав других словарных статей²¹.

4. Существительное *баба* в словарях ЕРСJ и ПЕРСJ

Для непосредственного сопоставления двух словарей можно использовать пример лексико-семантической семьи многозначного существительного *баба* ‘мать матери или отца, старуха и т. д.’ и его омонимов (в силу преемственности сравнения со словарем Скока в рассмотрение включается и турцизм *бабо*, не относящийся к данному лексико-семантическому семейству)²².

²¹ Наглядным примером может послужить прилагательное *бео* ‘белый’: помимо основной статьи, включающей четыре страницы, дериватам посвящены еще 62 словарные статьи, что в целом занимает около 80 страниц ЕРСJ, в то время как в ПЕРСJ имеется только одна словарная статья, занимающая менее одной страницы, в которой лишь упоминаются 13 общеупотребительных производных (см. [Vlajić-Popović 2017: 152–155]).

²² Говоря об этом лексическом сегменте, необходимо напомнить, что в словаре Скока есть только одна словарная статья, которая включает в себя даже турцизм *бабо* (из трех неполных столбцов на это заимствование приходится почти половина, см. [Skok 1: 82–83]), здесь есть также несколько сбивающий с толку комментарий: «(…) только в сербскохорватском это же слово присутствует как обозначение лица мужского пола, но в этом случае его можно считать

Тезаурус ЕРСЈ, основанный на обширном корпусе с максимальным привлечением диалектного материала, содержит 16 омонимичных заглавных слов (от *баба*¹ до *баба*¹⁶)²³, к которым присоединяется ороним (*баба*), шесть производных (*бабад*, *бабак*¹, *бабарога*, *бабац*, *бабљача*, *бабосук*, см. [ЕРСЈ 2: 27–35]), а также турцизм *бабо* ‘отец, дед и т. д.’ [ЕРСЈ 2: 34–35]. В этом сегменте всего 24 словарные статьи примерно на 20 страницах (см. *Рис. 3*)²⁴.

баба¹ *ба̋ба* f. ‘старица; мати оца или матере; старија сродница’ (Вук 1818; РСА), рег. и ‘ташта, свекрва’ Слав. Посавина, Хомоље, Фрушка гора (РСА), Војв. (РСГВ), бачки Буњевци (Реі́ц/Ва̋лија), Ченеј (Марић), Радимња (Томић II), Мрче (Радић), Колубара (Николић Б.), Горобиле (Николић), Златибор (Миловановић), Банија и Кордун (Петровић Д.), Поткозарје (Далмација), Лика (Ајџановић), шалъ. ‘супруга, жена уопште’ (Вук; РСА), Војв. (РСГВ), Слав., Хрв. (РСА), Поткозарје (Далмација), Лика (Ајџановић), фиг. ‘плашљивац’ (РСА), Војв. (РСГВ), бачки Буњевци (Реі́ц/Ва̋лија), ‘дојкиња, дадиља’ Дубр. (Вук; РСА), ‘играч у децјој игри’ Војна Крајина, Слав., ‘стара пчела’ Бос. Градишка, ‘стара кошница’ Срем (РСА), *ба̋ба* Црна Река (Марковић I), Лесковац (Митровић), Лужница (Ћирић), Тимок (Динић I), Пирот (Живковић), Каменица код Ниша (Јовановић В.), *Ба̋бе* pl. село у Шумадији ⇒ *Ба̋бљанин*, *Ба̋бљанка*, *ба̋бљанскӣ*, *ба̋бе* f. нур. (РСА); деминутиви *ба̋бица*, рег. и ‘дојкиња, дадиља’ НПр Вук (Вук; РСА), ‘стара, онижа жена’ Чумић (Грковић), *ба̋бика* ‘бака’ Војв., *ба̋би́чак* m. ib. (РСГВ), *ба̋бичка* f. Црна Река (Марковић II), Лужница (Ћи-

Рис. 3 (начало). *Баба*¹ в ЕРСЈFig. 3 (beginning). *Baba*¹ in ERSJ

заимствованием из турецкого *бабо* ‘отец, прадед, старик’⟨...⟩». Кроме того, относительно основного слова *баба* Скок заявляет, что «все метафорические употребления этого слова в первичных производных пересчитать невозможно», но несостоятельность такого суждения наглядно показывают 16 (фактически 17) омонимов и шесть производных, представленных в соответствующих словарных статьях ЕРСЈ не только с богатым сербским материалом, но часто и с параллелями для большинства слов в других славянских языках.

²³ Следует иметь в виду, что 12 из них имеют соответствующие славянские параллели.

²⁴ Не следует упускать из виду, что тому же лексическому сегменту, но с гораздо меньшим содержанием соответствует в словаре Скока только одна словарная статья (см. прим. 23).

рић), Тимок (Динић I), Пирот (Живковић; Златковић I), Каменица код Ниша (Јовановић В.), *бабичка* Лесковац, *бајка* ib. (Митровић), Пирот (Живковић), Каменица код Ниша (Јовановић В.), *бајче* n. Врање (РСА), *бајче* Црна Река (Марковић II), Лесковац (Митровић), Каменица код Ниша, *бајчица* f. ib. (Јовановић В.), *баборче* n. Лесковац (Митровић), *бабешка* f. Врање (Златановић), *бабушка* Ускоци (Станић), „кочоперна баба“ Дрвар (Јовичић); аугментативи *бабешина* (РСА), Ускоци (Станић), Поткозарје (Далмација), *бабешина* Загарач (Ћупићи), *бабурда* (РСА), *бабура* бачки Буњевци (Реић/Ваџлија), Ускоци (Станић), такође „стара овца“ Пива, *бабурача* ib. (Гаговић), *бабурина* (РСА), Ускоци, *бабурешина* ib. (Станић), *бабускара*, *бабускара*, *бабуша* (РСА), *бабуша* „особа која личи на своју бабу“ Пирот (Живковић), Каменица код Ниша (Јовановић В.), такође *бабешкара* бачки Буњевци (Реић/Ваџлија), *бабешкара* Прошћење (Вујичић), *бабешине* Врање (Златановић), *бабашљак* / *бабешљак* Тимок (Динић III), Каменица код Ниша (Јовановић В.), *бабушљак* Црна Река, *бабушћара* ib. (Марковић II), *бабешћер* Врање (Златановић), *бабешћер* Пирот (Златковић I); друге изведенице: презиме *Бабић*, *бабац*, *-ица* m. шал. „држећа старија жена“, „опака стара жена“ ЦГ (РСА), Поткозарје (Далмација), *бабац* „крупна мушкобањаста баба“ Загарач (Ћупићи), *бабац* „бабетина“ Црна Река (Марковић I), *бабџ* Каменица код Ниша (Јовановић В.), *бабџ* „бака“ Лесковац (Митровић), *бајсџиво* n. (*баџиво*, *баџио*) „посао дојкиње“, *бабњак* m. шал. „место у цркви где стоје жене“ Хрв. Крајина, *бабовина* f. „наслеђе од бабе“ (РСА), *бабарџа* „измишљене приче“ ји. Бока (Lipovac-Radulović I), *бабарџе* pl. „празновернице, предрасуде“ (РСА), Војв. (РСГВ), *бабоња* m. „стар човек (који је изгубио мушкост)“ Студеница; придеви *бабав* Зајечар, *бабасџ*, *бабин* ⇒ *бабињаци*, *-ак* m. pl. „бабино лето, filamenta Mariae“, *бабински*, *баб(и)ји*, *бабљи* (РСА), *бабљес*, *-ица*, *-ица* Тимок (Динић I) ⇒ *бабљача* f. „уседелица“ Каменица код Ниша (Јовановић В.), *бајски* (РСА), *бабачки* бачки Буњевци (Реић/Ваџлија); деноминали **бабити**¹, *бабовати* impf. „бити баба; бити дадиља, дојкиња“ (Вук; РСА), Војв. (РСГВ), *бабуњати* „старети“, *збабати се* pf. „добити изглед бабе“, *збабати се* „id.“ (РСА), Војв. (РСГВ), *обабити (се)*, *збабљати се* Врање (РСА), *збабљеш се* Пирот (Живковић), *збабљеш се* 3. sg. „остарити пре времена“ Тимок (Динић I), Каменица код Ниша (Јовановић В.), *збабљати се*, *збабуњати се* (се) Параћин, Зајечар, *збабуљати се* Бачка, *збабурајати се*, *збабуријати се* (РСА); (полу)сложенице *бабџик* adj., *бабџичан*, *-чна*, *-чно* (Вук), ЦГ (РСА), *баба-дѣвѣјка* „уседелица“; хипокористици од скраћене основе: *бака* f. Слав., Херц. (РСА), Војв. (РСГВ), Златибор (Миловановић), Поткозарје (Далмација), „дечја игра; играч у њој“ Алексинац, *ба-*

Рис. 3 (продолжение). *Баба*¹ в ЕРСЈFig. 3 (continued). *Baba*¹ in ERSJ

кица, *бáчица* (РСА), *ба́каша* Поткозарје (Далмација), *бакуи́йца* Косово (Елезовић I), *баке́йина* augm., реј., *ба́кац*, *-кца* m. „деда“ Лика, *ба́коња* „слабић, млакоња“ Банат, *бакѹи́а̋н*, *-а́на* Груза; *ба́ја* f. (РСА), Поткозарје (Далмација), *ба́јка*, *ба́јкана* (РСА), *ба́јкара* Поткозарје (Далмација), *ба́јѹн* m. Лика, *бајѹндер* ib. (РСА), *ба́јче* n. Црна Река (Марковић II); *ба́ља* f. Подгорица (РСА). — Од XV в. *баба*, од 1272. *бабица* „nutrix“ Дубр. (RJA).

• Од псл. **baba*; уп. стсл. **БАБА** „баба; бабица; дадиља“, мак. *баба* „id.“, такође „старица; ташта“, буг. *баба* „id.; баба“, слн. *baba* „баба; бабица; одрасла жена“, чеш. *bába* „баба; старица; бабица; удата жена“, слч. *baba* „id.“, глуж., длуж., полъ. *baba*, рус., укр., блр. *ба́ба* (Skok 1:82–83; SP 1:169–171; ЭССЯ 1:105–108).

Редупликација својствена децјем језику, која се у истом значењу среће и у балтским језицима: лит. *boba* „старица, баба; старија удата жена“, лет. *bāba* „стара жена; врача́ра“ (SP 1:171; ЭССЯ 1:107), а из слов. језика прешла је у рум. *babă*, мађ. *bába*, алб. *babë*, нгр. *ба́ба* (Skok 1:83). Слични гласовни склопови срећу се у терминологији сродства многих језика, уп. нпр. тур. *baba* (в. **бабо**). За топониме типа *Ба́бина Гла́ва* / *Го́ра* / *Гре́да*, *Ба́бин Врх* / *Дрѹб* / *Дѹб* / *Зѹб* / *Но́с*, *Ба́бино Језеро* / *По́ље*, *Ба́бља́к* планина у ЦГ уп. **баба²**, **Баба**. За *бабњак* уп. блр. *бабінец* „црквена порта“, укр. *бабінець* „место где се окупљају старе жене“ (ЭСБМ 1:252). Овамо можда и *збабу́льа̋и* „згужвати“ Нови Сад, *збабу́льи̋и* „id.“ Равно Село (РСГВ), тј. „наборати се попут бабе“, за семантику уп. блр. *бабець*, *ба́бица* „борати се, гужвати се“, укр. *бабі́ти* „id.“, чеш. *baběti* „борати се (о јабукама)“ (ЭСБМ 1:248). Значење *бабари́је* „празноверице“ објашњава се религијским конзервативизмом типичним за старе жене, уп. изразе као *бајска посла*, *бајске приче*, рег. и *ба́бине девейи́не* „тричарије, празне приче“ Црна Река (Марковић I), Тимок (Динић I), Каменица код Ниша (Јовановић В.), „враѹбине, празноверице“ Пирот (Златковић II), буг. дијал. *ба́бини дивити́ни* „празне приче“ Тројан (БД 4:189). Уп. **прабаба**.

Рис. 3 (окончание). *Баба*¹ в ЕРСЈFig. 3 (end). *Baba*¹ in ERSJ

В справочнике ПЕРСЈ, ввиду его ограниченного корпуса и объема, материал и дискуссии максимально **сокращаются** — для реализации научно-популярного подхода, но не в ущерб научному. На примере лексемы *баба* обнаруживаются следующие явные отличия этого словаря от ЕРСЈ:

- 1) вся лексико-семантическая семья существительного *баба* (с сопутствующим турцизмом!), если учитывать и сложное слово *висибабa*, в ПЕРСЈ занимает менее двух страниц с пятью словарными статьями (см. Рис. 4);

баба -ē f., покр. и ‘ташта, свекрва’, ‘супруга, жена уопште’, *бајскѣ* adj., *бабѣ*: бабљѣ лѣто ‘михољско лѣто’, *збабѣти се* pf., *бака* f. нур.; српсл. баба ‘баба’: тышта єсть мати и баба ... жени ѿиєє (Синт.), ‘бабица’, стрп. тпн. Бабе f. pl., Бабин Лоугъ итд. ◀ Од псл. **baba*; уп. стсл. баба ‘баба; бабица; дадиља’, мак. баба ‘id.’, такође ‘старица; ташта’, буг. баба ‘id.; баба’, слн. baba ‘баба; бабица; одрасла жена’, чеш. bába ‘баба; старица; бабица; удата жена’, слч. baba ‘баба; старица; празнични колач; деџа играчка’, глуж., длуж., поль. baba, рус., укр., блр. баба. ▲ Балтословенска реч, уп. лит. boba ‘старица, баба; старија удата жена’, лет. bāba ‘стара жена; врача́ра’, у крајњој линији редупликација из деџег говора са елементарним паралелама у низу сродних и несродних језика, уп. нпр. тур. baba ‘отац’ (в. бабо), за сличне речи тепања уп. мама, та́та. У словенском је она прерасла у термин сродства, уп. прабаба. Реч долази и у разним метафоричним применама, у зоонимији (баба назив за разне врсте риба, ракова, пужева), фитонимији (нпр. баба, бабина коса ‘ковиле’), као назив за разне предмете: пећ од блата, греда, камен међаш итд., каткад са опсеном конотацијом (баба ‘женска копча’, у коју се умеће ‘мушка’, звана још дџда или бабац). Митологизована Баба нашла је свој одраз у народном календару (Баба Марта), топонимији (Баба као назив више планина) итд. Изрази као бајска ѿсла, бајске ѿриче ‘враџбине, празновѣрице’ одражавају улогу старијих жена у преношењу фолклорних традиција, укључујући оне окултне (уп. лет. значење baba ‘враџара’). За збабѣти се уп. блр. бабецѣ, баби́ца ‘борати се, гужвати се’, укр. бабіти ‘id.’, чеш. babčeti ‘смежурати се (о јабукама)’. Ти деноминали засновани су на значењу ‘старица’, за разлику од псл. **babiti* (se) ‘порађати (се)’ изведеног од **baba* ‘зрела жена’ (в. баби́ца). Из словенских језика рум. babă, мађ. bába, алб. babë, нгр. баба́. Уп. бабаро́га, вѣсибаба. • ЕРСЈ 2: 14–26 s. vv. баба^{1–16}; Skok 1: 82–83; SP 1: 169–171; ЭССЯ 1: 105–108; ESJS 55.

бабаро́га -ē f., покр. и *бабару́га*. ◀ Полусложеница са првим делом баба, други део се тумачи различито. ▲ Елемент -рога садрже и покр. називи вѣшѣторога и о́рдорога ‘вештица; зла, језична жена’ (ЦГ), у којима се први делови јасно везују за реч вѣшѣтица и њен (етимолошки нејасан) синоним о́рдуља, што за -рога указује на значење ‘вештица’ и везу са лит. rāgana, лет. ragana ‘id.; чаробница’. Балтски назив изводи се од *regėti* ‘видети’, тј. вештица би била првобитно ‘видовњакиња, пророчица’, уп. за семасиологију слов. **vědъta*, **věščъ(jь)*, овде вѣшт, вѣшѣтица. Мање је вероватно тумачење по којем би и бабаро́га и источнобалтска ragana биле тако означене по рошчићима на глави (в. рог) са којима су замишљане, још мање оно које полази од (очито секундарне) варијанте *бабару́га* и изводи тај други део од псл. **rogati* (se)

Рис. 4 (начало). Баба и т. д. в ПЕРСЈ

Fig. 4 (beginning). Baba etc. in PERSJ

‘ругати (се)’, претпостављајући да се назив изворно односио на бабу као карневалски лик (персонификацију Великог поста). За трагове бсл. **rag-* ‘видети’ на словенском југу уп. **разрогáчити, рáзрок**. • EPCJ 2: 29; ЭССЯ 1: 108 s. v. **baba rōga*; Skok 1: 82–83 s. v. *bāba*; Fraenkel 684; Smoczyński SEJL s. vv. *rāgana, regēti*; Лома 2014: 73–85.

бабине в. бабица

бабица -ē f., *бабичкѣ* adj., *бабичити* impf. ‘порађати’; # стсрп. **бабица* ‘дојиља’: *babiza ancilla, nutrix* 1272 (Дубровник). ◀ Од јсл. **babica* ‘примаља, бабица’, уп. мак. *бабица*, слн. *bábica*. ▲ Исто значење имају и зсл. и истсл. облици на *-ѣка: слч. дијал., чеш. дијал., длуж., полј. *babka*, рус., укр., блр. *ба́бка*. Обе варијанте, **bab-ica* и **bab-ѣка*, истовремено су хипокористици од псл. **baba* (в. **ба́ба**). И та основна реч је у свим словенским језицима посведочена и као ‘бабица’. У том значењу она је изведена од глагола псл. **babiti* (уп. цсл. *бавити*, буг. *ба́бя*, слн. *babiti*, слч. *babit*’, чеш. *babiti*, глуж. *babíć*, струс. *бабѹти*, рус. *ба́бить*, укр. *ба́бити*, блр. *ба́біць* све ‘помагати породиљи’), који изворно значи ‘чинити *бабом*’, што је каузатив од псл. **baba* (уп. рефлексивни облик *бабѹти се*, већ српсл. *бавити се* ‘рађати’, тј. ‘постајати *бабом*’). То глаголско образовање је још балтословенско, уп. лит. *bóbuti* ‘бабичити’ од *bóba* ‘баба’. Поствербално порекло имене *бабица* експлицитно је изражено суфиксима за *pōpina agentis* у *бабѹља* ‘бабица’, *ба́бац*, -*ница* m. ‘мушкарац који помаже при телењу крава’ (уп. *пра́тѹља* од *пра́тити*, *ко́сац* од *ко́сити*). Назив *бабине* / *бабиње* за обичај посете породиљи и даривања новорођенчета такође је изведен од *бабѹти (се)*, као псл. **rodiny* ‘рођење, пород; с тим везани обичаји’ од псл. **roditi*. • EPCJ 2: 31–33 s. v. *бабѹти*¹; Skok 1: 82 s. v. *bāba*; ЭССЯ 1: 110 s. v. **babiti*; SP 1: 172–173 s. v. *babiti*.

ба́бо -a m. заст.: А мој бабо, Вукашине краљу (НП Вук), покр. и *ба́бо*, -ē, *бабајко*: Мој бабајко, не слушај те стари (НП Вук), *ба́бов* adj.: Дај ми, мајко, комад леба бабов (НП Вук). ◀ Од тур. *baba* ‘отац’. ▲ Балкански турцизам, уп. мак. заст. *баба*, буг. *баба́*, рум., алб. *baba*, нгр. *ба́ба*. Општетурски термин сродства пореклом је реч *тепања*. У српском је она попримила хипокористични лик и акценат, свакако да би се повукла разлика према домаћем називу за најближег женског сродника у другом колену **ба́ба**, насталом на сличан начин у децјем говору. У истом значењу у турском постоји и позајмљеница из персијског *peder* < пие. **ph₂tēr* (уп. **стриц**, **патријарх**, **патриот**). • EPCJ 2: 34–35; Skok 1: 83; Škaljić 109; Петровић 2021: 58–59.

*

вйсибаба –ē f. ‘биљка *Galanthus nivalis*’. ◀ Императивна сложеница са **вйсити** у првом делу. ▲ Изворно можда **виси-боба* (в. **боба**), пошто је плод биљке висећа бобица. У том случају други део сложенице био би секундарно преосмишљен према **баба**. Било да је примарна или секундарна, семантика старице има пандан у називу за другу сличну биљку — *висистарац*. Обема је заједничко бело, окомито оборено цвеће. Изгледом цвета објашњава се и други народни синоним — *висигаћ*(а). Треба имати у виду и чињеницу да се променљиво време раног пролећа, кад ова биљка цвета, у фолклору везује за митолошки лик Бабе („Бабини козлићи“, „Баба Марта“ и сл.). • Skok 3: 597 s. v. *vīsiti*; Бјелетић 1996: 93–94; EPCJ 2: 25–26 s. v. *baba*¹⁶.

Рис. 4 (окончание). *Баба* и т. д. в ПЕРСЈFig. 4 (end). *Baba* etc. in PERSJ

- 2) вместо 17 омонимичных дефиниций (включая один ороним) на 13 страницах ЕРСЈ, в ПЕРСЈ есть только одна статья лексемы *баба*, занимающая лишь половину страницы;
- 3) вместо шести производных на шести страницах в ЕРСЈ, в ПЕРСЈ находим лишь два производных слова примерно на половине страницы. Первое из них — (а) *бабарога*, слово из второго «слоя», включенное из-за его генетической связи с *баба*²⁵; здесь ЕРСЈ цитируется, но с другой последовательностью интерпретаций и новой аргументацией, с добавлением существенно новой этимологии, предложенной в авторской статье 2014 г. Другое производное слово — (б) *бабица*, и в ПЕРСЈ для него написана самостоятельная словарная статья; в ЕРСЈ же эта лексема упоминается только в качестве слабо документированного примера s. v. *бабити*. Таким образом, ситуация с этим словом в ПЕРСЈ обратная той, что имеет место в ЕРСЈ: существительное принадлежит к основному лексическому фонду, а глагол — нет, поэтому он упоминается только в дискуссии о существительном;
- 4) и наконец, *бабо* ‘отец’ — слово из третьего «слоя», к которому оно отнесено как устаревшее и областное. Слово включено

²⁵ Словарь Скока вообще не содержит этой лексемы (как и RJAZU, что, вероятно, и является причиной ее отсутствия в словаре Скока, поскольку он в первую очередь использовал материал RJAZU).

сюда из-за тематической связи с *баба*: хотя это и не родственное слово, но оно важно для этимологической дискуссии, поскольку является созвучным слову *баба*, а также потому, что Скок включил его в словарную статью исконного слова. У этого старого и бесспорного заимствования есть новый комментарий, которого нет в ЕРСJ, и, по мнению автора, он подходит для популярного профиля ПЕРСJ.

5. Заключение

В итоге можно сделать вывод, что, поскольку ЕРСJ продолжает составляться как тезаурус, как изначально и задумывалось, и поскольку ПЕРСJ после эволюции концепции и методологии в большей степени стал тяготеть к научному профилю, оба словаря вносят ценный вклад в сербскую и славянскую, а также балканскую и иногда индоевропейскую этимологию²⁶. Перспектива видится в том, что ЕРСJ будет продолжать развиваться как тезаурусный словарь, а ПЕРСJ будет служить двойной цели: с одной стороны, как свод выверенных этимологических решений, он облегчит и ускорит работу над будущими томами ЕРСJ, а с другой — станет отправной точкой для создания действительно популярного словаря. Таким образом, в отношении сербского языка можно было бы считать претворенным в жизнь следующее утверждение: «⟨...⟩ каждый язык ⟨должен иметь⟩ по крайней мере три этимологических словаря, адаптированных к разным типам пользователей» [Stachowski 2015: 280]. Ожидается,

²⁶ Авторская составляющая в ЕРСJ легко узнаваема в дискуссии в третьей части словарной статьи, где при изложении существующих этимологических версий цитируются их авторы. В ПЕРСJ эта составляющая проявляется в организации списка литературы: новое этимологическое решение или отмечается особым знаком, или сопровождается отсылкой к конкретному исследованию одного из авторов словаря, в котором обсуждаемое слово детально проанализировано с этимологической точки зрения.

что на следующем этапе цифровизация ускорит создание, во-первых, словарей, обеспечив нелинейное, неалфавитное написание и публикацию словарных статей, а во-вторых, сетей; также она улучшит функционирование отсылок, обеспечит большую доступность и связь с другими словарями на платформе «Расковник» (см. <http://raskovnik.org/>), принадлежащей Институту сербского языка, и т. д.

Литература

- Бјелетић 2011 — М. Бјелетић. Резултати и перспективе српске етимолошке лексикографије // С. Танасић (гл. ур.). Граматика и лексика у словенским језицима. Нови Сад; Београд: Матица српска; Институт за српски језик САНУ, 2011. С. 289–299.
- Бјелетић 2013 — М. Бјелетић (ур.). Ка изворима речи. Тридесет година Етимолошког одсека Института за српски језик САНУ: зборник радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2013.
- Бјелетић, Влајић-Поповић 2008 — М. Бјелетић, Ј. Влајић-Поповић. Екстралингвистички фактори у етимолошким истраживањима (на примеру Етимолошког речника српског језика) // Зборник Матице српске за славистику. 2008. Књ. 73. С. 57–70.
- Бјелетић, Влајић-Поповић 2013 — М. Бјелетић, Ј. Влајић-Поповић. Једнотомни етимолошки речник српског језика (методолошки аспект) // Зборник Матице српске за славистику. 2013. Књ. 83. С. 171–180.
- Влајић-Поповић 2017 — Ј. Влајић-Поповић. Етимологија српског језика данас (уз осврт на јуче и поглед ка сутра) // Јужнословенски филолог. 2017. Књ. 73. Св. 3–4. С. 137–161.
- Влајић-Поповић, Бјелетић 2009 — Ј. Влајић-Поповић, М. Бјелетић. Павле Ивић као покретач савремених етимолошких истраживања српског језика // Зборник Матице српске за филологију и лингистику. 2009. Књ. 52/1. С. 67–75.
- Влајић-Поповић, Бјелетић 2021 — Ј. Влајић-Поповић, М. Бјелетић. Историјске потврде у етимолошким речницима српског језика // Ј. Грковић-Мејдор, И. Бјелаковић, М. Куршевић (ур.). Историјска лексикографија српског језика. Нови Сад: Филозофски факултет, 2021. С. 41–58.
- Вучковић 2021 — М. Вучковић. О корисницима етимолошких речника и етимолошким речницима с корисничког аспекта // С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић (ур.). Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема: зборник научних радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. С. 545–559.

- ЕРСЈ — А. Лома (гл. ур.). Етимолошки речник српског језика. 1—. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2003—.
- Ивић 1997 — П. Ивић. Етимолошки пројекат САНУ // Славистика. 1997. Књ. 1. С. 113–115.
- Московљевић 2000 — М. Московљевић. Речник савременог српског језика с језичким саветником. Београд: Гутенбергова галаксија, 2000.
- ОС ЕРСЈ — П. Ивић (ур.). Огледна свеска. Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1998.
- ПЕРСЈ — А. Лома (гл. ур.). Приручни етимолошки речник српског језика. Београд: Институт за српски језик САНУ. У припреми.
- Петровић, Вучковић 2018 — С. Петровић, М. Вучковић. Етимолошки речници српског језика — од концепције ка методологији // Р. Драгићевић, В. Брборић (ур.). Српска славистика. Колективна монографија. Том I. Језик. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2018. С. 245–258. DOI: 10.18485/mks_srpska_slavistika.2018.1.ch16.
- Ристић и др. 2021 — С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић (ур.). Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема: зборник научних радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021.
- РКС — Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских. Књ. 1–3. Биоград: Државна штампарија, 1863–1864.
- РСАНУ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. 1—. Београд: САНУ; Институт за српски језик САНУ, 1959—.
- Boryś 2011 — W. Boryś. Słowiańskie słowniki etymologiczne // Rocznik Slawistyczny. 2011. Vol. 60. P. 15–70.
- Daničić 1877 — Gj. Daničić. Korijeni s riječima od njih postalijem. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1877.
- Havlová 2012 — E. Havlová. O metodách etymologické praxe // B. Vykypěl, V. Boček (eds.). Methods of Etymological Practice. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. P. 9–66.
- Janyšková 2021 — I. Janyšková. Úskalí tvorby etymologického slovníku // С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић (ур.). Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема: зборник научних радова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. С. 533–543.
- Karlíková 2017 — H. Karlíková. Etymologický slovník // P. Kárlik, M. Nekula, J. Pleškalová (eds.). CzechEncy — Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: https://www.czechency.org/slovník/ETYMOLOGICKÝ_SLOVNÍK (дата обращения: 12.01.2023).
- RJAZU — Ђ. Daničić, P. Budmani, T. Maretić, S. Musulin, S. Pavešić (ur.). Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Vols. 1–23. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1881–1976.

- Skok 1971–1974 — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Vols. 1–4. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Stachowski 2015 — M. Stachowski. Remarks on the Notions ‘Dogmatic’ and ‘Analytic’ in Etymological Lexicography // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2015. No. 132. P. 271–281. DOI: 10.4467/20834624SL.15.024.4431.

References

- Bjeletić 2011 — M. Bjeletić. Rezultati i perspektive srpske etimološke leksikografije [Results and prospects of Serbian etymological lexicography]. S. Tanasić (gl. ur.) *Gramatika i leksika u slovenskim jezicima* [Grammar and lexicon in Slavic languages]. Novi Sad; Belgrade: Matica srpska; Institute for the Serbian Language of SASA, 2011. P. 289–299.
- Bjeletić 2013 — M. Bjeletić (ur.). *Ka izvorima reči. Trideset godina Etimološkog odseka Instituta za srpski jezik SANU* [Toward the sources of language. Thirty years of the Etymological department of the Institute for the Serbian language of the SASA]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2013.
- Bjeletić, Vlajić-Popović 2008 — M. Bjeletić, J. Vlajić-Popović. Ekstralingvistički faktori u etimološkim istraživanjima (na primeru Etimološkog rečnika srpskog jezika) [Extralinguistic factors in etymological studies (the example of the Etymological dictionary of the Serbian language)]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*. 2008. Vol. 73. P. 57–70.
- Bjeletić, Vlajić-Popović 2013 — M. Bjeletić, J. Vlajić-Popović. Jednotomni etimološki rečnik srpskog jezika (metodološki aspekt) [One-volume etymological dictionary of the Serbian language (methodological aspect)]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*. 2013. Vol. 83. P. 171–180.
- Boryś 2011 — W. Boryś. Słowiańskie słowniki etymologiczne. *Rocznik Slawistyczny*. 2011. Vol. 60. P. 15–70.
- Daničić 1877 — Gj. Daničić. *Korijeni s riječima od njih postalijem* [Roots with words originating from them]. Zagreb: Yugoslav Academy of Sciences and Arts, 1877.
- ERSJ — A. Loma (ed.). *Etimološki rečnik srpskog jezika* [Etymological dictionary of the Serbian language]. 1–. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2003–.
- Havlová 2012 — E. Havlová. O metodách etymologické praxe [On methods of etymological practice]. B. Vykypěl, V. Boček (eds.). *Methods of Etymological Practice*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. P. 9–66.
- Ivić 1997 — P. Ivić. Etimološki projekat SANU [Etymological project of the Serbian Academy of Sciences and Arts]. *Slavistika*. 1997. Vol. 1. P. 113–115.

- Janyšková 2021 — I. Janyšková. Úskali tvorby etymologického slovníku [Pitfalls of creating an etymological dictionary]. S. Ristić, I. Lazić Konjik, N. Ivanović (eds.). *Leksikografija i leksikologija u svetlu aktuelnih problema: zbornik naučnih radova* [Lexicography and lexicology in the light of current problems. A collection of scientific articles]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2021. P. 533–543.
- Karliková 2017 — H. Karliková. Etymologický slovník [Etymological dictionary]. P. Kárlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). *CzechEncy — Nový encyklopedický slovník češtiny* [CzechEncy — New encyclopedic dictionary of the Czech language]. Available at: https://www.czechency.org/slovník/ETYMOLOGICKÝ_SLOVNÍK (accessed on 12.01.2023).
- Moskovljević 2000 — M. Moskovljević. *Rečnik savremenog srpskog jezika s jezičkim savetnikom* [Dictionary of contemporary Serbian language]. Belgrade: Gutenbergova galaksija, 2000.
- OS ERSJ — P. Ivić (ed.). *Ogledna sveska. Etimološki odsek Instituta za srpski jezik SANU* [Pilot issue. Etymological department of the Institute for the Serbian language of the SASA]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 1998.
- PERSJ — A. Loma (ed.). *Priručni etimološki rečnik srpskog jezika* [Concise etymological dictionary of the Serbian language]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA (To appear).
- Petrović, Vučković 2018 — S. Petrović, M. Vučković. Etimološki rečnici srpskog jezika — od koncepcije ka metodologiji [Etymological dictionaries of the Serbian language — from concept to methodology]. R. Dragičević, V. Brborić (eds.). *Srpska slavistika. Kolektivna monografija. Tom I. Jezik* [Serbian Slavistics. Collective monograph. Vol. I. Language]. Belgrade: Association of the Slavistic Societies of Serbia, 2018. P. 245–258.
- Ristić et al. 2021 — S. Ristić, I. Lazić Konjik, N. Ivanović (eds.). *Leksikografija i leksikologija u svetlu aktuelnih problema: zbornik naučnih radova* [Lexicography and lexicology in the light of current problems. A collection of scientific articles]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2021.
- RJAZU — Đ. Daničić, P. Budmani, T. Maretić, S. Musulin, S. Pavešić (eds.). *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Dictionary of the Croatian or Serbian language]. Vols. 1–23. Zagreb: Yugoslav Academy of Sciences and Arts, 1881–1976.
- RKS — Dj. Daničić. *Rječnik iz književih starina srpskih* [Dictionary of Medieval Serbian Litteracy]. Vols. 1–3. Belgrade: State Publishing House, 1863–1864.
- RSANU — *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary and vernacular language]. 1–. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 1959–.

- Skok 1971–1974 — P. Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological dictionary of the Croatian or Serbian language]. Vols. 1–4. Zagreb: Yugoslav Academy of Sciences and Arts, 1971–1974.
- Stachowski 2015 — M. Stachowski. Remarks on the Notions ‘Dogmatic’ and ‘Analytic’ in Etymological Lexicography. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2015. No. 132. P. 271–281.
- Vlajić-Popović 2017 — J. Vlajić-Popović. Etimologija srpskog jezika danas (uz osvrt na juče i pogled ka sutra) [Etymology of the Serbian language today (with a glance at the past and a look into the future)]. *Južnoslovenski filolog*. 2017. Vol. 73. No. 3–4. P. 137–161.
- Vlajić-Popović, Bjeletić 2009 — J. Vlajić-Popović, M. Bjeletić. Pavle Ivić kao pokretač savremenih etimoloških istraživanja srpskog jezika [Pavle Ivić as founding father of modern etymological studies of the Serbian language]. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. 2009. Vol. 52. No. 1. P. 67–75.
- Vlajić-Popović, Bjeletić 2021 — J. Vlajić-Popović, M. Bjeletić. Istorijske potvrde u etimološkim rečnicima srpskog jezika [Historical attestations in Serbian etymological dictionaries]. J. Grković-Mejdžor, I. Bjelaković, M. Kurešević (eds.). *Istorijska leksikografija srpskog jezika* [Serbian historical lexicography]. Novi Sad: Faculty of Philosophy, 2021. P. 41–58.
- Vučković 2021 — M. Vučković. O korisnicima etimoloških rečnika i etimološkim rečnicima s korisničkog aspekta [On users of etymological dictionaries and etymological dictionaries from the user prospect]. S. Ristić, I. Lazić Konjik, N. Ivanović (eds.). *Leksikografija i leksikologija u svetlu aktuelnih problema: zbornik naučnih radova* [Lexicography and lexicology in the light of current problems. A collection of scientific articles]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2021. P. 545–559.

Принцип общей контекстуализации в сербской диахронической лингвистике

В. Савич

Филологический факультет Белградского университета (Белград, Сербия);
Институт сербского языка САНИ (Белград, Сербия); viktor.savic@isj.sanu.ac.rs;
ORCID: 0000-0001-7003-3201

Аннотация. В статье рассматривается положение дел в современной сербской диахронической лингвистике с точки зрения преодоления недостатков, накопившихся за предшествующий период. Высказывается тезис о необходимости большего обращения сербского языкознания к вспомогательным историческим дисциплинам — историографии и другим наукам исторического направления, которые продвинули бы вперед понимание научного предмета путем применения междисциплинарного подхода. Основной тезис статьи подтверждается иллюстрациями из новейшей научной литературы, изложением основных этапов в эволюции научных взглядов на ключевые памятники ранней южнославянской письменности, анализом случаев значительного разброса мнений относительно времени и места создания ряда рукописей и источников (Мариинское Евангелие, Летопись попа Дуклянина, отрывок Апостола Михановича, Черепишский Типикон и др.), прогресс в исследовании которых оказывается возможным именно благодаря привлечению разного рода экстралингвистических сведений.

Ключевые слова: сербская диахроническая лингвистика, история языка, вспомогательные исторические дисциплины, контекстуализация.

The principle of general contextualization in Serbian diachronic linguistics

Viktor Savić

University of Belgrade — Faculty of Philology (Belgrade, Serbia);
Institute for the Serbian Language, Serbian Academy of Sciences and Arts
(Belgrade, Serbia); viktor.savic@isj.sanu.ac.rs; ORCID: 0000-0001-7003-3201

Abstract. As opposed to literary history, the development of modern Serbian diachronic linguistics has for many decades been unrelated to auxiliary historical disciplines like historiography and other historically oriented sciences, which has largely resulted from a growing gap between social sciences, humanities and philological sciences, as well as from a general decline in the volumes and character of collaboration among professionals in these two compatible research areas. Notably, however, this precarious situation is not limited to Serbia alone, with examples of similar developments in Slavic studies found in other countries as well. Both branches of language history, i.e. that addressing literary language and that addressing vernaculars, must turn more attention to auxiliary historical disciplines, to not only ensure higher accuracy of the results, but also to improve the general scope of academic practices. With the nature of the surviving medieval linguistic corpora in mind, studies in literary language history could especially benefit from a closer and more profound connection with the whole range of history-oriented sciences. This would help eliminate the main disadvantage of isolated linguistic research by placing the research object in a more general context, providing a close connection between research procedures and knowledge from other research areas. As a result, the researcher would be presented with a more complete picture and a greater potential for pertinent interpretation of facts. The paper proposes to apply the abductive method adopted from historiography which has strongly contributed to modern studies by enabling major intellectual shifts and growth of scholarly knowledge. It has been, as far as the Serbian environment is concerned, particularly significant in analyses of the early medieval history. The paper demonstrates the potential of this logical procedure on the study of a late 12th-century manuscript fragment that has helped determine the most probable place for the fragment in the history of Serbian spiritual and written culture.

Keywords: Serbian diachronic linguistics, the history of language, auxiliary historical disciplines, contextualization.

1. Постановка проблемы

Можно заметить, что в сербской диахронической лингвистике десятилетиями принципиально нарушается правильное отношение к лингвистическому источнику исторического характера, что по сути является следствием разобщения социально-гуманитарных и филологических наук и уменьшения объема и изменения природы междисциплинарного и коллегиального сотрудничества исследователей данных областей — в контексте настоящей работы в первую очередь историков языка и историографов¹. Эта тенденция привела к разделению философского и филологического факультетов Белградского университета (1960 г.), что было событием в высшей степени символичным, а на практике студенты-филологи лишились предмета «Вспомогательные исторические дисциплины» (палеография, филигранология, сфрагистика и т. д., большей частью интегрированные в археографию). Подготовленные специалисты в основном не(достаточно) знакомы с этими дисциплинами, верность которым сохраняют лишь представители старшего поколения филологов, получившие (хотя бы отчасти) образование также и на философском факультете в Белграде или в Нови-Саде, в кругу Петра Джорджича (1904–1989), автора «Истории сербской кириллицы» (1971 г.), известного сербского палеографа, профессора

¹ Ранее, в XIX в., готовились и выпускались специалисты, интересовавшиеся и одинаково владевшие обеими областями. Известный специалист и пример этой сербской традиции — Стоян Новакович (1842–1915), талантливый ученик Джюры Даничича (1825–1882), автор объемных и важных трудов по филологии и истории (библиографию Новаковича см. в: [Мереник 2017]). Уже Александр Белич (1876–1960), ведущий сербский лингвист XX в., глубоко интересовавшийся сербистикой (позднее — сербохрватистикой) в целом, известный трудами по диалектологии и истории народного языка, в меньшей мере интересовался древнейшей историей книжного языка (до XIX века), а тем более — историографией как в то время вполне уже самостоятельной научной областью, что, учитывая все обстоятельства, объяснимо (библиографию Белича см. в: [Грицкат 1959–1960]).

(палео)славистики (на пенсии с 1974 г.)². Гораздо лучше обстоит дело с литературоведами благодаря традиционной приверженности специалистов по истории древней литературы комбинированному историко-текстологическому подходу³.

2. Примеры соединения диахронической лингвистики и вспомогательных исторических дисциплин

Хорошим примером современного положения дел может послужить изучение Святостефанского хрисовула — грамоты об основании и дарении, выданной ктиторскому монастырю короля Милутина Баньска вблизи нынешней Косовска-Митровицы (1316–1318). Еще

² Библиографию Петра Джорджича см. в: [Djordjić 1984].

³ Кроме того, сербские историки древней, в основном средневековой, литературы больше обращаются в Отдел археографии Национальной библиотеки Сербии, где десятилетиями развивается совместное сотрудничество в Отделе или в непосредственном контакте с историками искусств, из рядов которых в сербской среде вышли специалисты по палеографии и кодикологии под эгидой археографической школы Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), получившего образование в Санкт-Петербурге, Киеве, Белграде, Загребе и даже Скопье и бывшего первым руководителем Отдела археографии (1961–1965) (библиографию Мошина см. в: [Палибрк-Сукић 2008]). Двумя главными продолжателями этой филологической концепции, историками литературы старшего поколения были Димитрие Богданович (1930–1986), заведующий Отделом археографии (1968–1974) (библиографию см. в: [Суботин-Голубовић, Пузовић 2016]), и Джордже Трифунович (1934), автор семинара по палеославистике на филологическом факультете в Белграде (1982), где обучались в основном историки литературы и, в виде исключения, лингвисты (библиографию см. в: [Витић 2001]). Тем не менее историки сербского языка старшего поколения активно участвовали в работе Отдела археографии — заведующая Ирена Грицкат-Радулович (1922–2009), лексикограф, историк языка и пр. (1974–1977) (библиографию см. в: [Марковић 2010]), и Александр Младенович (1930–2010), историк языка и диалектолог (1978–2010) (библиографию см. в: [Богдановић, Недељковић 2020]), а также сотрудники Любица Штавлянин-Джорджевич (1932–2019) и Биляна Йованович-Стипчевич (1927–2016).

в 1986 г. Павле Ивич отметил в фонологической системе документа вокализм с позднеславянскими элементами, неожиданный для зрелого этапа развития сербского языка [Ивић 1987: 94; Лома 2013: 290–294]; наряду с сохранением *полугласного* (ь) и *ятя* (ѣ), встречаются *мягкий р* (р') и *ы* (ы). Однако анализ издания Любомира Ковачевича 1890 г. поставил эти замечания под сомнение из-за содержащихся в тексте типичных штокавских инноваций. Лишь ревизионная работа с цифровыми снимками оригинала исключила интерполяции издателя и показала, что языковая система памятника анахроническая [Савић 2017: 137–139]; более того, в ней был дополнительно выделен акцентный архаизм — древнейшее обозначение долгого неоакута в сербоязычном регионе [Савич 2019: 324–326].

Впрочем, с аналогичными проблемами, вызванными недостаточным привлечением вспомогательных исторических дисциплин, сталкивается и зарубежная славистика. Это доказывает наш опыт, приобретенный в 2010 г. в Болгарии, где нам представилась возможность работать над Черепишским Типиконом (ЦИАИ 44). Предполагалось, что он лежит в основе «Ока церковного» — типикона русской редакции (1401), образца для всех поздних типиконов в славянской православной церкви из семьи Иерусалимского Типикона⁴. Непосредственное знакомство с памятником нас озадачило: в описании и в литературе рукопись отнесена к концу XIV — началу XV в. (основное: [Христова и др. 1982: № 123. С. 58]) и связана с литургической реформой патриарха Евфимия Тырновского (1375–1393). Однако уже на первый взгляд было ясно, что памятник не из того времени. Мы выполнили палеографический анализ, сняли копии водяных знаков, которые затем проанализировали в Белграде, и пришли к выводу совершенно иному: бумага, на которой писалась рукопись, относится к интервалу между 1545 и 1555 г., а это значит, что Типикон написан в то время либо пару лет или даже десятилетие спустя [Савић 2014: 578]. При этом графико-орфографический и языковой анализ выявил заметные следы редактирования по сербскому образцу [Савић 2014: 590–591]. Текстологический

⁴ Об историческом развитии здесь, как оно прежде представлялось науке, см. общий обзор в: [Пентковский 2004: 168, 169].

анализ путем сопоставления памятника, а именно его содержания и структуры, а затем и обнаруженных в нем недочетов и ошибок, с Сербским Типиконом из монастыря Печской патриархии (№ 103), действительно относящимся к XIV веку [Савић 2014: 580–584, 586–590], показал, что этому памятнику нужно отвести другое место в истории славянской культуры. Помещение Черепишского Типикона в единственно возможный контекст выявило, что его возникновение связано с повторным установлением Печской патриархии (1557) и что этот памятник не исключительный образец болгарской культуры конца XIV в., а результат более поздних сербско-болгарских контактов, установившихся через церковные организации, обусловленный распространением влияния обновленной Сербской церкви [Савић 2014: 592]⁵; единственным исключительным фактом является то, что в столь позднее для западной Болгарии время книга написана болгарской, а не сербской языковой редакцией, как можно было ожидать [Савић 2014: 592].

3. Принцип контекстуализации в изучении языковой истории

Синкретический подход к истории языка — как к филологической дисциплине, не только лингвистической в узком смысле, но граничащей с широким спектром социально-гуманитарных областей, — влияет на ее плодотворность и эвристическую привлекательность, открывая больше точек наблюдения, делая ее более интересной. Если историк языка в повседневной деятельности прибегает к вспомогательным историческим дисциплинам, то разные виды практического, физического изучения источников становятся одним из ведущих методов не только в фазе отбора материала, но и во всей его работе. Археография и текстология по причине еще недостаточно

⁵ Черепишский монастырь Успения Пресвятой Богородицы находился совсем недалеко от территории под юрисдикцией Сербской церкви — вблизи Врацы, на северо-востоке от Софии.

исследованных или совсем не исследованных первичных источников делают возможными открытия различного характера: здесь нужна систематическая работа по идентификации содержания источников, по их типологизации, по соотнесению фактов — и новости в науке не заставят себя ждать. Между тем привычный грамматический подход к истории языка, особенно в сербской научной среде, по-прежнему оставляющий лакуны в обработке древнесербского материала, и более всего по вопросу тщательного изучения отдельных языковых черт в диахронии и диатопии, а также на уровне памятников в целом с их необходимой систематизацией, уже исчерпал себя.

Ощущается реальная потребность в применении метода, придающего необходимый смысл исследовательской деятельности, с помощью которого новые открытия связывались бы с имеющимися знаниями, и обеспечивающего интеграцию спорадических и несвязанных элементов из области лингвистики и их трансляцию в нарративный мир родственных, но разобщенных областей знаний с целью сопряжения параллельных систем внутри единой познавательной схемы. Это подразумевает в первую очередь взаимопроникновение, то есть общестимулирующее наложение науки о языке и исторической науки. Помещение языковых фактов в адекватный социально-исторический контекст и смена модели *ars demonstrandi* моделью *ars inveniendi* позволяет увидеть не только контуры, но и более четко дифференцировать общую картину. Принцип контекстуализации, как доказывает наш опыт, весьма продуктивен в отношении раннего Средневековья — конститутивной фазы сербской письменности. Если говорить о сербской истории, то это эпоха, которая началась в последние десятилетия IX и, не ограничившись концом XI в. ввиду особых обстоятельств, которые действовали на южнославянской территории в составе Византийского царства того времени, продолжилась до середины XII и даже до конца этого столетия (символическую границу представляет возведение монастыря Хиландар на Святой горе Афонской в 1198 г.). Учитывая интернациональный характер высокой культуры Средневековья — и церковной как духовной, и государственной как культуры цивилизации — потенциал ее исследования выше потенциала национальной культуры этого далекого периода, хотя

и здесь могут проводиться некоторые аналогии. Вот почему создается впечатление, что большего результата можно ожидать от исследований истории книжного языка, чем истории народного языка, хотя оба направления деятельности заслуживают должного внимания⁶.

На практике такой подход реализуется в двух планах — в микро- и макроплане, путем микроконтекстуализации и макроконтекстуализации. В первом случае лингвистика обращается к вспомогательным историческим дисциплинам. Так, «облагораживанием» основного плана обретается набор надежных и точных сведений. Во втором случае единицы, полученные таким образом, встраиваются в эпистемологический горизонт, развернутый историческими науками, причем сам предмет диктует, будет ли это только история или еще и археология, история искусств и даже история права, история церкви, теология с литургикой и т. д. Например, чтобы определить, был ли знаком святой Савва Сербский (около 1175–1235) в период написания текстов, представляющих зачатки оригинальной сербославянской письменности, с литературным творчеством святого Климента Охридского († 916), необходимо принять во внимание несколько факторов (см. [Савић 2019: 141, 145, 153]), прежде всего — присутствие в программе росписи сербских церквей времени Саввы образа Климента в рамках иконографии, т. е. его сакрального культа, о чем можно судить на основании сохранившейся фресковой живописи⁷;

⁶ Средневековый сербский литературный язык — вариант общего, церковнославянского до конца своего существования в XVIII в. Народный язык того времени — автономное продолжение праславянского с небольшой внутренней диалектной дифференциацией, до XIV–XV веков грамматически не сильно отличавшееся от других славянских народных «языков» (позднее установление основных различий между славянскими языками известно в науке, напр. [Лашкова 2010: 13]). По сути, обе языковые системы долгое время были дифференцированы в основном на фонологическом уровне (другие уровни оставались схожими), каждая по-своему, с четкой дистрибуцией на определенной географически-политической территории.

⁷ Образ Климента до начала XIV в. имел локальный характер, ограниченный географической территорией, отдаленной от сербских земель [Војводић 2012: 156–157]; ср. [Савић 2019: 149].

недостаточно опираться лишь на то, упоминается ли его имя в месяцесловах того времени; то же относится и к святым Кириллу († 869), Мефодию († 885) и другим славянским учителям.

В результате мы получаем единицы высшего порядка, которые не относятся лишь к одной из дисциплин и могут быть продуктивными для каждой из них в отдельности. Так что нашей науке, а в первую очередь — истории литературного языка, это только на пользу.

Как на втором этапе исследования делать выводы? Помещение фактов знания первого порядка в трехмерный контекстуальный модуль — так можно назвать эти рамки с пространственными и временными координатами, — где они обрели бы свое место, возможно только в заранее позитивистски сконструированном культурно-историческом пейзаже. Можно делать также терциарные выводы, компенсируя ими незначительные лакуны в познавательной цепочке. В этом смысле будет иметь место поиск логических объяснений, дающих ответы на максимальное число поставленных вопросов с учетом всех релевантных аспектов; вместе с тем наиболее удачным объяснением будет самое простое. Это не что иное, как абдуктивный метод (лат. *abductio*), распространенный сегодня в эмпирических науках. Полученные таким образом сведения принадлежат к сфере актуальных, не фундаментальных знаний, так что к выводам прибавляются градуированные модальные квалификаторы «может быть», «вероятно», «наиболее вероятно», «судя по всему», а иногда и «в самом деле»⁸.

⁸ Современный подход к этому логическому методу, определение которому в 1903 г. дал американский философ Чарльз Пирс (1839–1914), десятилетиями разрабатывавший соответствующий концепт, выстроил американский философ Гильберт Харман (1938–2021), придерживаясь эпистемологического начала «The Inference to the Best Explanation» — «умозаключением к наилучшему объяснению» [Harman 1965]. Чарльз Пирс, следуя идеям Аристотеля, абдукцию относил к числу трех основных принципов заключений, наряду с дедукцией и индукцией, сами по себе они являются неполными (нужна их взаимная координация). Абдукция, т. е. выдвижение предположения, гипотеза или ретродукция — важный сегмент научного мышления, которым (новаторски) объясняются факты; это наиболее плодотворный, хотя и менее надежный способ заключения; абдукция — в отличие от дедукции, которая доказывает то, что должно

4. Опыт сербской историографии

В сербскую историческую науку этот метод ввел рано ушедший из жизни историк, представитель ныне среднего поколения Тибор Живкович (1966–2013), применяя его к раннесредневековым историческим источникам, изобилующим текстологическими и другими проблемами, во многих своих монографических публикациях⁹. Получены многообещающие результаты, продвинувшие научную мысль вперед с той точки, на которой она оставалась десятилетиями, но не всегда приведшие к окончательным и решающим заключениям. Особенно интересен анализ Живковича «*Gesta regum Sclavorum*», более известного как «Летопись попа Дуклянина» (или «Барский родослов»), — одного из сложнейших для ранней южнославянской истории источников (а именно: «вряд ли» найдется «в европейской литературе <...> произведение более сложное» [Живкович 2009: 376]), который якобы относится к периоду 495–1161 гг. и в котором излагается фантастическая повесть о «королях Далмации», зафиксированная около 1170 г.¹⁰ В связи с этим, в науке прежде считалось, что это первое историографическое сочинение южных славян ([Живкович 2009: 25–26 и прим. 2]¹¹. Поступатель-

быть, — подсказывает то, что может быть; в этом смысле «логикой абдукции» является прагматизм (см. [Pierce 1974: 94–134]). Следовательно, путем абдукции, исходя из верной оценки, можно дать наиболее простое и вероятное объяснение совокупности сведений (абдуктивная валидация); сделанный таким способом вывод убедителен, но не вполне надежен; применение этого метода ускоряет прогресс в науке. Об этом методе в [Савић 2019] см. [Ивановић 2021: 680].

⁹ Библиографию Тибора Живковича см. в: [Мереник, Црнчевић 2016].

¹⁰ Время возникновения «Летописи» по-разному определялось в XII в. [Живкович 2009: 25–26, прим. 3].

¹¹ *Editio princeps* на итальянском этого произведения — издание Мавро Орбини (1563–1615), «*Rè di Dalmatia et altri luoghi vicini dell’Illirico dall’anno del Signore 495. Finna 1161*» (Пезаро, 1601), а на латинском языке — перевод Ивана Лучича (1604–1679), «*Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum*», в рамках его «*De Regno*

ными выводами с привлечением, по словам автора, «*circumstantial evidence[s]*» и «*сильных индий*», с опорой на внутренний анализ текста [Живковић 2009: 341, 360] Тибор Живкович приходит к заключению, что наиболее вероятным заказчиком произведения был бан Павел I Шубич, правивший с 1272 г. до первого десятилетия XIV в., а автором — барский архиепископ и иностранец, чех почтенного возраста, по-видимому принадлежавший к ордену цистерцианцев аббат Рутгер, возглавлявший Барскую церковь в 1298–1301 гг. [Живковић 2009: 339–350, 350–372, 373]. Живкович делает также вывод, что первая редакция произведения написана в Сплите (так наз. «хорватская редакция»), в 1295–1298 гг., вторая — в г. Бар («расширенная версия»), в 1299–1301 гг. [Живковић 2009: 348, 363, 373–374]¹². Этот метод применяется в настоящее время и другими

Dalmatiae et Croatiae libri sex» (Амстердам, 1666). Лучичу для перевода послужило произведение Марка Марулича (1450–1524), правда переведенное с «далматинского» «*Regum Dalmatiae et Croatiae gesta*» (1510). Людовик Цриевич-Туберон (1458–1527) первым цитировал и вообще упомянул мистического «писца Дуклянина» в своих «*Commentaria de temporibus suis*» в начале XVI в. (опубликовано во Франкфурте лишь в 1603 г.) (краткий обзор см. в: [Bujan 2011: 66, 2008: 6–7]).

¹² В то же время в заключении одного независимого исследования, основанного на схожим образом применяемом методе, отмечается, что «Летопись попа Дуклянина» — фальсификат бенедиктинца Мавро Орбини (исторические фальсификаты в то время были не редкостью), выстроившего свою легендарно беллетризованную повесть на основании нескольких еще не опубликованных рукописей, обнаруженных им в библиотеке Людовика Цриевича-Туберона на острове Млет (1527). Среди источников и латинский текст Марко Марулича, «генеалогия иллирийских королей» которого автор использовал во введении, и Комментарии Туберона, и Дубровницкие анналы в редакции Николы Ранина («*Annales Ragusini Anonymi*») с «историей славянских королей», которыми созданы нарративные рамки большой «длительности» [Bujan 2011: 65–66, 68–69, 2008: 7, 10–17, 36]. Достоверность сказания Орбини придал привлечением различных бенедиктинских рукописей и недавно опубликованных произведений византийских историков [Bujan 2011: 70–73, 2008: 17–22]. Фальсификат содержит цитаты хорошо известных читателям источников, использованные весьма удачно, и сопровождается комментариями на полях в манере средневекового писца, кое-где даже оценкой текста «Дуклянина», что вместе с другими утонченными приемами

сербскими историками, в основном византинистами, и он продуктивен при установлении нарративной нити между старшими византийскими источниками для освещения истории южнославянских народов, когда речь идет о периодах, которые не описаны в национальных источниках и о которых не имеется четких представлений.

5. Поиск конкретных и подходящих решений

Для движения сквозь любую особую материю необходимо подобрать специфический ключ. В нашем случае исследование направлено на обнаружение древнейших памятников письменности — собственно сербских, а также каким-то образом связанных с сербским культурным прошлым, но не сербских в узком смысле. Наш ключ — это наложение двух совместимых факторов. Первый выделил еще Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941) в разборе одного неудачного исследования о Мариинском Четвероевангелии, где утверждалось, что сербская языковая особенность (сербский языковой маркер) — всегда сербская, даже тогда, когда она встречается в неожиданном месте (вне сербского языкового контекста), — в данном случае речь шла о некоторых сербизмах в Супрасльском сборнике [Кульбакин 1924: 219; ср. Савић 2019: 20]. О втором факторе скорее вскользь упоминает Ватрослав Ягич (1838–1923) в сопровождении к изданию Мариинского Четвероевангелия. Это хронологическая стратификация языковых черт в памятнике: памятник содержит старший, старославянский хронологический слой восточноюжнославянского типа и младший, западноюжнославянский — штокавский (по развитию и диалектной принадлежности противопоставленный первому); они не могли возникнуть

заставляет поверить в то, что его воображаемый источник реален [Bujan 2011: 73–76, 2008: 22–28, 37]. При этом перевод текста на итальянский язык — ловкий маневр. Больше о происхождении сведений в «Летописи попа Дуклянина» см. в анализе произведений дубровницкой историографии эпохи гуманизма в: [Коматина 2020].

в одно время и в одном месте, т. е. их параллельное присутствие — следствие перемещения текста с одной территории на другую; младшие черты относятся к территории, на которой текст списан в последний раз; это значит, что памятник происходит из региона, вторичного в случае Мариинского Четвероевангелия, — штокавского (ср. [Ягичь 1883: 410, 423–438]). Опираясь на данное утверждение Ягича, Ясмина Гркович-Мейджор путем фонологического анализа памятника доказывает, что хаотичное смешение полугласных во всех позициях свидетельствует об уже сформировавшемся сербском произношении; следовательно, Мариинское Четвероевангелие — памятник сербской редакции старославянского языка, а не старославянский памятник в узком смысле слова [Грковић-Мејдор 2011: 48, 50]. При этом стоит помнить, что понятие старославянского «языка» относится не к языковому единству, а к общему «периоду» [Грицкат 1975: 27], что говорит о необходимости пересмотра определения предмета палеославистики (ср. [Грковић-Мејдор 2011: 43–44]). На указанное исследование опирается и наше помещение памятника в широкий языковой и исторический контекст. В плане языка нами проведена хронологическая и топографическая стратификация с привлечением наиболее надежных источников — эпиграфических, причем на единственно возможной хронологической шкале определено место как самого евангелия, так и его образцов, протографа и т. д., где распределены также данные церковной истории, политической истории, археологии и т. д. Контекст значим и для самой науки о языке: одни языковые и орфографические черты в абсолютной хронологии соответствуют одному разрезу времени, если говорить о памятнике с центральной территории; но если речь идет о памятнике, писанном на периферии, со смещением, т. е. физическим отдалением от культурного центра, что приводит к изменению временной протяженности, те же черты будут относиться к другому разрезу времени (ср. [Савић 2019: 169]). Игнорируя этот фактор, палеославистика и сегодня допускает ошибку. Мариинское Четвероевангелие не могло быть написано в конце X или начале XI в., но создавалось во второй половине XI в., а когда — с учетом обязательной пространственной локализации на территории, границы которой приблизительны, — определяют связанные с этим временем

исторические события, как то: войны, стиль жизни, изменение границ государства, сопровождающееся возможными проблемами церковной юрисдикции, рельеф, условия жизни, населенность, археологические подтверждения культурных центров и т. д. (ср. [Савић 2019: 173–174]). Так, когда Ватрослав Ягич первым высказывал предположение о месте возникновения Мариинского Евангелия [Ягич 1883: указ. цит.], а также отрывка Апостола Гршковича [Jagić 1893: 40], отрывка Апостола Михановича [Jagić 1868: 15] и других памятников этого круга, он делал это, очевидно, с большой степенью произвольности, ведь и знания того времени были ограничены. Сегодня ситуация позволяет нам выводить логические, подкрепленные фактами заключения на более прочной основе, но нужно отдавать себе отчет в том, что уже через несколько десятилетий научный аппарат, на основании которого делаются выводы, будет несравним с тем, которым мы располагаем сейчас.

6. Апостол Михановича — пример анализа

Наш метод хорошо иллюстрирует анализ места отрывка Апостола Михановича в южнославянской культурной истории. Речь идет о фрагменте, который Франц Миклошич (1813–1891) отсоединил от обложки Иловицкой Кормчей, написанной в 1262 году¹³. Иловицкую Кормчую приобрел австрийский дипломат Антун Миханович (1796–1861) в окрестностях г. Скопье¹⁴. Судя по записям, до этого она долго хранилась в Марковом монастыре, где попала в руки сербского патриарха Арсения IV Йовановича-Шакабенты (1698–1748) до Второго переселения сербов в Габсбургскую монархию (1739/1740)¹⁵. После выкупа у Михановича собрания рукописей

¹³ Рукописный отрывок открыл для науки Павел Йосиф Шафарик (1795–1861); это был пергаменный двойной лист, вложенный в переплет Святославского Номоканона (см. [Šafařík 1853: X]).

¹⁴ Обзорно об открытии и истоках изучения отрывка см. [Jagić 1874: 60–61].

¹⁵ Записи в Иловицкой Кормчей см. в: [Mošin 1955: 52–54].

памятник оказался в Югославянской академии наук и искусств (в конце 60-х годов XIX века), ныне Хорватской академии наук и искусств¹⁶. Первым и долгое время единственным, кто серьезно изучал этот фрагмент, был Ватрослав Ягич, назвавший его в подзаголовке своего труда «рукописью рода хорватского» [Jagić 1868: 1]. Причина такого определения проста: тогда считалось, что глаголица использовалась только в хорватской и болгарской средневековой письменности. Ягичу сразу показалось необычным, что памятник написан глаголицей и в упрощенной орфографии, поэтому он посчитал, что памятник хорватский и что это некий литургический тип, неизвестный на Западе, — праксапостол (особым образом составленный Апостол для нужд православного богослужения), следовательно, фрагмент этого типа мог быть единственным к тому времени известным исключением. Далее Ягич рассуждал: если эта книга возникла где-то на территории Сплитской архиепископии, к которой в церковном отношении принадлежала Далматинская область, где писали глаголицей, она «из-за письма и текста» должна быть гораздо старше всех сохранившихся хорватских письменных памятников и возникла не позднее первой половины XII в. Если же она написана «где-нибудь дальше на юге или востоке», говорит он, это могло произойти в конце XII или начале XIII в. [Jagić 1868: 14–15]¹⁷. И затем следует

¹⁶ О судьбе собрания Михановича см. [Mošin 1955: 6 и прим. 5].

¹⁷ Безусловно, этого быть не могло, т. к. Сплитская архиепископия окончательно возвращена Римской церкви приблизительно в 923 г. (организационно на сплитских соборах в 925 и 928) после временного подчинения Царьградской церкви (о присоединении Сплитской церкви к Римской решением императора Романа I Лакапина (920–944) см. [Живковић 2004: 70, 118–129]; о краткосрочном выходе Далмации из Римской церкви см. [Живковић 2004: 55–71; Коматина 2016: 47–50]; о формировании Нинской епископии в рамках Аквилейской патриархии вследствие Ахенского мира (812 г.) вопреки интересам Римской церкви и о последующем ее присоединении к Святейшему престолу в IX веке см. [Живковић 2004: 107–115; Коматина 2016: 55]. Так, на всей западной церковной территории с развитым славянским богослужением, проистекшим из недолговечной Паннонской и Моравской церкви Мефодия Славянского (869/870–885), не было условий для создания и использования книг восточного обряда.

вывод — вероятно, с опорой на тот факт, что отрывок Михановича послужил материалом для переплета Иловицкой Кормчей, — что тип глаголицы, встречающийся в этом памятнике, «посередине между болгарским и хорватским» (а именно «болгарскохорватский») и «мог бытовать в старой Зете и Диоклетии» [Jagić 1868: 15], т. е. остаток Апостола — из этого южнославянского региона. То, что отрывки Апостола Гршковича и Апостола Михановича возникли «к югу или востоку от Сплита», и сейчас общепринято в науке (напр., [Štefanić 1969: 7]). Тогда еще более неясно, как Ягич мог распознать во фрагменте памятник хорватского происхождения, т. е. хорватской редакции старославянского языка, — на основании каких культурно-исторических и этнолингвистических данных за указанный период?

Уже в первом приближении связь этого фрагмента с Зетским Приморьем выйдет непрочной: анализ переплета показал, что он явно не принадлежит к XIII в. — правда, и во время Ягича предполагалось, что переплет относится к концу XV в.¹⁸ Владимир Алексеевич Мошин — хотя он лично склонялся к тому, что речь идет о первичном состоянии, — также соглашался с тем, что глаголические листки могли попасть в книгу в любое время: либо в нынешний переплет XIII — первой половины XIV в., о котором неизвестно, первичен ли он, либо при последующей реставрации [Mošin 1955: 50]. Таким образом, отрывок Апостола Михановича мог быть включен в Иловицкую Кормчую когда угодно и где угодно на пути жизни этой книги, переплет которой в прошлом мог неоднократно повреждаться из-за ее внушительных размеров:¹⁹ от монастыря Святого архангела Михаила вблизи Тивата, ныне в Черногории, до Маркова монастыря недалеко от г. Скопье, ныне в Северной Македонии (см. [Савич 2017: 237–239]).

Лингвистический анализ доказывает, что в суперстратном старославянском слое здесь проявляются штокавские, а не чакавские

¹⁸ В свое время Валтазар Богишич (1834–1908) сообщил Ягичу мнение специалистов из Венской императорской библиотеки о том, что актуальный переплет «Сербского Номоканона» относится к концу XV в. [Jagić 1868: 3].

¹⁹ Книга большого формата, 24 × 31 см, имеет 400 пергаменных листов и весит свыше килограмма (физическое описание см. в: [Mošin 1955: 48–50, № 24]).

языковые черты. Даже если бы мы не знали наверняка, о каком типе языковой редакции идет речь, достаточно было бы сопоставить типологические характеристики наиболее надежных, эпиграфических памятников в западноюжнославянском регионе. Очевидно, что чакавское наречие лежит в основе хорватской, а штокавское — в основе сербской редакции старославянского языка [Ивић 1990: 89].

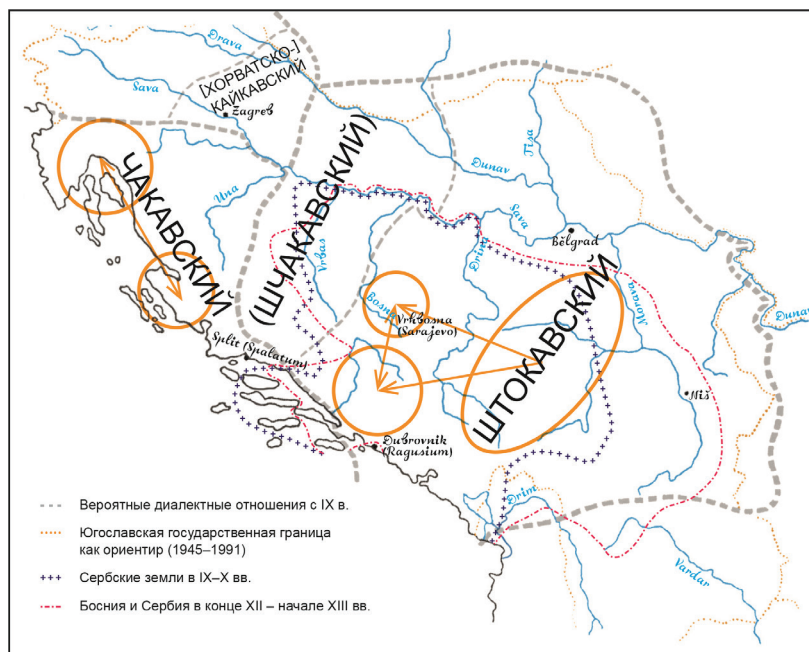

Рис. 1. Карта большей части западноюжнославянского региона с обобщенным диалектным членением и обозначением зон, в которых сгруппированы ранние эпиграфические памятники

Fig. 1. Map of the larger part of the western South Slavic area with a generalized dialectal division and designation of zones, in which early epigraphic written monuments are grouped²⁰

²⁰ В иллюстрации использованы данные, расположенные на карте в виде различных слоев: а) карта вероятных сербохорватских диалектных соотношений

Вместе с тем литургическая квалификация памятника, а тем самым и тип церковной книги, о котором Ягич отзывался скептически, как уже было подчеркнуто (см. прим. 17), соответствуют литературному репертуару Восточной церкви [Jagić 1868: 12–14]. Возникновение этой книги, таким образом, стоит искать в восточном секторе.

Сопоставление языковых характеристик и текстологического возраста этого памятника с учетом результатов палеографического анализа свидетельствует о том, что рукопись относится приблизительно ко второй половине XII в., ближе к концу столетия. Но точка опоры для палеографической датировки не слишком надежна, т. к. глаголическое письмо и консервативное правописание отличаются от письма и правописания отрывка Апостола Гршковича и Венских листков, памятников того же столетия, что говорит о его возникновении в «другой среде» или в «другой школе» [Кульбакинъ 2008: 128]²¹. Не более

в Средние века с IX в. Ивана Поповича [Поповић 2007: 294, [Карта 11]] и карта предмиграционных говоров Далибора Брозовича, отражающая средневековое состояние; вопреки массовым недостаткам, она берется как ориентир с условной ценностью («Karta predmigracionog rasporeda hrvatskosrpskih narječja» [Brozović 1970: 38]; ср. схожую карту «Predmigracijski raspored srednjojužnoslavenskih narječja» [Lisac 2003: 164–165, Karta 6]); для данной проекции имеет значение лишь предполагаемое соотношение в регионе чакавских и штокавских говоров, а не внутреннее распределение штокавского диалекта и распространение его в глубину (на севере и востоке), т. к. сербская редакция, возникшая в одной, призенско-тимокской, диалектной зоне, до XIV века едина; б) распространенность хорватских глаголических эпиграфических памятников прежде всего XI–XIII в. в северной Далмации, по топографическим представлениям Бранка Фуича [Fučić 1982: 1–5, sl. 1–2, 8–8a]; в) распространение сербских кириллических эпиграфических памятников на центральной территории Балканского полуострова, нанесенных на карту сербских земель второй половины XII — начала XIII века приблизительно в тот же период [Чигоја 1994: [123]]; г) карта сербских земель в IX и X веках в исполнении Милоша Благовича, основанная на произведении «De administrando imperio» Константина VII Порфирогенита [Благојевић 1999: 35, III]; д) карта сербских земель второй половины XII и начала XIII века, также по изображению Милоша Благовича [Благојевић 1999: 40, I].

²¹ Палеографическое описание глаголических букв см. [Štefanić 1969: 39; Кульбакинъ 2008: 127–128]; ср. [Jagić 1868: 16–20].

надежным параметром является и кириллица, а именно некоторые кириллические буквы, использованные в графической системе как варианты глаголических, — к сожалению, только И и М (см. [Jagić 1868: 4, 19; 20/21 табл.]), буквы, форма которых не претерпела значительных изменений во второй половине XI и в XII вв. настолько, насколько это могло бы решить вопрос о датировке (широкий обзор состояния в сербской традиции см. в: [Кульбакин 1925: 9, 14–15]; ср. [Ђорђевић 1971: 51, 52, 86–88]). И все же общее впечатление о переходном статусе глаголического письма и дискретные сигналы начертания кириллических букв (слегка скошенная перекладина буквы И; угловатый средний элемент буквы М в некоторых местах устремляется под строку) говорят о том, что памятник был написан в последней четверти XII в. В связи с этим на историко-географической карте стоит проследить за распространением восточноцерковной организации у сербов в этот период — так можно получить контур, в верхнем, т. е. северном, (под)секторе которого мог возникнуть данный памятник. Затем следует вновь обратиться к языковым параметрам: учитывая, что в актуальном слое памятника (последний слой в тексте времени его создания) отсутствуют маркеры, характерные для призренско-южноморавского диалектного ареала, имеющиеся во всех книгах того времени, а также некоторые лексикализованные восточноюжнославянские черты, которые присутствуют почти во всех сохранившихся сербославянских памятниках (см. [Савић 2019: 163, 222–223; Савич 2017: 233–234]), место его создания нужно искать на периферии, отдаленной и от призренско-южноморавского ареала, простирающегося в культурном смысле на северо-запад до Раса (с 1020 г.)²² и на северо-восток от долины Большой Моравы (на территории нынешней Сербии), подверженной болгарскому влиянию; нужно исключить также крайний северо-западный пояс, самый ранний период которого недостаточно исследован, где могли сохраниться кирилло-мефодиевские традиции, заимствованные

²² С другой стороны, антиграф этого памятника весьма вероятно был создан в призренско-тимокской диалектной зоне (см. [Савић 2019: 192–194; Савич 2017: 233–234]).

из соседней Паннонии. «Свободной» остается узкая северо-западная часть Охридской архиепископии — часть сегодняшней центральной Сербии, а также Полимская область. Только теперь выводится гипотетическое заключение, но и оно должно основываться на фактах, т. е. на предшествующих научных выводах. Поскольку данный памятник содержит тип редакции, рано подвергшийся ограниченному влиянию восточноюжнославянского типа старославянского языка (только присутствие *št* и *žd* < посл. **tj* (**kti*, **gti*, **chti*), **dj*, а также **stj*, **zdj*; **skj*, **zgj*), и не отражает древнесербского литературно-языкового образца, который гипотетически проецируется на регион так называемой Крещеной Сербии Порфиригенета (ἡ βαλτισμένη Σερβλία) с географическим распространением от места слияния рек Врбас и Сава почти до места слияния Савы и Дуная [Живковић 2001: 13–17], наибольшая часть территории современной северо-западной Сербии отпадает; остается юго-западная кромка на границе современных Сербии, Боснии и Герцеговины и Черногории — Полимье, с которым связывается важное культурное наследие: здесь возводились монастыри близких родственников и потомков Стефана Немани, здесь находится село Затон — метох Жичской архиепископии, упомянутый в грамоте об основании (1219/1220 г.), на реке Лим (ныне между Биело-Поле и Беране) (ср. [Савић 2019: 223–224, 309–310]). Также нужно иметь в виду, что Номоканон с толкованиями — книга, которая переписывалась редко и предназначалась исключительно для епископов, именно так она могла оказаться в епископских монастырях. В этом ключе легко представляется связь «центр Зетской епископии в Иловице» → «метох сербского архиепископа в Затоне» | «центр Сербской архиепископии в Жиче» (ср. [Савич 2017: 238]).

Эту узкую в пространственном отношении область дополнительно квалифицирует факт археологически подтвержденного длительного присутствия церковной организации уже тогда, когда возведение каменных церквей было редкостью в глубине Балканского полуострова и вообще в сербских областях. Самой древней является именно трехлепестковая церковь Святого Йована в селе Затон, построенная по той же трехлепестковой модели, что и ктиторские церкви Св. Климента и Св. Наума в Охриде и некоторые дороманские

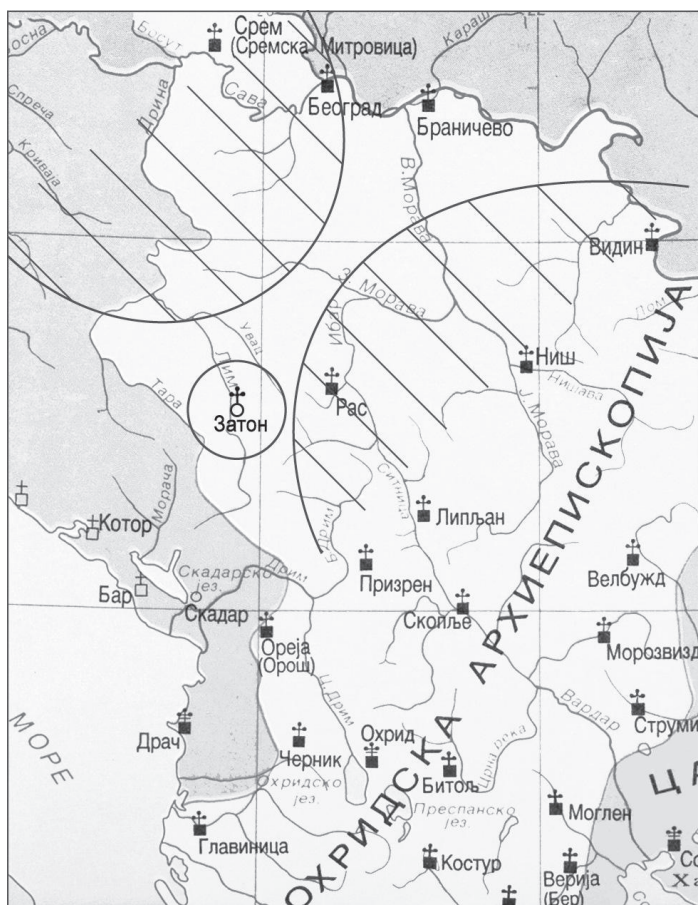

Рис. 2. Территория Охридской епископии, XI–XII век (византийская «Архиепископия Болгарии»), с отмеченными зонами влияния (заштрихованное) и обозначенным селом Затон²³

Fig. 2. Territory of the Ohrid Archbishopric, 11th–12th century (Byzantine *Archbishopric of Bulgaria*), with marked zones of influence and the village of Zaton marked on it

²³ Обозначения: ☩ — православная епископия; ☩ — православная архиепископия; ☩ — римско-католическая епископия; ☩ — православная церковь.

церкви в Приморье (данная церковь относится к периоду IX–X в.) [Ђурић 1994: 233–234]. К доказательному материалу относится и ранняя христианская топонимия этого региона, исследованная Александром Лома, — своим вульгарнолатинским происхождением она свидетельствует о существовании здесь раннесредневекового латинского христианства [Лома 1987: 11–13].

Таким образом, там, где доказано существование церковных центров, могла развиваться и сербская письменность, и данный памятник содержит в себе весьма древнюю и компактную линию, подтвержденную в эпиграфике того же края, а также отчасти и в Мирославовом Евангелии, которое также связано с этой областью [Савић 2019: 163, 177–179, 223].

7. Заключение

Лингвистическая материя в сербской диахронической лингвистике слишком долго была изолирована от потенциальных контекстуальных рамок. Только будучи помещенными в соответствующий контекст лингвистические факты приобретают настоящий смысл. Сопоставление различных слоев, т. е. различных видов знаний в разрезе одних и тех же временных и пространственных единиц, ведет к холистической картине предмета. Ни одна из исторически ориентированных научных дисциплин сама по себе больше не дает удовлетворительных ответов на поставленные вопросы, т. к. культурная история едина, а все наши знания о прошлом — своеобразные конструкторы, которые лишь в совокупности всех релевантных аспектов познания обретают убедительность и живость.

Литература

Благојевић 1999 — М. Благојевић (гл. ур.), Б. Јовановић, М. Панић-Шторх, С. Душанић, Љ. Максимовић, С. Мишић, Н. Самарцић, Р. Љушић, М. Ристовић,

- Љ. Димић. Историјски атлас. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства; Завод за картографију „Геокарта“, 1999.
- Богдановић, Недељковић 2020 — М. Богдановић, Ј. Недељковић. Библиографија академика Александра Младеновића // Археографски прилози. 2020. № 42. С. 159–213.
- Витић 2001 — З. Витић. Попис објављених радова Ђорђа Трифуновића // З. Витић, Т. Јовановић, И. Шпадијер. Словенско средњовековно наслеђе. Зборник посвећен професору Ђорђу Трифуновићу. Београд: Чигоја штампа, 2001. С. 9–34.
- Војводић 2012 — Д. Војводић. Представе светог Климента Охридског у зидном сликарству средњовековне Србије // Б. Крсмановић, Љ. Максимовић, Р. Радичић. Византијски свет на Балкану. Вып. I. Београд: Византолошки институт САНУ, 2012. С. 145–167 + 9.
- Грицкат 1959–1960 — И. Грицкат. Библиографија радова професора Александра Белића // Јужнословенски филолог. 1959–1960. № 24. С. 49–84.
- Грицкат 1975 — И. Грицкат. Српска редакција црквенословенског језика // И. Грицкат. Студије из историје српскохрватског језика. Београд: Народна библиотека СР Србије, 1975. С. 27–39.
- Грковић-Мејџор 2011 — Ј. М. Грковић-Мејџор. О формирању српске редакције старословенског језика // Б. Тодић, М. Радујко (ур.). Ђурђеви ступови и Будимљанска епархија. Зборник радова. Беране; Београд: Епархија будимљанско-никшићка и др., 2011. С. 43–51.
- Ђорђевић 1971 — П. Ђорђевић. Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози. Београд: Завод за издавање уџбеника СР Србије, [1971].
- Ђурић 1994 — В. Ђурић. Почети уметности код Срба // Д. Срејовић, М. Мирковић, Ј. Ковачевић, П. Ивић, С. Ћирковић, Љ. Максимовић, Ј. Калић, Д. Богдановић, В. Ј. Ђурић, Б. Ферјанчић, М. Благојевић, Г. Бабић-Ђорђевић, Р. Михаљчић. Историја српског народа. Књ. 1: Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). Изд. 2. Београд: Српска књижевна задруга, 1994. С. 230–248 [1981].
- Живковић 2001 — Т. Живковић. О северним границама Србије у раном средњем веку // Зборник Матице српске за историју. 2001. № 63–64. С. 7–17.
- Живковић 2004 — Т. Живковић. Црквена организација у српским земљама (рани средњи век). Београд: Историјски институт, 2004.
- Живковић 2009 — Т. Живковић. *Gesta regum Sclavorum*. Том II. Коментар. Београд: Историјски институт; Манастир Острог, 2009.
- Ивановић 2021 — М. Д. Ивановић. Виктор Савић, Српска књижевна реч у својим првим столећима, Подгорица; Друштво чланова Матице српске у Црној Гори; Ниш: Међународни центар за православне студије, 2019, 340 стр. // Српски језик. 2021. № 26. С. 679–687.

- Ивић 1987 — П. Ивић. Билтен Фонда за научна истраживања САНУ за 1986. год. № 12. Београд: САНУ, 1987. С. 94.
- Ивић 1990 — П. Ивић. О језику некадашњем и садашњем. Приштина: Јединство, 1990.
- Ковачевић 1890 — Љ. Ковачевић. Светостефанска хрисовуља // Споменик СКА. 1890. № 4. С. IX–XII, 1–23 + табл.
- Коматина 2016 — И. Коматина. Црква и држава у српским земљама од XI до XIII века. Београд: Историјски институт, 2016.
- Коматина 2020 — П. Коматина. Quis Ergo Presbyter Diocleas? Рана дубровачка историографија и Летопис попа Дукљанина // Историјски часопис. 2020. № 69. С. 189–226. DOI: 10.34298/IC2069189K.
- Куљбакин 1924 — С. Куљбакин. Бузукъ П., Къ вопросу о мѣстѣ написанія Маріинскаго Евангелія. (Отисак из „Извѣстія П. Отд. А. Н.“. XXIII. 1918, кн. 2, 109–149 с. с.) // Јужнословенски филолог. 1924. № 4. С. 219–222.
- Куљбакин 1925 — Ст. М. Куљбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци: СКА, 1925.
- Куљбакинъ 2008 — С. М. Куљбакинъ. Славянская палеографія. Бѣлградъ: Институт за српски језик САНУ, 2008.
- Лашкова 2010 — Л. Лашкова. Историјска фонологија словенских језика. Превели с бугарског Љ. Јоксимовић, В. Станишић. Београд: Филолошки факултет, 2010.
- Лома 1987 — А. Лома. Сутелица — топономастички трагови латинског хришћанства у унутрашњости преднемањичке Србије // Историјски гласник. 1987. № 1–2. С. 7–28.
- Лома 2013 — А. Лома. Топонимија Бањске хрисовуље. Београд: САНУ, 2013.
- Марковић 2010 — М. Марковић. Биобиблиографија академика Ирене Грицкат-Радуловић // Јужнословенски филолог. 2010. № 66. С. 51–108.
- Мереник 2017 — С. Мереник. Библиографија радова Стојана Новаковића // М. Анђелковић, М. Војводић, А. Костић (ур.). Стојан Новаковић: живот, дело и време. Поводом 175 година од рођења. Београд: САНУ, 2017. С. 267–314.
- Мереник, Црнчевић 2016 — С. Мереник, Д. Црнчевић. Библиографија Тибора Живковића // И. Р. Цвијановић (ур.). Споменица др Тибора Живковића. Београд: Историјски институт, 2016. С. 11–16.
- Палибрк-Сукић 2008 — [Н. Палибрк-Сукић]. Библиографија В. А. Мошина // В. А. Мошин. Под теретом: аутобиографија. Превод и коментари Н. Палибрк-Сукић. Београд: Народна библиотека Србије; Панчево: Градска библиотека, 2008. С. 263–283.
- Пентковский 2004 — А. Пентковский. Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии // Л. Тасева (от. ур.), М. Йовчева, К. Фос,

- Т. Пентковская (ур.). Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция. София, 26–28 юни 2003. София: Издателска къща „ГорексПрес“, 2004. С. 153–171.
- Поповић 2007 — И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Превела са немачког М. Тетковић Павловић. Београд; Крагујевац; Лазаревац: Требник; Лира; Елвод принт, 2007.
- Савић 2014 — В. Савић. Черепишки типик и његово место међу српским типичима // Црквене студије. 2014. № 11. С. 577–600.
- Савић 2017 — В. Савић. Писар хиландарске повеље број 139/141 и Светостефанске хрисовуље. Палеографско-филолошко разматрање // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 2017. № 83. С. 131–142. DOI: 10.2298/PKJIF1783131S.
- Савић 2019 — В. Савић. Српска књижевна реч у својим првим столећима. Подгорица; Ниш: Матица српска — Друштво чланова у Црној Гори; Међународни центар за православне студије, 2019.
- Савич 2017 — В. Савич. Диалект и книжная норма в Михановичевом отрывке апостола: о происхождении памятника в свете более широких сербских литературно-языковых данных // В. С. Ефимова (отв. ред.). Славянское и балканское языкознание. Вып. 15. Палеославистика: Слово и текст. М.: Институт славяноведения, 2017. С. 225–240.
- Савич 2019 — В. Савич. Звуковое значение надстрочных знаков в Святостефанском хрисовуле (1317–1318) // В. С. Ефимова (отв. ред.). Славянское и балканское языкознание. Вып. 17. Палеославистика — 2. М.: Институт славяноведения, 2019. С. 314–348. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.16.
- Суботин-Голубовић, Пузовић 2016 — Т. Суботин-Голубовић, Ј. Пузовић. Библиографија радова академика Димитрија Богдановића // Археографски прилози. 2016. № 38. С. 19–35.
- Христова и др. 1982 — Б. Христова, Д. Караджова, А. Икономова. Български ръкописи од XI до XVIII век запазени в България. Своден каталог. Т. I. София: НБКМ, 1982.
- Чигоја 1994 — Б. Чигоја. Најстарији српски ћирилски натписи (графија, ортографија и језик). Београд: Чип штампа, 1994.
- Ягичъ 1883 — И. В. Ягичъ. Памятникъ глаголической письменности. Маринское Четвероевангеліе, съ примѣчаніями и приложеніями. СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1883.
- Brozović 1970 — D. Brozović. O početku hrvatskog jezičnog standarda // Kritika. 1970. God. 3. Br. 10. S. 21–42 [O početku hrvatskoga jezičnog standarda // Standardni jezik. Teorija; usporedbe; geneza; povijest; suvremena zbilja. Zagreb: Matrica hrvatska, 1970. S. 127–158].

- Bujan 2008 — S. Bujan. La Chronique du Prêtre de Dioclée — un faux document historique // *Revue des études byzantines*. 2008. № 66. P. 5–38. DOI: 10.3406/rebyz.2008.3031.
- Bujan 2011 — S. Bujan. Orbinijevo izdanje „Ljetopisa popa Dukljanina“: povijesni falsifikat // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2011. № 43. S. 65–80.
- Djordjić 1984 — Dr Petar Djordjić, redovni profesor // *Bibliografija radova saradnika Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu — Filozofski fakultet, 1984. S. 503–506.
- Fučić 1982 — B. Fučić. Glagoljski natpisi. Zagreb: JAZU, 1982.
- Harman 1965 — G. H. Harman. The Inference to the Best Explanation // *The Philosophical Review*. 1965. № 74/1. P. 88–95.
- Jagić 1868 — V. Jagić. Gradja za glagolsku paleografiju. I: Mihanovićev odlomak apostolara glagolskoga; rukopis roda hrvatskoga // *Rad JAZU*. 1868. № 2. S. 1–35 + 2.
- Jagić 1874 — V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa. VIII. Krmčaja ilovička godine 1262 // *Starine JAZU*. 1874. № VI. S. 60–111.
- Jagić 1893 — V. Jagić. Grškovićev odlomak glagolskog apostola // *Starine JAZU*. 1893. № 26. S. 33–161 + 8.
- Lisac 2003 — J. Lisac. Hrvatska dijalektologija. 1: Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja. Zagreb: Golden marketing; Tehnička knjiga, 2003.
- Mošin 1955 — V. Mošin. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I. dio: Opis rukopisa. Zagreb: JAZU, 1955.
- Pierce 1974 — Hartshorne, P. Weiss (eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Pierce*. Vol. V. Pragmatism and Pragmaticism. Vol. VI. Scientific Metaphysics. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1974.
- Šafařík 1853 — P. J. Šafařík. Památky hlaholského písemnictví. V Praze: Tiskem císařského dvorského knihtiskárny synův Bohumila Haase, 1853.
- Štefanić 1969 — V. Štefanić. Glagoljski rukopisi Jugoslavenske akademije. I dio: Uvod, Biblija, apokrifi i legende, liturgijski tekstovi, egzorcizmi i zapisi, molitvenici, teologija, crkveni govori (homiletika), pjesme. Zagreb: JAZU, 1969.

References

- Blagojević 1999 — M. Blagojević (ed.-in-chief), B. Jovanović, M. Panić-Štorh, S. Dušanić, Lj. Maksimović, S. Mišić, N. Samardžić, R. Ljušić, M. Ristović, Lj. Dimić. *Istorijski atlas* [Historical atlas]. Belgrade: Institute for Textbooks and Teaching Aids; Institute of Cartography “Geokarta”, 1999.

- Bogdanović, Nedeljković 2020 — M. Bogdanović, J. Nedeljković. Bibliografija akademika Aleksandra Mladenovića [Bibliography of Academician Aleksandar Mladenović]. *Arheografski prilozi*. 2020. No. 42. P. 159–213.
- Brozović 1970 — D. Brozović. O početku hrvatskog jezičnog standarda [On the beginning of the Croatian language standard]. *Kritika*. 1970. God. 3. Br. 10. P. 21–42 [O početku hrvatskoga jezičnog standarda. Standardni jezik. Teorija; usporedbe; geneza; povijest; suvremena zbilja [The beginning of the Croatian Language Standard. Standard Croatian. Theory, usage, genesis, history, modern status]]. Zagreb: Matica hrvatska, 1970. P. 127–158].
- Bujan 2008 — S. Bujan. La Chronique du Prêtre de Dioclée — un faux document historique. *Revue des études byzantines*. 2008. No. 66. P. 5–38. DOI: 10.3406/rebyz.2008.3031.
- Bujan 2011 — S. Bujan. Orbinijevo izdanje „Ljetopisa popa Dukljanina“: povijesni falsifikat [Orbini's edition of the “Chronicle of the priest of Dioclea”: a historical forgery]. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2011. No. 43. P. 65–80.
- Čigoja 1994 — B. Čigoja. *Najstariji srpski ćirilski natpisi (grafija, ortografija i jezik)* [The oldest Serbian Cyrillic inscriptions (graphics, orthography and language)]. Belgrade: Čip Press, 1994.
- Djordjić 1984 — Dr Petar Djordjić, redovni profesor. *Bibliografija radova saradnika Filozofskog fakulteta u Novom Sadu* [Bibliography of works by associates of the Faculty of Philosophy in Novi Sad]. Novi Sad: University of Novi Sad — Faculty of Philology, 1984. P. 503–506.
- Dorđić 1971 — P. Dorđić. *Istorija srpske ćirilice. Paleografsko-filološki prilozi* [History of Serbian Cyrillic. Palaeographic-philological contributions]. Belgrade: Institute for Textbook Publishing of SR Serbia, [1971].
- Đurić 1994 — V. Đurić. Počeci umetnosti kod Srba [The beginnings of art among Serbs]. D. Srejšević, M. Mirković, J. Kovačević, P. Ivić, S. Ćirković, Lj. Maksimović, J. Kalić, D. Bogdanović, V. J. Đurić, B. Ferjančić, M. Blagojević, G. Babić-Đorđević, R. Mihaljević. *Istorija srpskog naroda*. Prva knj.: Od najstarijih vremena do Maričke bitke (1371) [History of the Serbian nation. Vol. 1: From the earliest times to the Battle of Marica (1371)]. Belgrade: Srpska književna zadruka, 1994. P. 230–248.
- Fučić 1982 — B. Fučić. *Glagoljski natpisi* [Glagolitic inscriptions]. Zagreb: JAZU, 1982.
- Grickat 1959–1960 — I. G. Grickat. Bibliografija radova profesora Aleksandra Belića [Bibliography of works by Professor Aleksandar Belić]. *Južnoslovenski filolog*. 1959–1960. No. 24. P. 49–84.
- Grickat 1975 — I. Grickat. Srpska redakcija crkvenoslovenskog jezika [The Serbian redaction of the Church Slavonic language]. I. Grickat. *Studije iz istorije*

- srpskohrvatskog jezika* [Studies in the history of the Serbo-Croatian language]. Belgrade: National Library of SR Serbia, 1975. P. 27–39.
- Grković-Major 2011 — J. M. Grković-Major. O formiranju srpske redakcije staro-slovenskog jezika [On the formation of the Serbian Church Slavonic]. B. Todić, M. Radujko (eds.). *Đurđevi stupovi i Budimljanska eparhija. Zbornik radova* [Djurdjevi stupovi and the Eparchy of Budimlja. Collection of papers]. Berane; Belgrade: Bishopric of Budimlja and Nikšić et al., 2011. P. 43–51.
- Harman 1965 — G. H. Harman. The Inference to the Best Explanation. *The Philosophical Review*. 1965. No. 74/1. P. 88–95.
- Ivanović 2021 — M. D. Ivanović. Viktor Savić, Srpska književna reč u svojim prvim stolećima, Podgorica: Društvo članova Matice srpske u Crnoj Gori — Niš: Međunarodni centar za pravoslavne studije, 2019, 340 str. [Viktor Savić, Early centuries of the Serbian literary language. Podgorica: Matica srpska — Association of members in Montenegro, Niš: International Center for Orthodox Studies, 2019, 340 p.]. *Srpski jezik*. 2021. No. XXVI. P. 679–687.
- Ivić 1987 — P. Ivić. *Bilten Fonda za naučna istraživanja SANU za 1986. God.* No. 12. [Bulletin of SASA Scientific Research Foundation for 1986. No. 12.]. Belgrade: SASA, 1987. P. 94.
- Ivić 1990 — P. Ivić. *O jeziku nekadašnjem i sadašnjem* [About the language of the past and of the present]. Priština: Jedinstvo, 1990.
- Jagić 1868 — V. Jagić. Gradja za glagolsku paleografiju. I: Mihanovićev odlomak apostolara glagolskoga; rukopis roda hrvatskoga [Material for Glagolitic palaeography. I: Mihanović's fragment from the Glagolitic Apostle; Croatian manuscript]. *Rad JAZU*. 1868. No. 2. P. 1–35 + 2.
- Jagić 1874 — V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa. VIII. Krmčaja ilovička godine 1262 [Descriptions and excerpts from several South Slavic manuscripts. VIII. Kormčaja of Ilovica from the year 1262]. *Starine JAZU*. 1874. No. VI. P. 60–111.
- Jagić 1893 — V. Jagić. Grškovićev odlomak glagolskog apostola [Gršković's fragment from the Glagolitic Apostle]. *Starine JAZU*. 1893. No. 26. P. 33–161 + 8.
- Khristova et al. 1982 — B. Khristova, D. Karadzova, A. Ikonomova. *Bŭlgarski rŭkopisi od XI do XVIII vek zapazeni v Bŭlgariya*. Svođen katalog [Bulgarian manuscripts from the 11th — 18th centuries preserved in Bulgaria. Union catalog]. Vol. I. Sofia: NBKM, 1982.
- Komatina I. 2016 — I. Komatina. *Crkva i država u srpskim zemljama od XI do XIII veka* [The Church and the state in Serbian lands in the XI — XIII centuries]. Belgrade: Institute of History, 2016.
- Komatina P. 2020 — P. Komatina. Quis Ergo Presbyter Diocleas? Rana dubrovačka istoriografija i Letopis popa Dukljanina [Quis Ergo Presbyter Diocleas? Early

- Ragusan historiography and the Chronicle of the priest of Dioclea]. *Istorijski časopis*. 2020. No. LXIX. P. 189–226. DOI: 10.34298/IC2069189K.
- Kovačević 1890 — Lj. Kovačević. Svetostefanska hrisovulja [The Chrysobull of Saint Stephen]. *Spomenik SKA*. 1890. No. 4. P. IX–XII, 1–23 + tabl.
- Kulьbakinъ 2008 — S. M. Kulьbakinъ. *Slavyanskaya paleografiya* [Slavic palaeography]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA, 2008.
- Kuljbakin 1924 — S. Kuljbakin. P. Buzuk. Къ voprosu o měště napisaniya Mariinska-go Evangeliya. (Otisak iz „Izvēstiya II. Otd. A. N.“. XXIII. 1918, kn. 2, 109–149 s. s.) [The question of the place of where the Codex Marianus was written revisited. (Imprint from “The report of the II Depart. of the Academy of Sciences”. XXIII. 1918. Vol. 2. P. 109–149)]. *Južnoslovenski filolog*. 1924. No. 4. P. 219–222.
- Kuljbakin 1925 — St. M. Kuljbakin. *Paleografska i jezička ispitivanja o Miroslavljevom jevandlju* [Palaeographic and linguistic examinations of Miroslav’s Gospel]. Sremski Karlovci: SRA, 1925.
- Laškova 2010 — L. Laškova. *Istorijska fonologija slovenskih jezika* [Historical phonology of Slavic languages]. Translated from Bulgarian by Lj. Joksimović, V. Stanišić. Belgrade: Faculty of Philology, 2010.
- Lisac 2003 — J. Lisac. *Hrvatska dijalektologija. 1: Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja* [Croatian dialectology. 1: Croatian dialects and subdialects of the Štokavian vernacular and Croatian subdialects of the Torlak vernacular]. Zagreb: Golden marketing; Tehnička knjiga, 2003.
- Loma 1987 — A. Loma. Sutelica — toponomastički tragovi latinskog hrišćanstva u unutrašnjosti prednemanjičke Srbije [Sutelica — toponymic traces of Latin Christianity in the interior of Pre-Nemanjić Serbia]. *Istorijski glasnik*. 1987. No. 1–2. P. 7–28.
- Loma 2013 — A. Loma. *Toponimija Banjske hrisovulje* [Toponymy of the Banjska Chrysobull]. Belgrade: SASA, 2013.
- Marković 2010 — M. Marković. Bibliografija akademika Irene Grickat-Radulović [Bibliography of Academician Irena Grickat-Radulović]. *Južnoslovenski filolog*. 2010. No. 66. P. 51–108.
- Merenik 2017 — S. Merenik. Bibliografija radova Stojana Novakovića [Bibliography of works by Stojan Novaković]. M. Anđelković, M. Vojvodić, A. Kostić (eds.). *Stojan Novaković: život, delo i vreme. Povodom 175 godina od rođenja* [Stojan Novaković: his life, work and time. On the occasion of the 175th anniversary of Stojan Novaković]. Belgrade: SASA, 2017. P. 267–314.
- Merenik, Crnčević 2016 — S. Merenik, D. Crnčević. Bibliografija Tibora Živkovića [Bibliography of Tibor Živković]. I. R. Cvijanović (ed.). *Spomenica dr Tibora*

- Živkovića [Homage to Tibor Živković]. Belgrade: Institute of History, 2016. P. 11–16.
- Mošin 1955 — V. Mošin. *Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije*. I. dio: Opis rukopisa [Cyrillic manuscripts of the Yugoslav Academy. Pt. I: Description of the manuscripts]. Zagreb: JAZU, 1955.
- Palibrk-Sukić 2008 — [N. Palibrk-Sukić]. Bibliografija V. A. Mošina [Bibliography of V. A. Mošin]. V. A. Mošin. *Pod teretom: autobiografija* [Under burden: autobiography]. Translation [from Russian] and commentaries by N. Palibrk-Sukić. Belgrade; Pančevo: National Library of Serbia; City Library, 2008. P. 263–283.
- Pentkovskiy 2004 — A. Pentkovskiy. Ierusalimskiy ustav i ego slavyanskije perevodi v XIV stoletii [The Jerusalem Typicon and its Slavic translations of the 14th century]. L. Taseva (ed.-in-chief), M. Yovcheva, Ch. Foss, T. Pentkovskaya (eds.). *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite. Dokladi ot mezhdunarodnata konferenciya* [Translations in the 14th century in the Balkans. Proceedings of the international conference]. Sofia, 26–28 June 2003. Sofia: Publishing House “Goreks-Pres”, 2004. P. 153–171.
- Pierce 1974 — Ch. Hartshorne, P. Weiss (eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Pierce*. Vol. V. Pragmatism and Pragmaticism. Vol. VI. Scientific Metaphysics. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1974.
- Popović 2007 — I. Popović. *Istorija srpskohrvatskog jezika* [History of the Serbo-Croatian language]. Translated from German by M. Četković Pavlović. Belgrade; Kragujevac; Lazarevac: Trebnik; Lira; Elvod print, 2007.
- Savich 2017 — V. Savich. Dialekt i knizhnaya norma v Mikhanovichevom otryvke apostola: o proiskhozhdenii pamyatnika v svete bolee shirokikh serbskikh literaturno-yazykovykh dannyykh [Dialect and literary norm in Mihanović’s Apostle fragment: On the origins of the monument in the light of wider Serbian literary and linguistic data]. V. S. Efimova (ed.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. Vyp. 15. Paleoslavistika: Slovo i tekst [Slavic and Balkan linguistics. Iss. 15. Palaeoslavistics: Word and text]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2017. P. 225–240.
- Savich 2019 — V. Savich. Zvukovoe znachenie nadstrochnykh znakov v Svyatostefanskom khrisovule (1317–1318) [The sound value of diacritics in the Chrysobull of Saint Stephen]. V. S. Efimova (ed.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie*. Vyp. 17. Paleoslavistika — 2 [Slavic and Balkan linguistics. Iss. 17. Palaeoslavistics — 2]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2019. P. 314–348. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.16.
- Savić 2014 — V. Savić. Čerepiški tipik i njegovo mesto među srpskim tipicima [The Typikon of Cherepish and its place among Serbian typika]. *Crkvene studije*. 2014. No. 11. P. 577–600.

- Savić 2017 — V. Savić. Pisar hilendarske povelje broj 139/141 i Svetostefanske hrisovulje. Paleografsko-filološko razmatranje [Scribe of the Hilandar Charter No. 139/141 and the Chrysobull of Saint Stephen. Palaeographic-philological consideration]. *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor*. 2017. No. 83. P. 131–142. DOI: 10.2298/PKJIF1783131S.
- Savić 2019 — V. Savić. *Srpska književna reč u svojim prvim stolećima* [Early centuries of the Serbian literary language]. Podgorica; Niš: Matica srpska — Association of members in Montenegro; International Center for Orthodox Studies, 2019.
- Subotin-Golubović, Puzović 2016 — T. Subotin-Golubović, Lj. Puzović. Bibliografija radova akademika Dimitrija Bogdanovića [Bibliography of works by Academician Dimitrije Bogdanović]. *Arheografski prilozi*. 2016. No. 38. P. 19–35.
- Šafařík 1853 — P. J. Šafařík. *Památky hlaholského písemnictví* [Monuments of Glagolitic Writings]. V Praze: Tiskem cís. král. dvorské knihtiskárny synův Bohumila Haase, 1853.
- Štefanić 1969 — V. Štefanić. *Glagoljski rukopisi Jugoslavenske akademije*. I dio: Uvod, Biblija, apokrifi i legende, liturgijski tekstovi, egzorcizmi i zapisi, molitvenici, teologija, crkveni govori (homiletika), pjesme [Glagolitic manuscripts of the Yugoslav Academy. Pt. I: Introduction, Bible, apocrypha and legends, liturgical texts, exorcisms and notes, prayer books, theology, church preaching (homiletics), poems]. Zagreb: JAZU, 1969.
- Vitić 2001 — Z. Vitić. Popis objavljenih radova Đorđa Trifunovića [List of published works by Đorđe Trifunović]. Z. Vitić, T. Jovanović, I. Špadijer (eds.). *Slovensko srednjovekovno nasleđe. Zbornik posvećen profesoru Đorđu Trifunoviću* [Slavic medieval heritage. Collection dedicated to Professor Đorđe Trifunović]. Belgrade: Čigoja Press, 2001. P. 9–34.
- Vojvodić 2012 — D. Vojvodić. Predstave svetog Klimenta Ohridskog u zidnom slikarstvu srednjovekovne Srbije [Representations of St. Clement of Ohrid in the wall paintings of the medieval Serbia] B. Krsmanović, Lj. Maksimović, R. Radić (eds.). *Vizantijski svet na Balkanu* [The Byzantine world in the Balkans]. Vol. I. Belgrade: The Institute for Byzantine Studies, 2012. P. 145–167 + 9.
- Yagichъ 1883 — I. V. Yagichъ. *Pamyatnikъ glagolicheskoy pis'mennosti. Mariinskoe chetveroevangelie, съ priměchaniyami i prilozheniyami* [Quattuor evangeliorum versionis Palaeoslovenicae. Codex Marianus glagoliticus, characteribus cyrillicis transcriptum]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1883.
- Živković 2001 — T. Živković. O severnim granicama Srbije u ranom srednjem veku [On the northern borders of Serbia in the early middle ages]. *Zbornik Matice srpske za istoriju*. 2001. No. 63–64. P. 7–17.

Živković 2004 — T. Živković. *Crkvena organizacija u srpskim zemljama (rani srednji vek)* [Organization of the Church in Serbian lands (early middle ages)]. Belgrade: Institute of History, 2004.

Živković 2009 — T. Živković. *Gesta regum Sclavorum*. Vol. II. Comments. Belgrade: Institute of History; Ostrog Monastery, 2009.

Получено / received 05.09.2022

Приято / accepted 16.04.2023

Темы и методологические подходы в сербской диалектологии первых двух десятилетий XXI века

С. Милорадович

Институт сербского языка САНИ (Белград, Сербия);
sofija.miloradovic@sanu.ac.rs; ORCID: 0000-0003-3889-4911

Аннотация. В статье дан обзор публикаций, исследовательских направлений и методологических подходов в сербской диалектологии в первые два десятилетия XXI века. Представлены монографические издания, диалектные словари общего и специального типа и публикации, содержащие лингвистические карты. Также рассматриваются исследования диалектного синтаксиса, балканской этнокультурно-лингвистической проблематики и наиболее крупные достижения в области исследования городской речи.

Ключевые слова: сербская диалектология, монографические описания, диалектная лексикография, лингвистическая география, методологические подходы.

Topics and methodological approaches in Serbian dialectology of the first two decades of the 21st century

Sofija Miloradović

Institute for the Serbian Language, Serbian Academy of Sciences and Arts
(Belgrade, Serbia); sofija.miloradovic@sanu.ac.rs; ORCID: 0000-0003-3889-4911

Abstract. The article offers an overview of the publications, research areas, and methodological approaches in Serbian dialectology during the initial two decades of the twenty-first century. It presents a collection of monographs, general and specialized dialectal dictionaries, as well as publications containing linguistic maps.

Additionally, the article explores research on dialectal syntax, Balkan ethnocultural and linguistic issues, and highlights the most significant achievements in the domain of urban speech investigation. The traditional monographic approach employed in the processing and interpretation of gathered dialectal data has facilitated a comprehensive understanding of distinct speech varieties and their intricacies. Moreover, it has encompassed a broad spectrum of dialectal zones and local speech variations. Furthermore, this approach has led to the realization of the necessity to prevent the inevitable “standardization” and disappearance of folk speech. We contend that without adopting such an approach to dialectal material, it would have been infeasible to establish a robust foundation for addressing novel issues and exploring new avenues in Serbian dialectology throughout the past decades. These avenues encompass syntactic-semantic and ethnodialectological studies, intensive research on interlingual and interdialectal interference, urban dialectology, and the areal (linguistic-geographical) approach to dialectal material, among others. Presently, Serbian dialectologists may be justifiably criticized for the uneven allocation of attention to different linguistic levels, inadequate description of isoglosses pertaining to important and late-established phonological characteristics in the speech varieties of Serbia, and partially for the belated and/or limited adoption of contemporary methodological approaches from primarily Anglo-Saxon linguistic schools. Nonetheless, it cannot be refuted that field data have been and remain the paramount “arbiter” in all Serbian dialectological research.

Keywords: Serbian dialectology, monographic descriptions, dialect lexicography, linguistic geography, methodological approaches.

1. Введение

Процессы относительной унификации диалектов в связи с интенсивным проникновением литературных идиомов в самые отдаленные сельские районы превратили фиксацию диалектных особенностей в актуальную и важную задачу для многих диалектологов. Эта задача существенна не только для лингвистической науки, но и для этнографии, поскольку диалекты представляют собой чрезвычайно богатый источник данных в области традиционной культуры — материальной,

духовной и социальной. Диалектологические исследования, как известно, выходят за языковые рамки и имеют не только лингвистическое значение.

В XX веке сербская диалектология [ELZ; Ivić 2005; Ћупић 1996; Реметић 2017] развивалась столь интенсивно и бурно, что этот век принято называть «золотым веком» данной научной дисциплины [Пипер 2018]. Эта эпоха ознаменована творчеством двух самых известных представителей национальной диалектологии — Александра Белича в первой половине XX века и Павле Ивича во второй его половине. Фундаментальная монография А. Белича о диалектах восточной и южной Сербии положила начало в 1905 г. «Сербскому диалектологическому сборнику» (лингвистическому журналу тогдашней Сербской королевской академии) — диалектологическому изданию, не имевшему аналогов в славянском мире (в 2022 году опубликован номер 69; см. [Марковић 2015]). Позднее А. Белич опубликовал важные диалектологические исследования, которые представляли собой большой шаг вперед с точки зрения точности записи диалектных особенностей, а также с концептуальной и методологической точек зрения. Можно сказать, что почти все идеи Белича легли в основу современной сербской диалектологии.

Главной работой по сербской диалектологии второй половины XX века была книга П. Ивича «Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје» («Диалектология сербскохорватского языка. Введение и штокавское наречие»), изданная Матицей сербской в 1956 году. Данный труд стал первым систематическим обзором сербских народных говоров в целом. Затем была опубликована монография «Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung» («Сербохорватские диалекты. Их структура и развитие», 1958; перевод на сербский язык — «Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој», 1994 [Ивић 1994]). Итог обобщающим работам Ивича подведен в трех текстах, опубликованных в виде книги «Српски дијалекти и њихова класификација» («Сербские диалекты и их классификация», 2009), с некоторыми нововведениями в номенклатуре и классификации диалектных единиц сербского языка. Научное наследие П. Ивича насчитывает почти десять тысяч страниц,

а «Целокупна дела Павла Ивића» («Полное собрание сочинений Павле Ивича») обогатилось в 2018 году десятым томом «О дијалектологији» («О диалектологии»), состоящим из пяти книг (под редакцией С. Реметича) [Реметић 2018]), в котором приблизительно на двух тысячах страниц собрано все, что он опубликовал в области диалектологии, — от работ по теории диалектологии и лингвистической географии до отчетов о диалектологических исследованиях и выступлений в дискуссиях на научных конференциях. Во второй половине XX века благодаря Павле Ивичу в науку вошли прекрасные диалектологи, среди которых наиболее известны имена Драголюб Петровича и Слободана Реметича.

2. Сербская диалектология первых двух десятилетий XXI века

2.1. Монографические описания

Сербские диалектологи внесли важный вклад в сопоставительную славистику, лингвистическую типологию и лингвистическую географию. Что касается сербских народных говоров на сербской языковой территории, то во второй половине XX века и в первых двух десятилетиях XXI века появились многочисленные монографии по местным говорам и региональным диалектам, диалектные словари, а также работы общей и широкой тематики, обзоры и статьи о языковых особенностях местных идиомов, анкеты и сборники диалектных текстов. В первую очередь следует сказать, что новый синтез исследований о диалектах был опубликован Милошем Оуккой — «Српски дијалекти» («Сербские диалекты», 2008). Сербским народным говорам было посвящено также множество конференций, результаты которых опубликованы в виде тематических сборников (в рассматриваемом периоде «Путеви и домети дијалекатске лексикографије» («Пути и достижения диалектной лексикографии», 2013)). Значительный вклад в изучение ряда тем из области сербской

диалектологии внесли слависты других стран: России, США, Германии, Нидерландов, Японии и т. д.

Что касается сербской языковой территории, то существует множество прекрасных **монографий**, в которых анализируются говоры целого ряда областей Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины и Хорватии. Две трети исследований опубликованы в «Сербском диалектологическом сборнике», тогда как остальные вышли в специальных изданиях (например, в серии «Монографии» Института сербского языка САНИ). Здесь мы назовем только те, которые относятся к последним двум десятилетиям XXI века:

- 1) к 2021 году в Сербии опубликовано несколько монографий, посвященных территории юго-восточной Сербии, западной Сербии, Шумадии, Косово и Метохии: «Говор Заплања» («Говор Заплања», Й. Маркович, 2000), «Моравички и горњостуденички говори» («Моравичские и верхнестуденицкие говоры», В. Николич, 2001), «Говор Ибарског Колашина» («Говор области Ибарски Колашин», М. Божович, 2002), «Говори северне Метохије» («Говоры северной Метохии», М. Букумирич, 2003), «Фонетске особине говора источне Шумадије» («Фонетические особенности говора восточной Шумадии», Ж. Бошнякович, 2008), «Говор села Милушинца (у Сокобањској котлини)» («Говор села Милушинац (в долине Сокобана)», Я. Гмитрович, 2008), «Говор Горње Пчиње: гласови и облици» («Говор области Верхняя Пчиня: звуки и формы», М. Юришич, 2009), «О лесковацком говору» («О лесковацком говоре», Н. Богданович, 2009), «Говор села Присјана (Горњег и Доњег)» («Говор сел Верхний и Нижний Присьян», Т. Милосавлевич, 2009), «Копаонички говор» («Говор Копаоника», П. Радич, 2010), «Говор Ужичке Црне горе» («Говор Ужицкой Черногории», С. Маркович, 2011), «Морфолошке особине говора источне Шумадије» («Морфологические особенности говора восточной Шумадии», Ж. Бошнякович, 2012), «Говор јужнокосовског села Гатње» («Говор южнокосовского села Гатня», Р. Младенович, 2013), «Говор Ваљевске Подгорине» («Говор Валеvской Подгорины», Д. Радованович, 2014),

- «О говору и именима Угљара код Приштине» («О говоре и ономастике Угљара под Приштиной», Г. Яшович, 2014), «Говори у сливу Студенице» («Говоры в бассейне Студеницы», Г. Драгин, 2015), «Говор Прешева» («Говор Прешева», Т. Трайкович, 2016), «Говор северношарпланинске жупе Сиринић» («Говор северношарпланинской жупы Сиринич», Р. Младенович, 2019), «Морфолошке одлике глаголских облика говора Тутина, Новог Пазара и Сјенице» («Морфологические особенности глагольных форм Тутина, Нови-Пазара и Сьеницы», Б. Вельович, 2021) и т. д.;
- 2) в Черногории: «Говор Паштровића» («Говор Паштровича», М. Йованович, 2005), «Говор Горњих Васојевића» («Говор области Верхние Васоевичи», Р. Стийович, 2007), «Говор Каменара» («Говор Каменара», Н. Вуядинович, 2007), «Дурмиторски говори» («Дурмиторские говоры», М. Йованович, 2014) и т. д.;
- 3) в Боснии и Герцеговине: «Фонетске и морфолошке особине српских посавских говора између Врбаса и Укрине» («Фонетические и морфологические особенности сербских посавских диалектов между Врбасом и Укриной», Д. Козомара, 2016), «Српски говори Шипова» («Сербские говоры Шипова», С. Цукут, 2021).

Призренско-тимокская диалектная область детально исследовалась с самого начала XX века. На сегодняшний день по количеству посвященных ей публикаций и охвату тем она представляет собой наиболее изученные сербские говоры (согласно библиографии, составленной Мариной Юришич и Йорданой Маркович, 2016 год [Юришић, Марковић 2016]). Так сложилось прежде всего потому, что здешние диалекты входили в сферу научных интересов А. Белича, а также благодаря инициативам П. Ивича в области призренско-тимокской лексикографии и лексикологии и исключительному энтузиазму Неделько Богдановича в изучении говоров юго-восточной Сербии. Призренско-южноморавский языковой ареал на территории сербского автономного края Косово и Метохия представлен в монографиях Радивое Младеновича: «Говор шарпланинске жупе Гора» («Говор шарпланинской жупы Гора», 2001) и «Заменице у говорима југозападног дела Косова и Метохије» («Местоимения в говорах

юго-западных областей Косово и Метохии», 2010), помимо уже упомянутых выше.

Монографические исследования (большого или меньшего объема) и статьи в значительной степени касались просодической системы и некоторых фонетико-фонологических признаков (чаще всего рефлекса ятя) в отдельных говорах. Несколько реже публиковались статьи морфологической и лексикологической тематики, а самыми редкими были исследования, посвященные словообразовательным и синтаксическим вопросам и языку литературных произведений, написанных на диалекте, однако в первые десятилетия ХХI века сербские диалектологи вновь начали заниматься этими несколько забытыми темами. «Сербский диалектологический сборник» содержит, например, исследования акцентных систем говоров сербов области Лапачко-поле (М. Драгичевич, 2009) и Златибора (А. Лончар Райчевич, 2018), затем исследования границ распространения иекавских диалектов в западной Сербии (С. Маркович, 2012), описание консонантизма боснийско-герцеговинских говоров (А. Пецо, 2001), описание морфологической системы говоров средней Колубары (Д. Радованович, 2006), исследование образования имен существительных в говорах сербов в юго-восточной Лике (Д. Павлица, 2006) и лексики сербского призренского говора (Т. Милосавлевич, 2017). Работа Тани Милосавлевич является первым лингвокультурологическим исследованием на диалектном материале, в котором диалектно-языковая картина мира интерпретируется в рамках современной антропоцентрической парадигмы с целью выявления лингвокультурологических особенностей исследуемого говора и характеристики диалектной личности.

Сербская диалектология по параметру недостаточной проработки **синтаксической проблематики** соответствует среднему уровню славянских и неславянских лингвистических исследований на Балканах [Милорадовић 2015]. До недавнего времени имелись лишь отрывочные данные о синтаксических явлениях в сербских говорах. В настоящее время из семи опубликованных монографий, относящихся к призренско-южноморавскому, косовско-ресавскому и герцеговинско-краинскому диалектам, шесть содержат описание употребления

падежей и только одна — употребления глагола: «Детерминативни падежи у говору северозападне Боке» («Детерминативные падежи в говоре северо-западной Боки Которской», С. Павлович, 2000) [Павлович 2006], в которой изначально применяется подход, близкий к современной синтаксической теории и методологии; «Употреба падежних облика у говору Параћинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект» («Употребление падежных форм в говоре Парачинского Поморавья. Балканистический и этномиграционный аспект», С. Милорадович, 2003), где впервые дается полный, систематический обзор падежной системы переходного говора, подвергнувшегося процессам балканизации; «Исказивање генитивних значења у говору јабланичког краја (у светлу призренско-тимочких говора као целине)» («Выражение значений родительного падежа в говоре области Ябланица (в сопоставлении с другими призренско-тимокскими говорами)», Р. Жугич, 2010); «Синтакса падежа Горње Пчиње (Одредбене функције)» («Синтаксис падежей в говоре области Верхняя Пчиня (детерминативные функции)», М. Юришич, 2014); «Синтакса падежа у говору романијског платоа: метафоризација простора» («Синтаксис падежей в говорах Романии: метафоризация пространства», З. Симич, 2018); «Синтакса глаголских облика у говору Тутина, Новог Пазара и Сјенице» («Синтаксис глагольных форм в говоре Тутина, Нови-Пазара и Сьеницы», Б. Вельович, 2018), где применяется новаторский теоретико-методологический подход.

В некоторых из упомянутых монографий используются как традиционный понятийно-терминологический аппарат, так и современные семантико-синтаксические приемы, вошедшие в активное употребление при изучении современного сербского языка и древнесербских памятников в последние десятилетия XX века.

Существование различных теоретико-методологических подходов в представленных монографиях свидетельствует о том, что пока не найден единый подход, который бы полностью учитывал специфику конкретного диалектного корпуса и в то же время позволял бы сопоставлять данные всех диалектных единиц в рамках сербского языкового пространства. Адекватное решение, вероятно, подразумевало бы своего рода пересечение так называемого традиционного

синтаксического подхода, при котором значения группируются вокруг падежной формы (предложные и предложно-падежные синтагмы), и подхода, используемого в последнее время, основанного на семантике в качестве отправной точки в изучении падежного синтаксиса. При выработке такого решения необходимо иметь в виду, что разнообразие сербских диалектов существенно усложняет использование единого подхода к описанию диалектного падежного синтаксиса. Общеизвестно, что в сербском языковом пространстве на противоположных полюсах находятся структурно-консервативные диалекты и структурно-инновационные диалекты (термин П. Ивича), кроме того, не следует забывать о так называемых переходных типах говоров.

В сербской диалектологии имеется корпус работ, посвященных **балканской этнокультурно-языковой мозаике** и элементам языковой структуры, подверженным межъязыковой интерференции, т. е. особенностям говоров на окраинах сербского этноязыкового пространства, в периферийных диалектных комплексах, в непрерывном контакте с неславянскими языками (с венгерским, румынским и албанским), а также под определенным влиянием славянских языков, претерпевших в прошлом значительные балканизрующие изменения (авторы многочисленных работ на эту тему: Павле Ивич, Првослав Радич, Жарко Бошнякович, Радивое Младенович, Михай Н. Радан, София Милорадович, Милета Букумирич, Зоран Симич и др.). Недавние исследования позволили по-новому взглянуть на проблему интерференции в религиозно неоднородных областях, в том числе на проблему характерных особенностей религиозной и национальной идентичности, например рефлекса ятя, шчакавизмов, оппозиции твердых и мягких аффрикат [Реметич 2009, 2015].

Говоря об исследовании сербских говоров за пределами Сербии, которое было начато фундаментальной работой П. Ивича «О говоре Галипольских Срба» («О говоре галлиполийских сербов», 1957), мы упомянем здесь только монографию Михая Н. Радана «Фонетика и фонологија карашевских говора данас» («Фонетика и фонология карашевских говоров сегодня», 2015).

Ценные результаты достигнуты и в области **городской диалектологии**. Становление городской диалектологии в Сербии основано

на традиционных принципах диалектологического описания, учитывающего лингвистическую интерференцию и применяющего лингвогеографические методы, ср. монографии «Српски призренски говор I (Гласови и облици)» («Сербский призренский говор I (Звуки и формы)», С. Реметич, 1996) и «Границе призренско-тимочких говора у власотиначком крају» («Границы призренско-тимокских говоров в районе города Власотинце», С. Станкович, 2008). Монография «Говор Прешева» («Говор Прешева», Т. Трайкович, 2016) является примером работы в области социальной диалектологии, основанной на применении социолингвистических методов к корпусу, собранному на базе записей живой речи. Говоря о городской диалектологии, нельзя не упомянуть двухтомный сборник «Говор Новог Сада» («Говор Нови-Сада»): «Говор Новог Сада, Свеска 1: Фонетске особине» («Говор Нови-Сада, том 1: Фонетические особенности», 2009) и «Говор Новог Сада, Свеска 2: Морфосинтаксичке, лексичке и прагматичке особине» («Говор Нови-Сада, том 2: Морфосинтаксические, лексические и прагматические особенности», 2011), изданный философским факультетом университета в Нови-Саде. Обширное и методологически новаторское социолингвистическое исследование диалектов городских центров Сербии уже началось в городе Ниш.

2.2. Диалектная лексикография

Что касается **диалектной лексикографии** (т. е. словарей дифференциального типа), то неравномерность в охвате сербского диалектного комплекса наиболее заметна именно в этой области, поскольку диалектные словари призренско-тимокского ареала составляют примерно половину всех изданных словарей и собраний слов из тех или иных терминологических областей. Важно отметить, что в «Сербском диалектологическом сборнике» в 2015 году была опубликована библиография «Дијалекатска лексикографија штокавског наречја (од 1818. до 2014. године)» («Диалектная лексикография штокавского наречья (с 1818 по 2014 год)» [Недельков, Марковић 2015]. Диалектные

словари и многие собрания слов важны и из-за их высокой этнографической ценности.

От самого начала сербской диалектной лексикографии — «Сербского словаря» Вука Стефановича Караджича («Српски рјечник», 1818, 1852) и двухтомного «Словаря косовско-метохийского диалекта» Глигорие Элезовича («Речник косовско-метохиског дијалекта», 1932, 1935) — мы пришли к четырехтомному «Словарю сербских говоров Воеводины» («Речник српских говора Војводине»), изданному Матицей сербской (редактор Д. Петрович, 2019) и содержащему целый ряд ценных лингвистических карт. В последние десятилетия XX века среди книг «Сербского диалектологического сборника» стали издаваться ценные словари лексикографов-любителей (по специальности юристов, агрономов и др.), преимущественно с призренско-тимокской диалектной территории. Профессионалы реже брались за эту огромную работу: «Речник Васојевића» («Словарь Васоевича», Р. Стийович, 2015), «Речник говора јабланичког краја» («Словарь говора области Ябланица», Р. Жугич, 2005), «Из лексике Качера» («Из лексики Качера», Д. Петрович, Е. Капустина, 2011), «Речник говора северне Метохије» («Словарь говора северной Метохии», М. Букумирич, 2012), «Речник Куча» («Словарь [черногорского племени] Кучи», Д. Петрович, И. Челич, Е. Капустина, 2013), «Речник говора Лужнице» («Словарь говора Лужницы», Л. Чирич, 2018), «Речник Драгачева» («Словарь Драгачева», Д. Петрович, Е. Капустина, 2019). На материале призренско-тимокских говоров в последнее время возникли: «Речник села Каменице код Ниша» («Словарь села Каменица под Нишем», В. Йованович, 2004, 2007), «Речник говора јабланичког краја» («Словарь говора области Ябланица», Р. Жугич, 2005), «Тимочки дијалекатски речник» («Тимокский диалектный словарь», Я. Динич, 2008), «Црнотравски речник» («Словарь области Црна Трава», Р. Стоянович, 2010), «Речник говора југа Србије» («Словарь говоров юга Сербии», М. Златанович, 2011), «Речник заплањског говора» («Словарь заплањского говора», В. Цветанович, 2013), «Речник тимочког говора» («Словарь тимокского говора», Л. Райкович Кожеляц, 2014), «Речник пиротског говора» («Словарь пиротского говора», Д. Златкович, 2014), «Речник говора Лужнице»

(«Словарь говора Лужницы», Л. Чирич, 2018). Были изданы словари и других диалектных областей: «Рјечник дубровачког говора» («Словарь дубровнишког говора», М. Боянич, Р. Тривунац, 2002), «Из лексике Пиве (село Безује)» («Из лексике Пивы (село Безуе)», С. Гагович, 2004), «Речник говора Поткозарја» («Словарь говора Поткозарья», С. Далмация, 2004), «Грађа за речник говора Мачве» («Материалы для словаря говора Мачвы», А. Лазич, 2008), «Рјечник говора Зете» («Словарь говора области Зеты», Е. Башанович-Чечович, 2010), «Рјечник никшићког краја» («Словарь окрестностей Никшича», Л. Джокович, 2010), «Рјечник говора околине Мојковца» («Словарь говора окрестностей Мойковца», Д. Ристич, 2010), «Рјечник личког говора» («Словарь говора Лики», А. Стоякович, Й. Мандарич, 2013), «Речник ужичког говора» («Словарь ужицкого говора», Р. Цвиетич, 2014), «Рјечник гламачког говора» («Словарь гламачского говора», М. Боинович, 2015), «Из лексике источне Лике» («Из лексике восточной Лики», С. Зобеница, 2016) и др.

Особое место занимают словари, созданные в 80-х годах прошлого века и изданные в составе монографических описаний различных видов терминологии материальной культуры сербского населения Воеводины, исследования которых были начаты в новисадском лингвистическом центре. Позже были изданы словари и сборники диалектной терминологии; отдельно упомянем те, которые хронологически связаны с нашей темой: «Терминологија куће и покућства у северној Метохији» («Терминология дома и домашней утвари в северной Метохии», М. Букумирич, 2006), «Змијски речник југоисточне Србије» («Словарь названий змей юго-восточной Сербии», Н. Богданович, 2007), «Земљописна и њој сродна лексика југоисточне Србије» («Географическая и родственная ей лексика юго-восточной Сербии», Н. Богданович, 2008), «Архаична пчеларска лексика у Војводини» («Архаичная лексика пчеловодства Воеводины», Л. Недельков, 2009), «Лексика свадбених обичаја у Рађевини» («Лексика свадебных обычаев в Раджевине», М. Петрович-Савич, 2009), «Пастирска лексика лакташког краја» («Пастушеская лексика окрестностей Лакташа», Д. Црняк, 2011), «Херцеговачка пчеларска лексика (на општесловенској основи)» («Пчеловодческая лексика

Герцеговины (на общеславянской основе)», С. Пуйич, 2013), «Антропографски речник југоисточне Србије» («Антропографический словарь юго-восточной Сербии», Н. Богданович, 2016), «Народна медицинска лексика Великог Блашка (код Бањалуке)» («Лексика народной медицины Велико Блашко (в окрестностях Баня-Луки)», Б. Савич, 2017), «Лексика народне медицине у тимочко-лужничким говорима» («Лексика народной медицины в тимокско-лужницких диалектах», Е. Глишич, 2017), «Пастирски речник југоисточне Србије» («Словарь пастушеской терминологии юго-восточной Сербии», Н. Богдановић, 2019), «Речи и изрази традиционалне исхране становништва књажевачког краја» («Лексика традиционного питания в княжевацкой области», Я. Динич, 2020), и т. д. В 2020 году отделение САНИ в Нише опубликовало коллективную монографию «Пастирска лексика југоисточне Србије» («Пастушеская лексика юго-восточной Сербии», Н. Богданович и др.).

2.3. Лингвистическая география

Помимо монографических описаний говоров и составления диалектных словарей, большую ценность представляет работа в области **лингвистической географии**. Сербские диалектологи с 1960-х годов по настоящее время весьма активно и институционально организовано, под руководством САНИ, сотрудничают в международных проектах из этой области: «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА), «Европейский лингвистический атлас» (ALE) и «Общекарпатский диалектологический атлас» (ОКДА), а в рамках Межакадемического комитета по диалектологическим атласам САНИ производился сбор материала для национального проекта под названием «Сербский диалектологический атлас» (СДА (ранее называвшегося «Сербскохорватский диалектологический атлас» (СХДА)) [Милорадовић 2017]. Так, П. Ивич, Д. Петровић, М. Пижурица, С. Реметић и Д. Чупић, а позднее Н. Богдановић, З. Бошковичаков, Г. Драгин и С. Милорадович за несколько десятилетий составили большое число карт, в первую очередь для ОЛА и ОКДА. Также в рамках других научных

публикаций лингвогеографический подход к диалектному материалу применялся многими диалектологами в ходе их исследований, некоторые из них посвящены решению важных вопросов и содержат обширные картографические данные (П. Ивич, С. Реметич, Н. Богданович и др.). Особое место занимают карты, созданные в 80-х годах прошлого века в рамках ранее упомянутых исследований терминологии материальной культуры сербского населения Воеводины. В последнее время картографирование становится все более распространенным способом представления диалектных данных, в основном в лексикологических и этнодиалектологических работах молодых авторов. Единственная на данный момент монография, в которой применяется такой методологический подход, — «Антропографска лексика у говорима сврљишког краја» («Антропографическая лексика в говорах области Сврлиг», А. Савич-Груич, 2017). Итак, на сегодняшний день мы имеем уже ряд отдельных результатов — лингвистических карт, опубликованных в статьях и монографических исследованиях (среди которых есть и коллективные). Это свидетельствует о работе, которая — по понятным причинам — проходит на фоне решения наших крупных и институционально оформленных задач в области лингвистической географии. Эти карты однозначно подтверждают, что лингвогеографический подход к диалектному материалу в Сербии занимает важное место в работе над лингвистическими атласами и, кроме того, становится все более и более актуальным как способ представления диалектных данных в трудах молодых авторов. Поэтому мы склонны ожидать, что новые поколения сербистов и славистов будут все интенсивнее использовать обширный и ценный материал, хранящийся на страницах лингвистических атласов, для написания статей и монографических исследований. Так мы окончательно перешли бы на новый, более высокий уровень работы, когда речь идет о научных лингвистических картах, т. е. *перешли бы от графической реализации к авторской интерпретации*.

Таким образом, среди методологических подходов, выходящих за рамки классических монографических описаний малых или больших диалектных единиц, мы рассмотрели синтаксическую семантику, социальную диалектологию, этнодиалектологию /

лингвокультурологию с особым акцентом на лингвогеографический способ представления данных, который применяется в ряде статей, хотя и касающихся различных языковых уровней, но в первую очередь связанных с лексико-семантическим анализом материала той или иной области.

3. Заключение

Учреждение в 2002 году проекта национального значения «Диалектологическое исследование сербского языкового пространства», совместного предприятия Сербской академии наук и искусств и ее Института сербского языка (руководителем проекта был С. Реметич, тогда как заведующим отделом диалектологии ныне является С. Милорадович), продолжившего исследования, предпринятые при основании Института и его диалектологического отдела, открыло новые возможности для дальнейшей работы в области диалектологии и ономастики. Впервые в рамках одной организации был сформирован диалектологический коллектив, привлечено значительное количество молодых исследователей и специалисты из четырех сербских университетских центров (в качестве внешних сотрудников). Большая часть сербского населения из бывших югославских республик Хорватии и Боснии и Герцеговины из-за войны в последнее десятилетие XX века была вынуждена покинуть области, которые не были достаточно изучены в лингвистическом отношении. В начале XXI века произошло массовое переселение сербов, ранее уже подвергавшихся серьезной демографической опасности, с территории Косово и Метохии, поэтому в рамках упомянутого проекта, среди прочего, мы приступили к записи и обработке данных, собранных от беженцев и «перемещенных лиц» — носителей трех сербских диалектов.

Традиционный монографический подход к обработке и интерпретации собранных диалектных данных обеспечил общее представление об отдельных говорах и их комплексах, а также охват большого количества диалектных зон и локальных говоров и привел

к осознанию необходимости предотвращения неизбежной «стандартизации» и исчезновения народных говоров.

Мы утверждаем, что без такого подхода к диалектному материалу невозможно было бы заложить прочные основы для постановки новых проблем и поиска новых направлений исследований, характерных для последних десятилетий сербской диалектологии в плане синтаксическо-семантических и этнодиалектологических исследований, интенсивных исследований межъязыковой и междиалектной интерференции, исследований в области городской диалектологии и лингвогеографического (ареального) подхода к диалектному материалу и др. Вероятно, сегодня сербских диалектологов можно было бы справедливо упрекнуть в неравномерном распределении внимания по отношению к различным языковым уровням, в недостаточном описании изоглосс ряда важных и поздно установленных фонологических особенностей в говорах Сербии, отчасти в запоздалом и (или) недостаточном применении современных методологических подходов других, преимущественно англосаксонских, лингвистических школ, но нельзя отрицать того, что полевые данные были и остаются высшим «арбитром» во всех сербских диалектологических исследованиях.

Литература

- Ивић 1994 — П. Ивић. Целокупна дела. Књ. 3. Српскохрватски дијалекти. Нихова структура и развој. Прва књига: Општа разматрања и штокавско наречје. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994.
- Јуришић, Марковић 2016 — М. Јуришић, Ј. Марковић. Прилог библиографији призренско-тимочких говора од 1992. до 2014. године // Ј. Марковић (ур.). Александар Белић — 110 година од појаве Српског дијалектолошког зборника. Ниш: Универзитет у Нишу, Филозофски факултет, 2016. С. 127–185.
- Марковић 2015 — Б. Марковић. Сто десет година Српског дијалектолошког зборника (1905–2015) — библиографија // Српски дијалектолошки зборник. 2015. Књ. 62. С. 327–349.
- Милорадовић 2015 — С. Милорадовић. Синтакса падежа у српској дијалектологији — степен испитаности и теоријско-методолошки приступи // Љ. Поповић,

- Д. Војводић, М. Нوماћи (ур.). У простору лингвистичке славистике. Београд: Универзитет у Београду, Филолошки факултет, 2015. С. 515–533.
- Милорадовић 2017 — С. Милорадовић. Лингвистичка географија у Србији — језички записи на картама и њихово читање // Јужнословенски филолог. 2017. Књ. 73. Св. 3–4. С. 113–135. DOI: 10.2298/JFI1702009A.
- Недељков, Марковић 2015 — Љ. Недељков, Б. Марковић. Дијалекатска лексикографија штокавског наречја (од 1818. до 2014. године) — библиографија // Српски дијалектолошки зборник. 2015. Књ. 62. С. 247–326.
- Павловић 2006 — С. Павловић. Детерминативни падежи у старосрпској пословноправној писмености. Нови Сад: Матица српска, 2006.
- Пипер 2018 — П. Пипер. Прилози историји српске лингвистичке славистике. Друга половина XX века. Београд: Чигоја штампа, 2018.
- Реметић 2009 — С. Реметић. Над шћакавизмом Никшићке висоравни // Славистика. 2009. Књ. 13. С. 372–378.
- Реметић 2015 — С. Реметић. Језичка и дијалекатска интерференција и вера // Исходишта. 2015. № 1. С. 391–401.
- Реметић 2017 — С. Реметић. Српска дијалектологија јуче, данас и сутра // Јужнословенски филолог. 2017. Књ. 73. Св. 3–4. С. 85–112.
- Реметић 2018 — С. Реметић (ур.). Павле Ивић. Целокупна дела X/2. Расправе, студије, чланци 2. О дијалектологији. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2018.
- Ћупић 1996 — Д. Ћупић. Дијалекти // М. Радовановић (ур.). Српски језик на крају века. Београд: Институт за српски језик САНУ; Службени гласник, 1996. С. 159–170.
- ELZ — Dijalektologija // J. Šentija (ur.). Enciklopedija Leksikografskog zavoda. Sv. 2. Castelo — Firenzuola. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 1956.
- Ivić 2005 — P. Ivić. Dialects // W. E. Preece, P. W. Goetz (eds.). The New Encyclopaedia Britannica. 15th edn. (1974–2012). Macropaedia: Knowledge in Depth. Vol. 22. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 2005. P. 551–553.

References

- Ćupić 1996 — D. Ćupić. Dijalekti [Dialects]. M. Radovanović (ur.). *Srpski jezik na kraju veka* [Serbian Language at the End of the Century]. Belgrade: Institute for the Serbian Language of SASA; Službeni glasnik, 1996. P. 159–170.
- ELZ — Dijalektologija [Dialectology]. J. Šentija (ed.). *Enciklopedija Leksikografskog zavoda* [Encyclopedia of the Lexicographic Institute]. Iss. 2. Castelo — Firenzuola. Zagreb: Lexicographical Institute of the FPRY, 1956.

- Ivić 1994 — P. Ivić. *Celokupna dela. Knj. 3. Srpskohrvatski dijalekti. Njihova struktura i razvoj. Prva knjiga: Opšta razmatranja i štokavsko narečje* [Complete Works. Vol. 3. Serbo-Croatian Dialects. Their Structure and Development. First Book: General Considerations and the Štokavian Dialect]. Sremski Karlovci; Novi Sad: Zorana Stojanovića Publishing House, 1994.
- Ivić 2005 — P. Ivić. Dialects. W. E. Preece, P. W. Goetz (eds.). *The New Encyclopaedia Britannica*. 15th edn. (1974–2012). Macropaedia: Knowledge in Depth. Vol. 22. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 2005. P. 551–553.
- Jurišić, Marković 2016 — M. Jurišić, J. Marković. Prilog bibliografiji prizrenko-timočkih govora od 1992. do 2014. godine [A Contribution to the Bibliography of the Prizren-Timok Dialects from 1992 to 2014.]. J. Marković (ed.). *Aleksandar Belić — 110 godina od pojave Srpskog dijalektološkog zbornika* [Aleksandar Belić — 110 years since the publication of the Serbian Dialectological Collection]. Niš: University of Niš, Faculty of Philosophy Press, 2016. P. 127–185.
- Marković 2015 — B. Marković. Sto deset godina Srpskog dijalektološkog zbornika (1905–2015) — bibliografija [110 Years of the Serbian Dialectological Collection (1905–2015) — a bibliography]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2015. Vol. 62. P. 327–349.
- Miloradović 2015 — S. Miloradović. Sintaksa padeža u srpskoj dijalektologiji — stepen ispitivosti i teorijsko-metodološki pristupi [Syntax of Cases in Serbian Dialectology — The Degree of Investigation and Theoretical-Methodological Approaches]. Lj. Popović, D. Vojvodić, M. Nomaći (eds.). *U prostoru lingvističke slavistike* [In the field of Slavic linguistics]. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Philology Press, 2015. P. 515–533.
- Miloradović 2017 — S. Miloradović. Lingvistička geografija u Srbiji — jezički zapisi na kartama i njihovo čitanje [Linguistic Geography in Serbia — Linguistic Recordings on Maps and Their Reading]. *Južnoslovenski filolog*. 2017. Vol. 73. Iss. 3–4. P. 113–135. DOI: 10.2298/JF11702009A.
- Nedeljkov, Marković 2015 — Lj. Nedeljkov, B. Marković. Dijalekatska leksikografija štokavskog narečja (od 1818. do 2014. godine) — bibliografija [Dialectal Lexicography of the Štokavian Dialect (from 1818 to 2014) — Bibliography]. *Srpski dijalektološki zbornik*. 2015. Vol. 62. P. 247–326.
- Pavlović 2006 — S. Pavlović. *Determinativni padeži u starosrpskoj poslovnopravnoj pismenosti* [Determinative Cases in Old Serbian Business and Legal Writing]. Novi Sad: Matica srpska, 2006.
- Piper 2018 — P. Piper. *Prilozi istoriji srpske lingvističke slavistike. Druga polovina XX veka* [Contributions to the History of Serbian Linguistic Slavic Studies. The Second Half of the 20th Century]. Belgrade: Čigoja štampa, 2018.

- Remetiћ 2009 — S. Remetiћ. Nad šćakavizmom Nikšićke visoravni [On Shćakavian features of the Nikshich highlands]. *Slavistika* [Slavic Studies]. 2009. Vol. 13. P. 72–378.
- Remetiћ 2015 — S. Remetiћ. Jezička interferencija i vera [Linguistic interference and religion]. *Ishodišta* [Originations]. 2015. No. 1. P. 391–401.
- Remetiћ 2017 — S. Remetiћ. Srpska dijalektologija juče, danas i sutra [Serbian Dialectology Yesterday, Today, and Tomorrow]. *Južnoslovenski filolog*. 2017. Vol. 73. Iss. 3–4. P. 85–112.
- Remetiћ 2018 — S. Remetiћ (ed.). Pavle Ivić. *Celokupna dela X/2. Rasprave, studije, članci 2. O dijalektologiji* [Complete Works X/2. Discussions, Studies, Articles 2. On Dialectology]. Sremski Karlovci; Novi Sad: Zorana Stojanovića Publishing House, 2018.

Получено / received 05.09.2022

Принято / accepted 27.02.2023

Серб. *стожер* в этнолингвистическом освещении

А. А. Плотникова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия); annaplotn@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Аннотация. В работе показаны возможности изучения славянской лексики в этнолингвистическом аспекте. Устанавливаются прямые и переносные значения серб. *стожер*, указывается возможная этимология. Этнолингвистический подход к общеславянской лексике предполагает анализ символических значений при употреблении слова в самых разных тематических сферах. В работе уделено внимание семантике самого предмета материальной культуры в сельскохозяйственной обрядности, определяемой ритуально-магическими действиями для обеспечения плодородия, и в семейной обрядности, где выделяется его сакральная функция как оплота целого рода.

Ключевые слова: лексикология, этимология, этнолингвистика, сербский язык, жатвенная обрядность, свадебная обрядность, народная метеорология.

Serbian *stožer* in the light of ethnolinguistics

Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
annaplotn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9154-5046

Abstract. The paper aims to demonstrate the feasibility of studying Slavic lexical units from the ethnolinguistic perspective. The direct and figurative meanings of the Serbian *stožer* and its derivatives are identified, the symbolism of the word is analyzed. The possible variants of its etymology related with the i.-e. *(s)teg*, that is ‘pole, stake, stick, pole, beam’, are taken into consideration. The ethnolinguistic aspect of research into common Slavic lexical units involves analysis of their direct, figurative or symbolic meanings when used in the diverse thematic areas. Special attention is paid to the

functions and symbolism of the corresponding objects denoted by this lexeme and its phonetic variants across the Balkan Slavic languages. The meanings of the actual material culture objects denoted by *stožer* are shown through their use in the corresponding agricultural rituals including the various ritual and magical practices deemed to ensure higher land productivity; the relevant object's sacred function as a pillar of strength for the entire race/family is highlighted by specific family rituals. Applying an areal etymology approach the paper clarifies the distribution of the word's meanings in both synchrony and diachrony. The findings support the idea that the figurative meanings of this word and its derivatives emerge in those South Slavic languages and dialects where *stožer* denotes "a pole in the middle of a threshing floor around which horses or other animals are driven to do the threshing", with ritual and magical practices associated with this object of material folk culture also widespread. This case study shows that, in consistence with the lexical criterion of the South Slavic linguistic territory, the border of "Balkanian" lexis usage can be moved much farther westward from the Balkan Sprachbund area, traditionally limited by the western border of the Torlak Serbian dialects established based on the occurrence of their phonetic and grammatical features.

Keywords: lexicology, etymology, ethnolinguistics, Serbian language, harvest ceremony, wedding ceremony, folk meteorology.

1. Введение

Исследование выполнено в рамках Московской этнолингвистической школы, работы которой опираются на диахронию в синхронии: изучая диалектные слова одного языка в синхронном срезе, мы можем проследить их значения, особенности и специфику в истории языка. Н. И. Толстой писал: «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» [Толстой 1968: 342]. Нами будут рассмотрены не только те значения изучаемого слова, которые регулярно и последовательно функционируют в современных славянских языках, но и те, которые в настоящее время утрачены, сопровождаются в лингвистических словарях пометами «устар.».

«19 век» и т. д. Мы также попытаемся показать распространение прямых и переносных значений одной лексемы и ее дериватов в разных южнославянских языках.

2. Лексема *стожер* в словарях: толкование и этимология

Значения сербского *стожер* в толковом словаре Матицы сербской второй половины XX века [Речник МС 1976: 1031] рассматриваются достаточно подробно¹: «1. Столб посреди гумна, вокруг которого гоняют коней при веянии зерна»; 2а. «железные скобы, на которые насаживают петли двери»; 2б. «ось колеса водяной мельницы»; 2в. «деревянный округлый столб для подпирания чего-либо».

Далее фиксируются переносные значения слова. 3. «То, на что что-либо опирается, из чего исходят, фундамент, основа» — для этого значения приведены характерные примеры из литературы: «Знание и честь — два “стожера” нашего спасения»; «Дом... одновременно и “стожер” нашей семейной жизни». 4. «Крайняя точка земной оси, северный или южный полюс».

А также «фигуративные» значения: 5. «Ось; то, что является основным, главным; центральный персонаж, вокруг которого совершаются и развиваются события» — для этого значения приводится, в частности, следующий пример: «Вокруг <Людевита> Гая [вращался], как вокруг “стожера”, весь остальной югославянский мир»; 6. «неотделяемая часть какого-либо хозяйства, наследство».

В конце словарной статьи представлена военная терминология: 6а. «Орган управления войском, помогающий начальству военных подразделений, и лица, входящие в состав этого органа, штаб» и т. д.²

¹ При каждом значении в словаре даются примеры иллюстраций из источников прошлого и настоящего.

² В «Сербском словаре» Матицы сербской 2011 г. приводятся все те же значения, за исключением лексики военного дела [МС 2011: 1248], что согласуется

Очевидно, что основная семантика всех переносных значений — ‘опора, основа, центр’. Образованное от существительного прилагательное *стожерни* подтверждает это — в словаре Матицы сербской видим два значения: 1. «относящийся к “стожеру”» (с примером *стожерни офицер* «штабной офицер») и 2. (переносное) «самый важный, главный» [МС 1976: 1031]. Теми же основными значениями обладает наречие *стожерно*, причем для передачи значения приводятся синонимы *темелито* «основательно», *чврсто* «твердо», *сигурно* «надежно» [МС 1976: 1031]³.

Перевод слова *стожер* на русский язык в словаре И. И. Толстого хорошо отражает все значения сербского слова: «1) ось; 2) полюс; 3) столб в центре гумна; 4) крюк дверной петли» [Толстой 1976: 570]. Порядок расположения значений в данном случае, думается, связан с частотностью употребления слова в XX веке. Кроме того, ‘ось’ и ‘полюс’ можно отнести к общеупотребительной лексике любого славянского языка, тогда как ‘столб в центре гумна’ — своего рода сербский (и шире — балканославянский) этнографизм, который, впрочем, дал основание для расширения сферы употребления всех других переносных значений⁴, а обозначение крюка дверной

с замечанием П. Скока о том, что военные термины, связанные со *stožer*, представляют собой «неологизмы хорватских защитников отечества» [Skok: 337].

³ Обращение к сербскому корпусу на платформе *clarin.si* показывает значительный перевес в настоящее время переносных значений. Поиск производился по леммам *стожер*, *стожерни*: *стожер* употребляется в значении ‘центр, опора чего-либо и кого-либо’ (в том числе партий, руководителей, направлений и т. п.), *стожерни* — как дериват с теми же значениями (‘основополагающий, центральный’); всего 233 употребления, все — в переносном значении [*clarin.si*] (дата обращения: 05.12.2022).

⁴ Отметим наличие тех же переносных значений, активно функционирующих в болгарском и македонском языках и в настоящее время, например: *стожерно питање* ‘основополагающий вопрос’ — выражение, которое можно слышать на любой из конференций с участием сербских ученых; болг. *Епоха в науката, стожер с огромен принос в хуманитаристиката и школа, която продължава визионерското му дело!* ‘Эпоха в науке, столп с огромным вкладом в гуманитарные науки и школу, которая продолжает его визионерское дело!’ (К. Колева

петли представляет специальную терминологическую строительную лексику.

География распространения у славян на Балканах самого предмета материальной культуры — столба в центре гумна для осуществления молотбы с помощью привязанных к нему коней, топчущих колосья по кругу, — Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, западная Болгария и некоторые области Хорватии, о чем говорится в семантической части соответствующей статьи энциклопедического словаря «Славянские древности» [Плотникова 2012: 164]. Как известно, этнолингвистический словарь «Славянские древности» сосредоточивается на данных, способствующих реконструкции славянской духовной культуры. Отдельными статьями⁵ здесь представлены специфические предметы и реалии материальной культуры, которые как-либо задействованы в ритуально-обрядовой сфере славян. Они могут символизировать основные семантические значения традиционной народной духовной культуры, к каковым относятся ‘здоровье’, ‘урожай’, ‘приплод’, ‘богатство’ и некоторые другие. В семантической части обозначена основная роль предмета в народной духовной культуре — «символ урожайности, плодovitости и фаллический

о Е. Бартминьском в комментариях: <https://www.facebook.com/elena.berezovich>; дата обращения: 07.02.2022); мак. *На трагата на религиозното чувство кроткиот тон во кој веруваме, и потрагата по вистинитоста која ја надраснува и самата стварност, нè внесуваат во еден ексклузивен раскажувачки свет во кој царува онаа старовремската побожност која со векови била стожер на нашето битие* ‘В поисках религиозного чувства кротость, в которую мы верим, и поиск истины, превосходящей саму реальность, нас переносят в тот удивительный мир повествования, где царит древнее благочестие, которое веками было столпом нашего бытия’ ([МДР] — <http://www.makedonski.info>, <http://drmj.eu/search/стожер>; дата обращения: 08.02.2022).

⁵ Из реалий материальной культуры балканских славян, помимо «стожера», в словаре имеются статьи, посвященные треугольному низкому столику («Столик трапезный» [Плотникова, Узенёва 2012]), служащему не только в повседневном быту, но и для жертвенных подношений стихиям, диким животным и сверхъестественным персонажам; очагу открытого типа («Очаг» [Узенёва 2004]) как центру ряда ритуалов в самом доме и некоторым другим.

символ; объект антропоморфизации и почитания, с чем связаны ритуалы “кормления”, “омовения”, украшения стожера» [Плотникова 2012: 164]. На родство с другими славянскими языками указывает отмеченная в статье связь с рус. диал. *стожар(ь)* (шест, втыкаемый в землю для укрепления стога).

Специально следует остановиться на этимологии слова. Как показывает П. Скок, существуют две версии происхождения производящей лексемы *stog*, от которой образованы существительные с суффиксами *-er*, *-ar*, *-or*, *-aj*, известные в разных славянских языках, в том числе — серб.-хорв. *stožer* в значениях: 1) деревянный столб или дерево на гумне для молотьбы; 2) крепко забитый в землю кол, вокруг которого складывают сено в кучу; 3) дверная петля. Западнославянскими аналогами, по Скоку, являются: в.-луж. *śćežor* ‘мачта, опора, балка’ и н.-луж. *ścažor* ‘шест в стогу сена’. Фиксацию хорв. *stožer* в значении ‘дуб’ (на территории от Бьеловара до Голы) можно считать семантической спецификацией, которая также обнаруживается и в румынском славизме *stejar* ‘ствол’, *stejeret* ‘дубок’ и под. [Skok 3: 337]⁶. Любопытно, что одна из имеющихся этимологий самого слова *stog*, по мнению Скока, имеет преимущество перед другими, поскольку основывается на балтийских семантических соответствиях: лит. *stagaras* ‘сухой длинный растительный стебель’ и *stagarys* ‘высохший стебель’, происходящих в свою очередь из и.-е. корня *(s)teg-* ‘шест, кол, палка, жердь, балка’ [Skok: 337]. М. Фасмер приводит и другие славянские аналоги к *стежер* «жердь, втыкаемая в середину стога»: болг. *стѣжер* «столб на гумне, к которому привязывают лошадей, шест в стогу», чеш. *stežeje* «дверная петля, стержень», *stežen*, *stežej* «мачтовое дерево, мачта» [Фасмер: 752]. С той же огласовкой широко распространено рус. *стожар* (*стожарь*), «шест в стогу» и под. [Фасмер: 764]. Обращаясь к болгарскому этимологическому словарю, заметим, что у болгар наиболее частотно значение *стожар*, *стожер* «свая, вбитая на току, вокруг которой

⁶ Своего рода смысловой параллелью этой вариации значения в истории материальной культуры можно считать использование остатка росшего на гумне дерева в качестве стожера для молотьбы с помощью животных.

обходят кони или другие животные во время молотбы»; значительно реже встречается «белый дуб» в сочетании *стожар дъб* (Софийский округ) — версия происхождения та же [БЕР: 470–471]. Как видим, в семантике всех вариаций приведенных славянских лексем сохраняется компонент ‘основа, опора’.

По мнению М. Фасмера, рус. *стожáры* ‘Созвездие Плеяд, Большой Медведицы’ с пометой «южн.» (по В. И. Далю) отождествляется со *стожáр* [Фасмер: 764]. В Софийском крае в Болгарии также фиксируется *Стожари* в значении ‘созвездие Плеяды’ [БЕР: 470]. Здесь уместно привести данные словаря русских астрономов М. Э. Рут: «*Стожáр*. Полярная звезда. Стожар — втыкаемый в землю кол, вокруг которого мечется стог. Название <Полярной звезды> подчеркивает неподвижность объекта. В. И. Даль передает народные представления о том, что *Лось* ‘Большая Медведица’ ходит всю ночь вокруг *Стожара* ‘Полярной звезды’. Ср. *Кол, Прикол, Прикол-звезда* ‘Полярная звезда’» [Рут 2010: 101]. И далее: «*Стожары*. Плеяды. Самое известное название данного созвездия, вошедшее в словари литературного языка. Наверное, если посмотреть с высокого берега на сенокосный луг, когда сено уже полностью вывезено, можно увидеть одни оставшиеся стожары. Сверху они будут казаться скоплением точек. Именно такой взгляд на небесный луг и отражается в этом названии: *Стожары были звёзды в небе, как стожары, хорошо видны (Архангельская область, Ленский район)*» [Рут 2010: 101]. Подобные отождествления известны и другим славянским народам: согласно сербским архаическим представлениям о космологии, *стожер* — вертикальная ось земли⁷, вокруг которой вращаются звезды. По народным поверьям, эта ось может быть железной, стоит на воле (или быке, рыбе, черепaxe), а вол — на рыбе [Ђаповић 1995: 27, 40–42]. В Краине бытовали этиологические легенды о том, что Земля находится на огромном железном стожере, к которому Бог привязал дьявола, стремящегося перегрызть стожер, из-за чего возникают землетрясения, но, когда дьяволу уже почти удастся его перегрызть, ангелы

⁷ Здесь актуальны сопоставления с концептом мирового древа, которое считается мировой осью и символом мироздания в целом, см. [Петрухин 2009: 253].

начинают петь: «Христос воскрес», и стожер становится таким же целым, как и раньше [Беговић 1887: 188].

3. Стожер в народной культуре славян

Неслучайно, что в центральной зоне южнославянского ареала стожер имеет значение культового предмета: по сведениям из Черногории и восточной Герцеговины, сельские сборы проводились на гумне, поскольку при стожере люди не смели лгать; около него молились во время общесельских процессий с крестом при вызывании дождя (Рашка); стожер обливали водой при засухе, потому что он «испытывает жажду» [Кулишић и др. 1998: 422–423]. Чтобы огрaдить посевы от непогоды, на Вознесение (серб. *Спасовдан*) к стожеру привязывали крестик, сделанный из лещины; его нельзя было сжимать, а также менять до тех пор, пока длятся урожайные годы [Кулишић и др. 1998: 423]. Старый стожер не выбрасывали, его предписывалось класть к ульям, чтобы защитить пчел от сглаза и чтобы рой держался вблизи пасеки. Некоторые носили с собой щепочку от стожера в качестве амулета; во многих селах к стожеру на гумне клали хлебную лопату с зажженной на ней свечой во время грома, стараясь избежать последствий [Кулишић и др. 1998: 423].

У сербов, болгар и македонцев основные ритуальные и магические действия со стожером совершались во время жатвы и молотбы с целью получить большой урожай в будущем году. Например, в юго-восточной Сербии в начале жатвы и после молотбы резали жертвенного петуха таким образом, чтобы его кровь стекала на стожер. В восточной Сербии, когда резали петуха, призвав к стожеру, старались, чтобы его кровь попала и на обмолоченное зерно, и на украшение (букетик цветов), привязанное к стожеру, после чего всё измельчали и смешивали с семенами для будущего сева. На Косовом Поле петуха приносили в жертву на стожере, чтобы пшеница была такой же высокой, как стожер, и «красной» (спелой, наливной), как кровь жертвы. Д. Дебелькович пишет и о первом дне пахоты

на поле: «Женщины относят пахарям зарезанного на стожере петуха. Это делают для того, чтобы у них пшеница выросла такой же высокой, как сам стожер на гумне, и чтобы зерно было “красным, как петух”» [Дебелькович 1907: 321].

Во время экспедиции в села области Пчиня поблизости от монастыря Прохор Пчиньски автором настоящей статьи были записаны рассказы о жатве и молотьбе, в которых ритуально-магические действия, связанные со стожером, занимали центральное место. Сам праздник по окончании молотьбы назывался *китѣње стожар* ‘украшение стожера’: столб посреди гумна украшают цветами, букетиками и соломой, а хозяин приглашает всех на праздничный ужин. При этом произносится заклинание, чтобы в следующем году уродилось больше, чем сейчас: *Каже: «Завришија сам тај посо и накутија сам стожар,» китке поставив, жито поставив, све постави и «До године,» каже «да ми се роди више него што је било»* [Говорит: «Закончил я эту работу и украсил стожер». Букетики прикрепил, жито <солому> привязал, всё сделал и: «Чтобы и в следующем году, говорит, у меня уродилось больше, чем было»]. Украшения на стожере остаются до молотьбы в следующем году, символизируя непрерывный хозяйственный цикл и благосостояние семейства (село Ябланица, соб. зап., 1998 г.). В селах соседней Северной Македонии в области Скопска Котлина также принято украшать стожер после завершения молотьбы (причем это делает и православное славянское население, и албанцы): привязывают к столбу ржаную солому, в которую затыкают васильки, гвоздику и другие полевые цветы, привязывают также метлу, которой подметали гумно; при этом стожер оказывается весь обвит соломой, но православные еще добавляют охапку соломы, привязывая ее поперек, чтобы получился крест [Филипович 1939: 494]. Символика природы и урожая, связанная со стожером, реализуется и в таких вторичных магических действиях, как влияние на будущее потомство рода. Например, македонцы обводили три раза вокруг стожера приведенную в дом невесту, у сербов бесплодные женщины тайком срезали стружку со стожера и глотали с водой, стремясь забеременеть [Кулишић и др. 1998: 423].

Аналогией к окончанию жатвы служит ритуал при выдаче замуж (женитьбы) последнего ребенка в семье. В этом случае во время свадьбы родители должны украсить столб посреди гумна (*китив стожер*). На столб кладут какой-нибудь подарок — *бакиши* (подушку, рубашку), который потом уносит с собой молодой. Участники свадьбы танцуют вокруг столба. В последнее время стожер заменяют на срубленное молодое дерево: его устанавливают на гумне или во дворе (*тој се рачуна као стожер* [оно считается стожером]) и вешают ракию, яблоки. После танцев дети спешат сорвать яблоки, взрослые — добраться до ракии, которую снимают и выпивают (село Ябланица, соб. зап., 1998 г.). В этом регионе бытует выражение, которое употребляют, желая подчеркнуть, что в семье больше нет незамужних или неженатых детей: «Китив стожер» (букв. ‘украсил стожер’, т. е. закончил устраивать свадьбы детей в доме). Ср. также макед. *закити стожер* ‘праздновать завершение большого дела’ [МДР]⁸.

Целый ряд семейных и календарных⁹ ритуально-магических действий совершается на стожере или около стожера, который у балканских славян представляет собой сакральный центр дома и хозяйства (черногорские диалектные лексемы *стожер* и *стежер* означают также и «нераздельное недвижимое имущество», т. е. земля вместе с домом, на что указывает и сербский [МС 1976: 1031], значение 6, см. выше).

4. Ареалы значений

Этнолингвистический подход к слову во всей палитре современных и более ранних его значений и анализу места соответствующей реалии в традиционной культуре народа помогает раскрыть

⁸ Македонски дигитален речник: <http://drmj.eu/search/стожер> (дата обращения: 18.02.2022).

⁹ См. о новогоднем обряде имитации молотьбы у сербов, македонцев и в диалектных областях Боснии и Хорватии в: [Плотникова 2013: 17–25].

смысловые и символические аспекты лексемы. Помимо общеславянских значений сербской лексики *стожер*, связанных с ее происхождением от **stagъ* (=стог) в значении опоры для стога сена, у балканских славян появляются новые значения, обусловленные функциями столба или дерева на току в отдельно взятом хозяйстве или в целом селе (в Сербии и Черногории существовали и общие, сельские стожеры, а также стожеры целого рода). Фигуративные значения, связанные с тем же основным значением ‘столп, основа’, известны лишь балканским славянам (сербам, македонцам, болгарам), но не известны за пределами балканославянских территорий.

Западная граница прямых и переносных значений дериватов от *stožer* (типа *стожерни* / *stožerni* ‘основной, основополагающий, главный’) требует более детального рассмотрения. Можно видеть, что семантическое противопоставление в славянских языках на Балканах составляют два типа значений: ‘столб на гумне для обмолота хлеба с помощью привязанных к нему животных’ и ‘деревянный столб, вбитый в землю, для укладки вокруг него сена’. В современном словаре боснийского языка отмечены три значения *stožer*, связанные с тремя смысловыми комплексами. Первое из них — «столб на гумне, вокруг которого при молотьбе хлеба гоняют коней». Затем указано переносное значение — «основа, фундамент, исходная точка, опора, средоточие», что особенно важно в рассматриваемом контексте. Третье дается через синоним *stožina* (то же *stožer*): «деревянный столб, вбитый в землю, вокруг которого складывают сено, солому и под.» [RBJ 2010: 1254]. Любопытно, что дериват *stožerni* с характеризующим его переносным значением не фиксируется (в отличие от сербского узуса). Возможно, это обусловлено восприятием лексики *stožerni* как свойственной хорватскому стандартному языку с присущей слову *stožer* вторичной семантикой: слово употребляется для обозначения военного и какого-либо иного административного органа с высокой степенью иерархии. Например, *stožerni general* — ‘генерал из ставки главнокомандующего’ и т. п.¹⁰

¹⁰ Благодарю коллег-лингвистов из Боснии и Герцеговины, которые в ответ на вопрос о прилагательном, образованном от *stožer*, сразу переключали мое

В Хорватском национальном корпусе фиксируются все переносные значения слова и его деривата, в том числе: *stožer života* «‘фундамент жизни’»; *stožer izmirenja* ‘основа для примирения’; *stožerni motivi te zbirke* ‘главные мотивы этого сборника’; *stožerni lik djela* ‘основной образ произведения’; *stožerni element* ‘основополагающий элемент’, а также и *stožerni general* [Riznica]¹¹ и под. Для западной части Южной Славии, представленной современным словенским языком, уже не отмечается ни значение, связанное с обозначением столба для молотбы на гумне, ни соответствующее абстрактное — ‘основа (произведения и под.)’, а также и производные с переносным значением ‘основной, главный’, как можно судить по заглавным словам «Словенского этимологического словаря» [Snoj 2003]. Тем не менее и в данном случае актуально общее для славян значение ‘опора для стога сена’: *stožer* ‘ядро, центр’, а также уже знакомое нам по приведенным ранее словарям сербскохорватского языка ‘устройство, на котором держится дверь’ (XIX век) [Snoj 2003: 702]; ср. также и вариант *stežaj* ‘часть устройства, закрепляющего что-либо’ (XVIII век) [Snoj 2003: 699], возводимый автором словаря к общему для славян значению ‘опора для стога сена’¹².

внимание на «хорватскую лексическую норму» (проф. Дияна Црняк, Университет в Бания-Луке, Республика Сербская) или же поясняли: «У нас нет того переносного значения слова *stožer*, которое имеется в хорватском языке: орган, управляющий какой-либо деятельностью: *vojni stožer* ‘военный штаб’ и под.» (акад. Сенахид Халилович, Университет в Сараево, Босния и Герцеговина).

¹¹ Поиск в корпусе производился по леммам *stožer*, *stožerni* (последняя дата обращения: 09.12.2022).

¹² Заметим также, что в Национальном корпусе словенского языка [Gigafida] *stožer* чаще фигурирует как строительный термин или в контекстах, связанных с соседями-хорватами, причем чаще в общепринятых для литературного хорватского языка значениях ‘военный штаб’, ‘ставка главнокомандующего’ и под., а также как словенская фамилия, игра слов или слово из кроссворда и в прочих факультативных в целом случаях (поиск в корпусе производился по лемме *stožer* — дата обращения: 21.02.2022).

5. Заключение

Как видим, ареально-этимологический подход уточняет распределение значений слова в синхронии и диахронии, подтверждая вывод о том, что фигуративные значения данного слова (и его производных) развиваются в тех южнославянских языках и диалектах, где известно *стожер* в значении ‘столб на гумне для молотбы конями / другими животными’ (при этом широко распространены и ритуально-магические практики, связанные с соответствующей реальией материальной народной культуры). Рассматриваемый случай еще раз показывает, что по лексическому критерию на южнославянской лингвистической территории граница «балканскости» может быть продвинута далеко на запад от балканского языкового союза, который традиционно определяется западной границей торлакских говоров сербского языка в соответствии с фонетическими и грамматическими признаками.

Литература

- Беговић 1887 — Н. Беговић. Живот и обичаји Срба граничара. Загреб: Тискарски завод «Народних новина», 1887.
- Дебелковић 1907 — Д. Дебелковић. Обичаји српског народа на Косову Пољу // Српски етнографски зборник. 1907. Књ. 7. С. 171–332.
- Ђаповић 1995 — Л. Ђаповић. Земља: веровања и ритуали. Београд: Етнографски институт САНУ, 1995.
- Кулишић и др. 1998 — Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд: Етнографски институт САНУ; Интерпринт, 1998.
- Петрухин 2004 — В. Я. Петрухин. Мировое дерево // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 253–254.
- Плотникова 2012 — А. А. Плотникова. Стожер // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 164–165.

- Плотникова 2013 — А. А. Плотникова. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М.: Институт славяноведения РАН, 2013.
- Плотникова, Узенёва 2012 — А. А. Плотникова, Е. С. Узенёва. Столик трапезный // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 170–171.
- Рут 2010 — М. Э. Рут. Словарь астронимов. Звездное небо по-русски. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010.
- Толстой 1968 — Н. И. Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // В. В. Виноградов, С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой (ред.). Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 339–365.
- Узенёва 2004 — Е. С. Узенёва. Очаг // Н. И. Толстой (ред.). Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 604–605.
- Филиповић 1939 — М. Филиповић. Обичаји и веровања у Скопској Котлини // Српски етнографски зборник. 1939. Књ. 54. С. 277–564.

Источники

- БЕР — Т. А. Тодоров (ред.). Български етимологичен речник. Т. 7. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010.
- МДР — Македонски дигитален речник. URL: <http://www.makedonski.info>; <http://drmj.eu/search> (дата обращения: 21.02.2022).
- МС 1976 — Речник српскохрватскога књижевног језика. Т. 6. Нови Сад; Загреб: Матица српска; Матица хрватска, 1976.
- МС 2011 — Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011.
- Толстой 1976 — И. И. Толстой (ред.). Сербскохрватско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1971.
- Clarin.si — Common Language Resources and Technology Infrastructure, Slovenia. URL: <http://www.clarin.si/info/about/> (дата обращения: 05.12.2022).
- Gigafida — Гигафида. Национальный корпус словенского языка. URL: <http://www.gigafida.net/> (дата обращения: 21.02.2022).
- RBJ — S. Halilović, I. Palić, A. Šehović. Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu, 2010.

- Riznica — Ризница. Национальный корпус хорватского языка. URL: <http://riznica.ihjj.hr/philologic/Cijeli.whizbang.form.hr.html> (дата обращения: 21.02.2022).
- Skok — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.
- Snoj 2003 — M. Snoj. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Modrijan, 2003.

References

- Begović 1887 — N. Begović. *Život i običaji Srba graničara* [Life and customs of Serbs Graničars]. Zagreb: Tiskarski zavod «Narodnih novina», 1887.
- Đapović 1995 — L. Đapović. *Zemlja: verovanja i rituali* [Earth: beliefs and rituals]. Belgrade: Institute of Ethnography of SASA, 1995.
- Debeljković 1907 — D. Debeljković. Običaji srpskog naroda na Kosovu Polju [Customs of the Serbian people in Kosovo-Polje]. *Srpski etnografski zbornik*. 1907. Vol. 7. P. 171–332.
- Filipović 1939 — M. Filipović. Običaji i verovanja u Skopskoj Kotlini [Customs and beliefs in the Skopje Valley]. *Srpski etnografski zbornik*. 1939. Vol. 54. P. 277–564.
- Kulišić et al. 1998 — Š. Kulišić, P. Ž. Petrović, N. Pantelić. *Srpski mitološki rečnik* [Serbian mythological dictionary]. Belgrade: Institute of Ethnography of SASA; Interprint, 1998.
- Petrukhin 2004 — V. Ya. Petrukhin. Mirovoye derevo [World tree]. N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004. P. 253–254.
- Plotnikova 2012 — A. A. Plotnikova. Stozher [Pillar]. N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2012. P. 164–165.
- Plotnikova 2013 — A. A. Plotnikova. *Yuzhnyye slavyane v balkanskom i obshche-slavyanskom kontekste: Etnolingvisticheskiye ocherki* [South Slavs in the Balkan and Common Slavic Context: Ethnolinguistic Essays]. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 2013.
- Plotnikova, Uzenyova 2012 — A. A. Plotnikova, E. S. Uzenyova. Stolik trapeznyy [Refectory table]. N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2012. P. 170–171.
- Rut 2010 — M. E. Rut. *Slovar astronimov. Zvezdnoye nebo po-russki* [Dictionary of astronomers. Starry sky in Russian]. Moscow: AST-Press Kniga, 2010.

- Tolstoy 1968 — N. I. Tolstoy. Nekotoryye problemy sravnitel'noy slavyanskoy semasiologii [Some problems of comparative Slavic semasiology]. V. V. Vinogradov, S. B. Bernstein, N. I. Tolstoy (eds.). *Slavyanskoye yazykoznanie. VI Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968). Doklady soverskoy delegatsii* [Slavic linguistics. VI International congress of Slavists (Prague, August 1968). Reports of the Soviet delegation]. Moscow: Nauka, 1968. P. 339–365.
- Uzenyova 2004 — E. S. Uzenyova. Ochag [Hearth]. N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004. P. 604–605.

Получено / received 05.09.2022

Принято / accepted 23.02.2023

Ареалы лексических различий западных и восточных говоров сербскохорватского диалектного континуума

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); jkatia@yandex.ru; ORCID 0000-0002-052-1338

Аннотация. В работе анализируются ареалы тридцати пяти междиалектных синонимов исконного и заимствованного происхождения, противопоставляющих западную и восточную части центральноюжнославянского ареала. Ареалы распространения данных лексем картографированы и интерпретированы на основании данных диалектной лексикографии и предпринятого автором анкетирования носителей сербских и хорватских говоров (всего в работе содержится семнадцать карт).

Ключевые слова: славянская лексикология, диалектная лексикология, сербский язык, хорватский язык, лингвогеография, лексические изоглоссы.

Areas of lexical differences between Western and Eastern dialects of the Serbo-Croatian dialect continuum

Yekaterina I. Yakushkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); jkatia@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-052-1338

Abstract. The paper proposes an analysis of the incidence areas for 35 interdialect native or borrowed synonyms demonstrating the difference between the western and eastern parts of the Central South Slavic territory: *hitit* — *baciti* ‘to throw’, *puhati* — *duvati* ‘to blow’, *tjedan* — *nedelja* ‘week’, *kruh* — *hleb* ‘bread’, *delati* — *raditi* ‘to do,

work', *obed* — *ručak* 'lunch', *cesta* — *put* 'road', *mučati* — *šutjeti*, *ćutati* 'to be silent', *železo* — *gvožđe* 'iron', *ovas* — *zob* 'oats', *nosnica* — *nozdrva* 'nostril', *prsi* (*prsa*) — *grudi* 'chest', *mati* — *majka* 'mother', *punica* — *tašta* 'mother-in-law', *šogor* — *šurjak* 'brother-in-law', *dvorište*, *dvor* — *avlija* 'yard'. The areas of these lexemes' distribution are mapped and interpreted based on the dialect lexicography data and on my questionnaires filled out by speakers of Serbian and Croatian dialects (seventeen maps in total). My analysis shows that the subsections of the Serbo-Croatian continuum conventionally subdivided into western and eastern regions and into central and peripheral zones often intermingle where western dialects often prove to be peripheral (archaic), while eastern dialects show central (innovative) features, with the exception of Eastern Serbia dialects that can also demonstrate peripheral, archaic characteristics. The localization of differential lexemes presents a variegated picture. Only three of the pairs addressed demonstrate clear boundaries: *tjedan* — *nedelja*, *delati* — *raditi*, *obed* — *ručak*, with only the first two pairs showing a strict West — East opposition (Kajkavian vs. North Chakavian dialects), while *obed* — *ručak* reflect the opposition between the center and the periphery of the Serbo-Croat territory. All other lexeme pairs addressed represent diffuse areas where one lexeme of the pair predominates over the other in, correspondingly, western or eastern regions. As a rule, the concentration of both lexemes is higher in the west of the Serbo-Croatian territory. The eastern border of the 'western' lexemes distribution runs through the territory of Serbia much further to the east of Drina, encompassing Vojvodina, Shumadia and Kosovo.

Keywords: Slavic lexicology, dialect lexicology, Serbian language, Croatian language, geolinguistics, lexical isoglosses.

1. Введение

Очевиден и общеизвестен факт, что между говорами западной и восточной части центральноюжнославянского (сербскохорватского) диалектного континуума существуют лексические различия, которые присутствуют и в словарном составе сербского и хорватского литературных языков, а ранее отражались в западном и восточном вариантах сербскохорватского литературного языка. Павле Ивич в книге «Сербский народ и его язык» в качестве примеров подобных различий приводит, с одной стороны, восточные слова *ћурка* 'индейка',

хлеб ‘хлеб’, *недеља* или *седмица* ‘неделя’, *гвожђе* ‘железо’, *пацов* ‘крыса’, *владика* ‘епископ’, *крст* ‘крест’, с другой — западные: *пура*, *крух*, *тједан*, *жељезо*, *штакор*, *бискуп*, *криж*, а также пары, в которых одно слово является балканизмом, а другое — нет: *друм* / *цеста* ‘дорога’, *зејтин* / *уље* ‘масло’, *сирће* / *оцат* ‘уксус’, *комишија* / *сусјед* ‘сосед’, *џак* / *врећа* ‘мешок’ [Ивич 2017: 206].

Менее очевидны и требуют дополнительного исследования локализация западных и восточных лексем, то есть граница их распространения, а также хронология и источник их возникновения.

Обширный материал по лексическим изоглоссам, проходящим по сербскохорватской территории в направлении север — юг, представлен в монографии А. А. Плотниковой, в которой анализируется география терминов народной культуры. Ср. обозначение последнего дня Масленицы словом *покладе* (к западу от Дрины и в Черногории), корнем *бел-* (в Сербии), корнем *сир-* (в восточной Сербии); обозначение праздника по случаю рождения ребенка *бабине* (к западу от реки Велика Морава) и *кравај* (восточная Сербия); обозначение голошения по покойному корнем *кук-* (центральная Сербия), корнем *лелек-* (Черногория), *јаук-* (Босния, западная Сербия, кайкавская Хорватия), *плак-* (восточная Сербия) и др. [Плотникова 2004: 434, 524, 570].

Настоящее исследование основано на картографировании¹ нескольких лексических пар, относящихся к базовой, ядерной лексике сербскохорватского языка и предположительно противопоставляющих западные и восточные сербскохорватские говоры. Под западными говорами здесь понимаются говоры всех трех наречий (кайкавского, чакавского и штокавского), расположенные не восточнее реки Дрины. Изолексы, выделяющие только кайкавские или кайкавские и северо-чакавские говоры и противопоставляющие их прочим, представляют собой отдельный феномен и в данной статье не рассматриваются.

¹ Мы прибегли к картографированию в целях выявления границ распространения лексем западного и восточного типа, для чего было просмотрено большинство хорватских и все сербские диалектные словари и собраны фиксации интересующих нас лексем. Этот материал был дополнен данными анкетирования носителей народных говоров (см. сноску № 2).

2. Материал исследования

Исследованные лексемы можно разделить на две группы. В первую входят пары *hititi* — *baciti* ‘бросить’, *puhati* — *duvati* ‘дуть’, *tjedan* — *nedelja* ‘неделя’, *kruh* — *hleb* ‘хлеб’, *delati* — *raditi* ‘делать, работать’, *obed* — *ručak* ‘обед’, *cesta* — *put* ‘дорога’, *mučati* — *šutjeti*, *ćutati* ‘молчать’, *železo* (*željezo*) — *gvožđe* ‘железо’, *ovas* — *zob* ‘овес’ (см. карты №№ 1–10). Гипотеза об их дифференцирующем характере основывается преимущественно на общеизвестных в сербохорватистике данных, как в случае с *tjedan* — *nedelja* ‘неделя’, *kruh* — *hleb* ‘хлеб’, *delati* — *raditi* ‘делать, работать’ и т. д., или на сведениях «Общеславянского лингвистического атласа» (*hititi* — *baciti* ‘бросить’). Картографирование этих слов выполнено на основании данных хорватской и сербской диалектной лексикографии и полевых записей (собственных или предоставленных автору сербскими лингвистами)². Лексемы, выражающие значения ‘делать’, ‘овес’, ‘бросить’, были ранее картографированы в «Общеславянском

² С целью выявления особенностей лексики разных типов сербскохорватских говоров нами был предпринят сбор материала по анкете, составленной на основе лексических вопросов «Сербскохорватского диалектного атласа» [Upitnik za SHDA] и «Хорватского диалектного атласа» [Upitnik]. В анкету вошло 370 вопросов. Было проведено три полевых исследования: в селе Кола в окрестностях Баня-Луки, в селах Шеховцы, Подрашница и Барачи в окрестностях Мрконич-Града и в селе Сиче в окрестностях г. Славонски-Брод. Кроме того, в работе используется материал анкет, записанных автором в беседах с образованными носителями диалекта и заполненных по просьбе автора сербскими и хорватскими лингвистами — носителями народного говора, а также результаты полевых исследований сербских и хорватских коллег. Автор сердечно благодарит Дияну Црняк, Мирьяну Петрович-Савич, Драгомира Козомару, Биляну Бабич, Эмину Бербич-Колар, Срето Танасича, Велько Брборича, Таню Милосавлевич, Любисава Чирича, Гордану Драгин, Анджелу Реджич, Мирьяну Менац-Михалич, Слободана Кадича, Сандру Хаджихалилович, Перину Вукшу-Наход, Марию Малнар-Юришич, а также студентов Белградского, Черногорского, Банялукского, Осиекского и Московского университетов, собравших или предоставивших диалектный лексический материал.

лингвистическом атласе» [ОЛА 2009: 2012], однако для уточнения результатов в нашей работе они картографированы повторно.

Вторую группу исследованных лексем составляют различия, выделенные нами при анализе данных, собранных по вопроснику «Сербскохорватского диалектного атласа» (всего проанализировано двадцать две анкеты: восемнадцать штокавских, три кайкавские и одна чакавская). Из ответов на триста семьдесят вопросов вопросника, помимо тех, которые содержатся в первом списке, было выделено всего несколько исконных (незаимствованных) слов, достаточно четко противопоставляющих западные и восточные говоры. Это пары *nosnica* — *nozdrva* ‘ноздря’, *prsi* (*prsa*) — *grudi* ‘грудь’, *mati* — *majka* ‘мать’, *punica* — *tašta* ‘теща’. Также был выделен целый ряд различий, в которых один из членов представлен заимствованием (приведу только отдельные примеры): *šogor* — *šurjak* ‘шурин’, *dvorište*, *dvor* — *avlija* ‘двор’. Картографирование предпринято в связи с отсутствием опубликованных выпусков диалектных атласов сербского и хорватского языков.

Анализируемый лексический материал неоднороден как с хронологической, так и с географической точки зрения. Часть исследуемых лексем образовалась в праславянский период (*baciti* — *hititi* ‘бросить’, *puhati* — *duvati* ‘дуть’, *nedelja* — *tjedan* ‘неделя’, *hleb* — *kruh* ‘хлеб’, *put* — *cesta* ‘дорога’, *prsa* — *grudi* ‘грудь’, *mati* — *majka* ‘мать’), причем в некоторых из пар можно достоверно реконструировать слово более раннего и более позднего происхождения. Например, в парах *hleb* — *kruh* ‘хлеб’, *put* — *cesta* ‘дорога’, *baciti* — *hititi* ‘бросить’, *prsi* (*prsa*) — *grudi* ‘грудь’, *mati* — *majka* ‘мать’, *nedelja* — *tjedan* ‘неделя’, *ovas* — *zob* ‘овес’ слова *hleb*, *put*, *baciti*, *prsi*, *mati*, *ovas* являются более древними³. Есть пары, в которых установить относительную

³ Критериями древности или инновационности являются наличие или отсутствие индоевропейских соответствий, характер ареала (общеславянское слово или слово с ограниченным ареалом), семантическая производность. Глагол **bacati* признается более древним по сравнению с **хytiti* ‘бросать’ на основании последнего критерия (точка зрения Ж. Ж. Варбот, высказанная в устной беседе с автором статьи). О трактовке **kruh* как исконного слова см. в [Трубачев 2004: 474].

хронологию возникновения сложнее, как, например, в паре *puhati* — *duvati* ‘дуть’.

Другая часть анализируемых пар слов, а именно *delati* — *raditi* ‘делать, работать’, *obed* — *ručak* ‘обед’, *mičati* — *ćutati*, *šutjeti* ‘молчать’, *željezo* — *gvožđe* ‘железо’, *tašta* — *punica* ‘теща’, появились в послепраславянский период и образованы, с одной стороны, праславянской лексемой, а с другой — инновационной лексемой, возникшей на почве сербскохорватского языка. Согласно предпринятому нами картографированию, среди изолексов первого и второго типа выделяются те, которые противопоставляют собственно западные и восточные области, и те, которые можно интерпретировать как очерчивающие инновационный центр и архаическую периферию одновременно.

Наиболее трудно датировать и комментировать формирование пар, образованных словами праславянского происхождения. Выскажем некоторые предположения.

3. Арёалы слов праславянского происхождения

Среди лексем, ареал распространения которых тяготеет к западу, во-первых, выделяются праславянские слова, связывающие говоры, расположенные в западной части сербскохорватской территории, с западнославянскими языками (*tjedan* ‘неделя’ (**tъjъdънь*), *cesta* ‘дорога’ (**cěsta*)) или со словенским языком (*kruh* ‘хлеб’ (**kruhъ*) и *hitati* ‘бросать’ (**хytati*)). Волна распространения в прасербскохорватских говорах лексем *tjedan* и *cesta*, очевидно, исходила из западнославянских диалектов. Слово *tjedan* является, вероятно, наиболее древним западным диалектизмом из всех перечисленных [RJAZU 18: 362]. Современная география распространения этого слова представлена на карте № 1. Однако можно предположить, что в других значениях это слово встречалось и в более восточных говорах (ср. современное косовское *tajdan* ‘всегда’ [Букумирић 2012: 594], которое также встречается, согласно словарю Югославянской академии, «без

определенного значения» и в фольклорном тексте из Брочанской жупы в Герцеговине [RJAZU 18: 8]). Ареал *tjedan* ‘неделя’ можно связать с так называемым паннонским типом лексики, для которого характерны общие словенско-хорватско-западнославянские лексические признаки (ср. также *vugorek* ‘огурец’, *jetra* ‘печень’, о паннонской лексике см. [Куркина 1992: 23]).

Слово *cesta* также древнее связующее звено западноюжнославянских говоров с западнославянскими, однако его трудно признать западным диалектизмом не только в настоящее время, но и в прошлом (см. карту № 2), оно распространено в Черногории, на Косове и в Воєводине и, согласно Даничичу, употреблялось в древнесербских текстах [Даничић 3: 456].

Лексемы *kruh* ‘хлеб’ и *hitati* ‘бросать’, по всей видимости, представляют собой семантические инновации более позднего периода, чем *tjedan* и *cesta* (первоначальные значения слова *kruh* — ‘кусок’, а *hitati* — ‘хватать’). Исходное значение *hitati* ‘хватать’ хорошо известно многим хорватским писателям Нового времени [RJAZU 3: 613], а значение ‘кусок’ у слова *kruh* в словаре RJAZU не зафиксировано [RJAZU 5: 663]. Как показывает карта № 3, *kruh* широко используется в Хорватии и западной Боснии, но встречается и восточнее Дрины. Карта глаголов *hitati* и *bacati* (№ 4) показывает, что *hitati* в значении ‘бросать’ наиболее устойчиво проявляется в кайкавских и северночакавских говорах, а на остальной территории употребляется наряду с *bacati*.

Номинация *zob* ‘овес’ (**zobъ*, отглагольное существительное от *zobati*, первоначально означало злаковый корм для скота [Skok 3: 659] и в этом значении представлено во всех южнославянских языках) в кайкавских, центрально- и южночакавских и славонских говорах является основной лексемой для обозначения овса, встречается и в словенском языке [Bezljaj 4: 421]. В центральной части сербско-хорватской территории наблюдается интерференция слова *zob* и общеславянского слов *овас* (**ovъsъ*), а для Истрии и призренско-тимокских говоров характерен только архаизм (**ovъsъ*) (см. карту № 5). Слово *zob* также встречается в грамоте короля Милутина косовскому монастырю Баньска [RJAZU 23: 70].

Предположительно к праславянскому периоду относится и формирование пары *puhati* — *duvati* ‘дуть’ (карта № 6). Глагол *puhati* ‘дуть’ (**rixati*) широко распространен в западных сербскохорватских говорах, и прежде всего как обозначение действия ветра; реже встречается в болгарском языке (*пухам* ‘дуть’ [БЕР 6: 14]), в котором основная лексема в значении ‘дуть’ — *духам*, и в словенском (словен. *puhati* ‘дуть’ (в т. ч. о ветре) [Bezljaj 3: 134]). В западнославянских языках эта лексема представлена в польском (*puchać* ‘глубоко выдыхать’) [SJP], нижнелужицком (*puchaś* ‘blasen, pusten’ (‘дуть, выдыхать’)) [DNW]. На сербскохорватской территории *puhati* доминирует на западе, а по мере продвижения на восток встречается реже и меняет значение (например, *пуа* ‘тяжело дышать’ [Стојановић 2010: 778]). Лексема *duvati* (**duxati*), напротив, распространена на востоке (ср. основное болгарское обозначение *духам*), а на территории Хорватии встречается очень редко.

На центральноюжнославянской территории лексема *nosnica* (**nosъnica*) употребляется на севере Хорватии, в кайкавских говорах (помимо картографированных данных, см. [Lipljin 2002; Šatović, Kalinski 2012: 311]), а также в Славонии [Skok 2: 524]. Согласно SLA, эта лексема употребляется на большей части территории Словении [SLA 2011: 68–69]. В чакавских и штокавских говорах есть лексемы, восходящие к прасл. **nozdrī* [Skok 2: 525; Jurišić 1973: 135; Hraste, Šimunović 1: 674]. См. карту № 7.

Вторичное наименование **grǫdъ* (родственно **grǫda* [ЭССЯ 7: 149], этимологическое значение — ‘возвышение, выступающая часть тела’) как обозначение груди является общеславянским, встречается в том числе в словенском языке, но не во всех сербскохорватских говорах. Слово **grǫdъ* не характерно для кайкавских (хотя представлено в говоре Вараждина [Lipljin 2002]), чакавских и прилегающих к Адриатическому побережью штокавских говоров, а распространено на востоке центральноюжнославянской территории (см. карту № 8).

Лексемы *mati* — *majka* в сербскохорватском ареале обычно существуют в говорах или распределены диффузно. Однако наблюдается географическая закономерность, согласно которой в западных говорах **majъka* употребляется в ином значении, чем ‘мать’ (‘бабушка’, ‘прабабушка’, ‘старая женщина’ [Lipljin 2002; Maresić,

Miholek 2011; Sekulić 2005: 251]), а обозначением матери служит лексема **mati* (см. карту № 9).

4. Ареалы послепраславянских инноваций

Среди междialeктных синонимических пар, возникших вследствие вытеснения на части сербскохорватской территории праславянского слова новообразованием, выделяются два типа. Наиболее распространенный тип сформировался в результате инноваций в говорах, занимающих восточное и центральное положение в центральноюжнославянском континууме (штокавских и чакавских говорах, во всех штокавских или в их части). Это инновации *raditi* ‘делать, работать’, *ručak* ‘обед’, *ćutati*, *šutjeti* ‘молчать’, *gvožđe* ‘железо’. Данные изоглоссы отделяют от основного сербскохорватского диалектного массива говоры северо-запада Хорватии и (реже) говоры южной и восточной периферии: чакавские, зетско-сеницкие и призренско-тимокские.

Второй тип инноваций, по всей видимости, имел своим источником западные сербскохорватские говоры. Это намного более редкий инновационный тип, в нашем материале представленный изоглоссой *punica* — *tašta* (ср. изоглоссу *ovas* — *zob* ‘овес’; в обоих случаях инновационная лексема наиболее частотна в кайкавских и западноштокавских говорах, менее частотна в центральных и отсутствует в говорах восточной Сербии и Истрии).

Изоглосса *delati* — *raditi* ‘делать, работать’ (см. карту № 10) выделяется из всех прочих тем, что демонстрирует наиболее четкую границу между кайкавскими и северночакавскими говорами, с одной стороны, и прочими сербскохорватскими — с другой: на западе центральноюжнославянской территории используется общеславянский глагол, а в восточной ее части сербскохорватское новообразование *raditi* (‘делать’ из ‘заботиться, о том, чтобы сделать хорошо’ (ср. русск. *падеть*) [Skok 3: 96–97]). При этом в центрально- и южночакавских и штокавских говорах глагол *delati* (**dělati*) в значении ‘делать, работать’

вытеснен полностью (в чакавских говорах сохраняется в значении ‘обтесывать дерево’ [Bjažić, Dean 2002: 125; Barbić 2011: 43; Roki-Fortunato 1997: 84], а в штокавском говоре Карашево — в значении ‘обрабатывать (камень)’ [РСГВ 1: 359]). Согласно словарю RJAZU, в значении ‘делать’ *raditi* широко распространяется с XVII в. [RJAZU 12: 889, 894], причем только в штокавских говорах, а в значении ‘работать’ — с XVIII в., также в штокавских говорах [RJAZU 12: 897].

В полном соответствии с теорией новоштокавского инновационного центра [Поповић 2007: 317, 336] находятся ареалы распространения лексем *obed* — *ručak* ‘обед’, *mičati* — *ćutati*, *šutjeti* ‘молчать’, *željezo* — *gvožđe* ‘железо’ (см. карты № 11–13).

Эти инновационные лексемы распространяются в штокавско-чакавском ареале таким образом, что в центральной его части старая лексема выходит из употребления, а на окраине: в центрально- и южно-чакавских, зетско-сеницких и призренско-тимокских говорах — сохраняется наряду с новой. Обычным состоянием для кайкавских и северночакавских говоров является сохранение архаизма. Это показывают как наши данные, так и другие изоглоссы (ср. [Поповић 2007: 293]).

В северночакавских и кайкавских говорах представлена только одна из рассматриваемых инноваций — *ručak* как обозначение приема пищи (от ‘есть рукой’) [Skok 3: 164]. Новая лексема проникла в эти говоры, но не приобрела значения исконной лексемы *obed* (**obědъ*) и не вытеснила ее, а функционирует в этих говорах в ином значении (ср. *ručak* ‘завтрак’, ‘второй завтрак’, ‘ужин’ [Maresić, Milholek 2011: 601; Peruško 2010: 207; Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 209]).

Карта распространения глагола *mičati* (**mylčati*) и глагола *šutjeti* и *ćutjeti* / *ćutati* ‘молчать’ (связаны с чеш. *cítit* ‘чувствовать’, польск. *cucić* ‘приводить в чувство’, русск. *очутиться* и отражают семантический переход ‘чувствовать, терпеть молча’ > ‘молчать’ [Skok 1: 367]) показывает, что инновация вытесняет архаизм на восточной периферии, но не затрагивает вместе с кайкавскими северночакавские говоры, а на прочей чакавской территории, в Боснии и в Черногории не полностью вытесняет архаизм. Данная карта также показывает связь говора Вука Караджича (села Тршич) с говорами Черногории (см. карту № 12). Глагол *ćutjeti* ‘молчать’ распространяется у хорватских и боснийских

штокавских авторов с XVII в., форма *ćutati* встречается только у сербских авторов, начиная с В. Караджича [RJAZU 2: 158, 162].

Карта *železo* (**želězo*) — *gvožđe* ‘железо’ показывает в центре сербскохорватской территории зону интерференции двух лексем. При этом кайкавская и севернокавказская зоны демонстрируют отсутствие инновационной лексики, древняя лексема преобладает и в восточной Сербии. В центрально- и южнокавказских и в зетско-сеницких говорах архаизм вытеснен, но хорошо сохраняется в Воеводине, Боснии и Герцеговине (карта № 13).

Инновация *punica* (карта № 14) является собственно западносербскохорватской, на словенской территории она представлена только в некоторых приграничных говорах [SLA 2011: 282–283].

Наиболее простую группу инноваций, разделивших центрально-южнославянский ареал на западную и восточную области, составляют заимствования. Как показывают наши наблюдения над материалом (ср. [Поповић 2007: 320]), для восточных говоров характерно использование турцизмов, а для западных — сохранение исконной или более древней заимствованной лексики. Границы соответствующих ареалов демонстрирует карта ‘двор’ (№ 15). В западных говорах исконную лексику могут вытеснять германизмы, это явление иллюстрируют обозначения брата жены *šogor* — *šurjak* (карта № 16) и мужа одной из сестер по отношению к мужу второй сестры *šogor* — *pašanas*, *badža* (карта № 17).

5. Выводы

В рассмотренном материале среди лексем, дифференцировавших центральноюжнославянскую территорию, выделяются: 1) западнославянские инновации праславянского периода, распространившиеся на словенскую и сербскохорватскую территорию, 2) словенско-сербскохорватские инновации (праславянского и, возможно, послепраславянского периода), семантические и лексические, 3) центральносербскохорватские лексические инновации, 4) западносербскохорватские

лексические инновации (их меньшинство), 5) заимствования из различных источников.

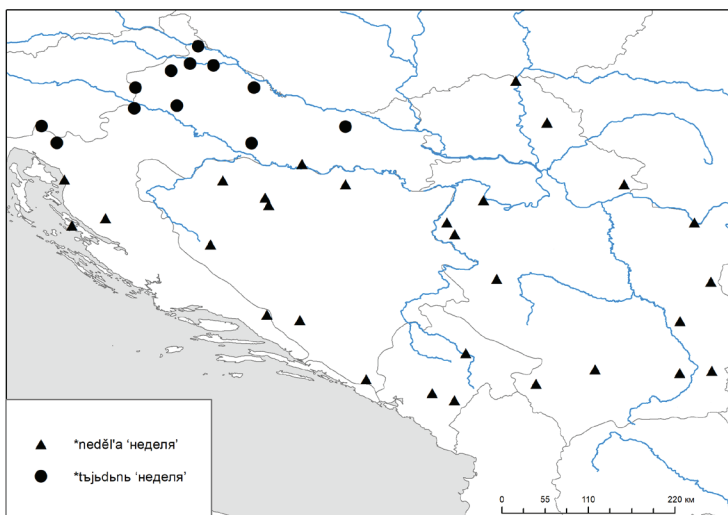
Западная и восточная области сербскохорватского континуума и центральная и периферийная зоны нередко соотносятся между собой, поскольку западные говоры часто выступают в роли периферийных (архаических), а более восточные — в роли центральных (инновационных), за исключением говоров восточной Сербии, которым также могут быть присущи периферийные архаические черты (ср. *ručak* — *obed*, *ćutati* — *mićati*, *gvožđe* — *železo*). В некоторых случаях речь идет не о четком делении на запад — восток, а о преимущественном употреблении лексемы в той или иной области (*puhati* — *duvati*).

Локализация дифференциальных лексем носит различный характер. Только три рассмотренные пары демонстрируют четкие границы: *tjedan* — *nedelja*, *delati* — *raditi*, *obed* — *ručak*. Причем только первые две противопоставляют собственно запад и восток, а именно кайкавские и северночакавские говоры остальным центральноюжнославянским, тогда как пара *obed* — *ručak* противопоставляет центр и периферию сербскохорватской территории. Остальные рассмотренные пары демонстрируют диффузные ареалы с преобладанием той или иной лексемы в западных или восточных областях, при этом, как правило, концентрация обоих наименований больше на западе сербскохорватской территории. В некоторых случаях (*kruh*, *hititi*, *puhati*) диффузности не наблюдается на крайнем западе сербскохорватской территории (прежде всего в кайкавских и северночакавских говорах), где фиксируется только лексема «западного» типа (если принять, что *cesta* и *put* в западных говорах обозначают разные виды дорог, например асфальтированную и грунтовую, то слово *cesta* также относится к этому типу). Восточная граница ареала распространения лексем западного типа проходит по территории Сербии, значительно восточнее Дрины, включая Воеводину, Шумадию и Косово.

Помимо новоштокавских лексических инноваций, предположительно существуют центральные инновации иного типа (ср. названия овса), отмеченные в кайкавских говорах, а в качестве незатронутой инновациями периферии в данном случае выступают северночакавские и восточносербские говоры.

Приложение

Карта № 1. *Tjedan* — *nedelja* ‘неделя’⁴

Map No. 1. *Tjedan* — *nedelja*

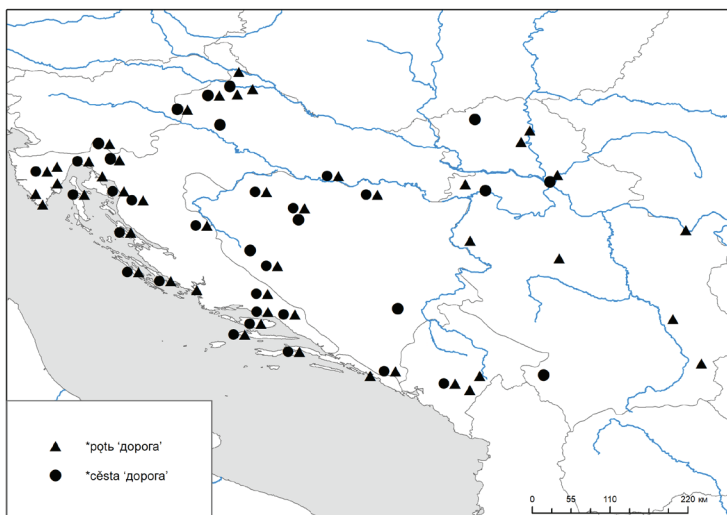
**tʲjɛdɫɐ*

Список пунктов и областей: Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 460], Вараждин [Lipljin 2002], Иванец [Hrg 1996: 113], Свети Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 499], Гола [Večenaj, Lončarić 1997: 400], Самобор [Žegarac Peharnik 2003: 337], Джурджевац [Maresić, Miholek 2011: 725], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 522], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 198], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 136], Чабар [Malnar 2014: 466], Клоковци [A].

⁴ Автор выражает благодарность Т. Милачич и М. Арсентьевой за помощь в сборе словарного материала и составлении карт.

**neděl'a*

Список пунктов и областей: Сень [Moguš 2002: 86], Комполе [Krajičević 2003: 500], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 421], Имотски [Babić 2008: 289], Широки-Бриег [Kraljević 2013: 210], Сиче [А]_{SEP}^[1], Кола [А], Любине [А], Приедор [А], Грдово [А], Подновле [А], Бастаси [А], Дреновац [А], Тршич [Караџић 1969: 462], Бела-Црква [А], Ужице [239], Ясеново, Мартонош_{SEP}^[1] Башайд [РСГВ 3: 61], Прошчене [Вујичић], Кучи [Петровић и др. 2013: 247], Загарач [Ћупић 1997: 265], Свинаца [Томић 1984: 178], Каменица [Јовановић 2004: 30], Црна Трава [Стојановић 2010: 947], Ябланица [Жугић 2005: 356], Црна Река [Марковић 1986: 289], Вучитрн [Елезовић], Метохия [Букумирић 2012: 358].

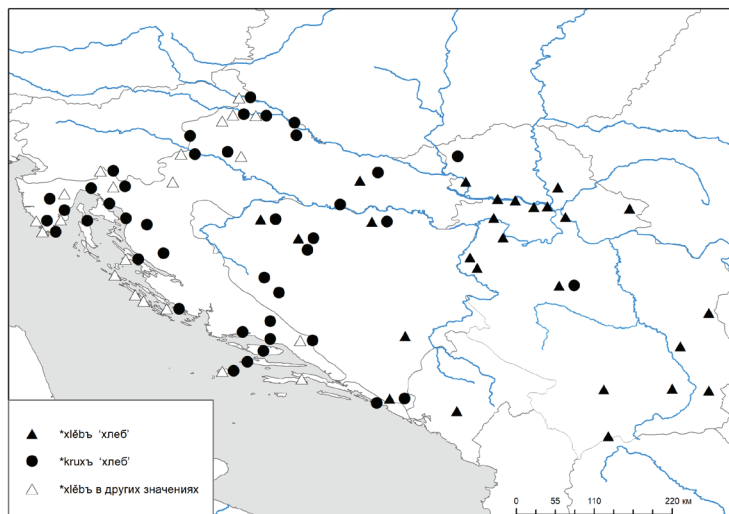
Карта № 2. *Put — cesta* ‘дорога’Map No. 2. *Put — cesta*

**pǫtʲ*

Список пунктов и областей: Вараждин [Lipljin 2002: 1313], Иванец [Hrg 1996: 92], Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 320], Свети Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 348], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 374], Чабар [Malnar 2014: 362], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 320], Медулин [Peruško 2010: 195], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 226], Болюн [Francetić 2015: 221], Цриквеница [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 201], Лабин [Milevoj 2006: 227], Пазин [Gagić 2017: 55], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 197], Црес [Velčić 2003: 59], Комполе [Kranjčević 2003: 64], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 162], Сень [Moguš 2002: 13], Дуги Оток [Uglešić 2017: 29], Шибеник [Menac-Mihalić 2005: 283, 284], Дони-Лапац [Зобеница 2016: 820], Вргада [Jurišić 1973: 33], Брач [Simunović 2006: 91], Хвар [Barbić 2011: 30], Корчула [Panža 2015: 94], Добринче, Числа, Оток [Menac-Mihalić 2005: 142], Дубровник [Бојанић, Тривунац 2018], Сиче [А], ^[1]_{SEP} Гламоч [Бојиновић 2015: 222], Кола [А], Любине [А], Приедор [А], Подновле [А], Загарач [Ћупић 1997: 485, 540], Кучи [Петровић и др. 2013: 345], Васоевичи [Стијовић 2014: 558], Тршич [Караџић 1969: 693], Каменица [Јовановић 2004: 585], Црна Трава [Стојановић 2010: 780], Свиница [Томић 1984: 206], Качер [Петровић, Капустина 2011: 228], Бачинци, Бечей, Фаркаждин, Мол [РСГВ 3: 408].

**cěsta*

Список пунктов и областей: Вараждин [Lipljin 2002: 116], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 94], Иванец [Hrg 1996: 51], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 90], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 53], Чабар [Malnar 2014: 362], Пазин [Gagić 2017: 55], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 197], Црес [Velčić 2003: 59], Комполе [Kranjčević 2003: 64], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 162], Сень [Moguš 2002: 13], Дуги Оток [Uglešić 2017: 29], Дони-Лапац [Зобеница 2016: 820], Вргада [Jurišić 1973: 33], Брач [Šimunović 2006: 91], Хвар [Barbić 2011: 30], Корчула [Panža 2015: 94], Добринче, Числа, Оток [Menac-Mihalić 2005: 142], Сиче [А], Кола [А], Приедор [А], Грдово [А], Подновле [А], Бастаси [А], Мосоровичи [А], Любине [А], ^[1]_{SEP} Гламоч [Бојиновић 2015: 79], Лачарак, Пачир, Чента [РСГВ 4: 364], Загарач [Ћупић 1997: 485, 540], Метохия [Букумирић 2012: 662].

Карта № 3. *Hleb* — *kruh* ‘хлеб’Map No. 3. *Hleb* — *kruh***крухъ*

Список пунктов и областей: Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 185], Вараждин [Lipljin 2002: 604], Свети Дурдж [Belović, Blažeka 2009: 199], Гола [Večenaj, Lončarić 1997: 155], Джурджевац [Maresić, Milholec 2011: 289], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 226], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 120], Самобор [Hanzir i dr. 2015: 220], Чабар [Malnar 2014: 79], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 149], Медулин [Peruško 2010: 109], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 130], Цриквеница [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 128], Лабин [Milevoj 2006: 136], Црес [Velčić 2003: 185], Пазин [Gagić 2017: 128], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 332], Сень [Moguš 2002: 61], Комполе [Kranjčević 2003: 346], Пар [Vranić, Oštarić 2016: 322], Вргада [Jurišić 1973: 99], Вис [Roki-Fortunato 1997: 246], Брач [Šimunović 2006: 252], Хвар [Barbić 2011: 134], Каштела [Baldić-Đugum 2006: 145], Имотски [Šamija, Ujević 2001: 179], Числа, Оток, Шибеник [Menas-Mihalić 2005: 201, 209], Дубровник

[Бојанић, Тривунац 2018], Сомбор [Sekulić 2005: 224], Клокочевци [А], Сиче [А], Гламоч [Бојиновић 2015: 158], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Кола [А], Бастаси [А], Грдово [А], Любине [А], Приедор [А], Подновле [А], Качер [Петровић, Капустина 2011: 142].

**xlěbъ*

Список пунктов и областей: Славония [Jakšić 2015: 340], Кола [А], Любине [А], Приедор [А], Подновле [А], Мосоровичи [А], Дреновац [А], Тршич [Карацић 1969: 276], Бела-Црква [А], Сремска Каменица, Бешка, Стари Сланкамен, Лачарак, Дероне, Бегеч, Вршац, Зренянин, Сефкерин [РСГВ 4: 348], Качер [Петровић, Капустина 2011: 142, 148], Загарач [Ћупић 1997: 207], Тимок [Динић 2008: 377], Вучитрн [Елезовић], Ябланица [Жугић 2005: 178], Црна Трава [Стојановић 2010: 416], Каменица [Јовановић 2004: 456], Црна Река [Марковић 1986: 353], Штрпце [А].

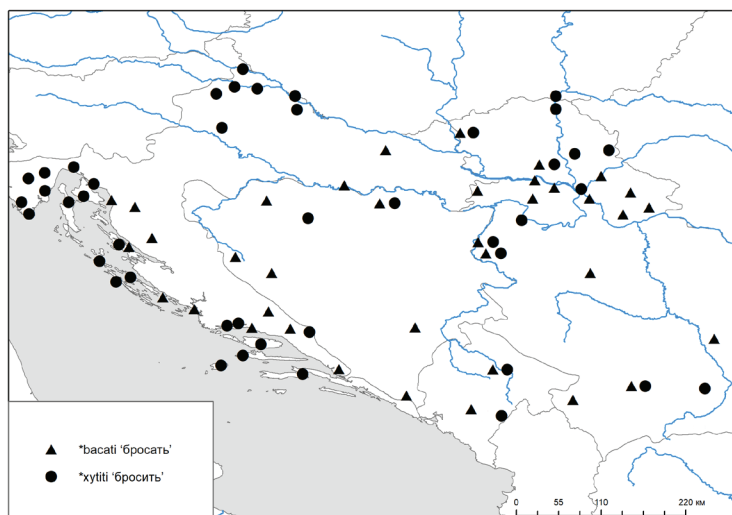
**xlěbъ* в других значениях (обычно как обозначение той или иной разновидности хлеба)

Список пунктов и областей: Вараждин [Lipljin 2002: 430], Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 147], Свети Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 153], Иванец [Hrg 1996: 74], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 238], Самобор [Žegan Pečarnik 2015], Чабар [Malnar 2014: 79], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 117], Дуга Реса [Perušić 1993: 59; 186], Медулин [Peruško 2010: 80], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 92], Бољун [Francetić 2015: 68], Лабин [Milevoj 2006: 102], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 260], Ист [Smoljan: 2013: 116], Дуги Оток [Piasevoli 1993: 106; Uglešić 2017: 85], Рава [Božin 2017: 128], Вргада [Jurišić 1973: 67], Корчула [Kaligjera i dr. 2008: 104], Имотски [Šamija 2004: 182].

Карта № 4. *Hititi* — *bacati* ‘бросить’

**хytiti*

Список пунктов и областей: Вараждин [Lipljin 2002: 428], Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 146], Свети Джурдж [Belović,

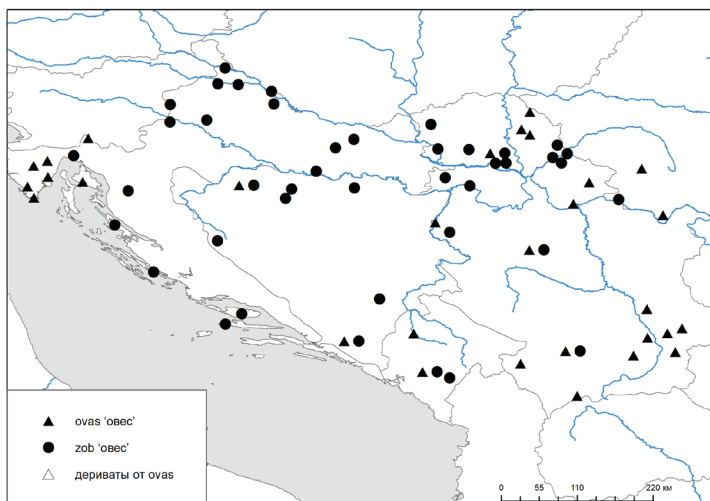

Map No. 4. *Hititi* — *bacati*

Blažeka 2009: 152], Джурджевац [Maresić, Milholek 2011: 218], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 173], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 172], Гола [Večenaj, Lončarić 1997: 104], Медулин [Peruško 2010: 80], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 92], Болюн [Francetić 2015: 67], Пазин [Gagić 2017: 96], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 276], Лабин [Milevoj 2006: 102], Цриквеница [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 105], Црес [Velčić 2003: 131], Крк [Turčić 2002: 165], Пар [Vranić, Oštarić 2016: 258], Ист [Smoljan 2013: 116], Дуги Оток [Piasevoli 1993: 105; Uglešić 2017: 85], Иж [Martinović 2005: 106], Трогир [Gejć, Slade Šilović 1994: 95], Вис [Mohorovićić-Maričin 2001: 90], Брач [Šimunović 2006: 169], Хвар [Barbić 2011: 79], Каштела [Baldić-Đugum 2006: 108], Корчула [Kaligjera i dr. 2008: 104; Baničević 2000: 103], Имотски [Šamića, Ujević 2001: 73], Дубровник [Mladošić, Milošević 2011: 33], Сомбор [Sekulić 2005: 150], Кола [А], Подновле [А], Тршич [Карацић 1969: 270], Бела-Црква [А], Дреновац [А], Прошчене [Вујичић], Кучи [Петровић и др. 2013: 166], Вучитрн [Елезовић], Ябланица [Жугић 2005: 144], Српски Крстур, Нови Кнежевац, Нови Бечей, Српски Итебей, Меленци, Чента [РСГВ 2: 136].

**bacati*

Список пунктов и областей: Сень [Moguš 2002: 3], Комполе [Kranjčević 2003: 12], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 121], Вргада [Jurišić 1973: 20], Шибеник [Jakovljević 2007: 111], Оток, Ловреч, Опузен [Менас-Михалић 2005: 128], Сплит [Petrić 2008: 11], Сиче [А], Клокочевци [А], Сомбор [Sekulić 2005: 37], Гламоч [Бојиновић 2015: 74], Мосоровичи [А], Приедор [А], Подновле [А], Бастаси [А], Любине [А], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Тршич [Карачић 1969: 23], Бела-Црква [А], Дреновац [А], Качер [Петровић, Капустина 2011: 143], Господжинци [А], Бешка, Сремска Каменица, Вашица, Рума, Велики Гай, Томашевац, Сефкерин, Алибунар, Баваниште [РСГВ 1: 99], Прошчене [Вујичић], Загарац [Ћупић 1997: 18], Вучитрн [Елезовић], Каменица [Јовановић 2004: 650], Метохия [Букумирић 2012: 33].

Карта № 5. *Ovas* — *zob* ‘овес’Map No. 5. *Ovas* — *zob*

**zobъ*

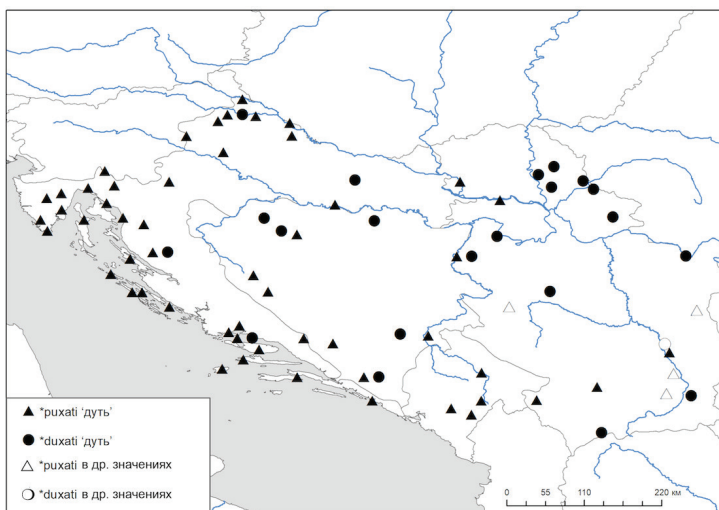
Список пунктов и областей: Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 544], Вараждин [Lipljin 2002: 2314], Гола [Večenaj, Lončarić 1997: 493], Свети Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 580], Джурджевац [Maresić, Miholek 2011: 832], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 596], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 561], Самобор [Žegan Peharnik 2015: 47], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 736], Комполе [Kranjčević 2003: 1167], Пар [Vranić, Oštarić 2016: 802], Вргада [Jurišić 1973: 244], Брач [Šimunović 2006: 653], Хвар [Barbić 2011: 375], Клокочевци [А], Сиче [А], Славония [Znika 2017: 141], Сомбор [Sekulić 2005: 687], Кола [А], Бастаси [А], Мосоровичи [А], Любине [А], Приедор [А], Лакташи [А], Подновле [А], Бела-Црква [А], Господжинци [А], Бачинци, Сремска Митровица, Турия, Равно Село, Шурьян, Яша Томич, Бока, Неузина, Дероне, Жабаль [РСГВ 2: 80], Радимня [Томић 1989: 46], Качер [Петровић, Капустина 2011: 108], Вучитрн [Елезовић], Загарач [Ћупић 1997: 129], Кучи [Петровић и др. 2013: 149].

**ovъsъ*

Список пунктов и областей: Роверия [Kalčić i dr. 2014: 187], Медулин [Peruško 2010: 163], Пазин [Gagić 2017: 186], Лабин [Milevoj 2006: 188], Крк [Turčić 2002: 207], Болюн [Francetić 2015: 169], Чабар [Malnar 2014: 538], Любине [А], Приедор [А], Крашово, Мокрин, Башайд, Избиште, Ново Милошево, Ковин [РСГВ 3:101], Господжинци [А], Загарач [Ћупић 1997: 278], Тршич [Карацић 1969: 484], Качер [Петровић, Капустина 2011: 184], Штрпце [А], Метохия [Букумирић 2012: 374], Дони-Присьян [А], Лесковац [Митровић 1984: 214], Горни-Стрижевац [А], Каменица [Јовановић 2004: 477], Ябланица [Жугић 2005: 238], Црна Трава [Стојановић 2012: 553], Вучитрн [Елезовић], Свиница [Томић 1984: 182].

Карта № 6. *Puhati* — *duvati* ‘дуть’**puhati*

Список пунктов и областей: Вараждин [Lipljin 2002: 1514], Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 358], Иванец [Hrg 1996: 95], Свети

Map No. 6. *Puhati* — *duxati*

Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 390], Гола [Večenaj, Lončarić 1997: 310], Джурджевац [Maresić, Milholek 2011: 571], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 422], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 372], Чабар [Malnar 2014: 360], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 255], Дуга Реса [Perušić 1993: 113], Медулин [Peruško 2010: 193], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 224], Бољун [Francetić 2015: 220], Цриквеница [Ivančić-Dusper 2003: 86], Лабин [Milevoj 2006], Црес [Velčić 2003: 376], Пазин [Gagić 2017: 232], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 550], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 569], Сень [Moguš 2002: 121], Комполе [Kranjčević 2003: 808], Вис [Roki-Fortunato 1997: 444], Брач [Šimunović 2006: 478], Хвар [Barbić 2011: 264], Корчула [Kaligjera i dr. 2008: 280], Каштела [Baldić-Đugum 2006: 302, 303], Трогир [Geić, Slade Šilović 1994: 219], Вргада [Jurišić 1973: 174], Дути Оток [Uglešić 2017: 288], Ист [Smoljan 2013: 266], Рава [Božin 2017: 260], Иж [Martinović 2005: 321], Широки Бриег [Kraljević 2013: 86], Сплит [Petrić 2008: 279], Имотски [Šamića, Ujević 2001: 175], Сиче [А], Дубровник [Бојанић, Тривунац 2018], Бастаси [А], Любине [А], Гламоч [Бојиновић 2015:

194], Поткозарье [Далмација 2004: 250], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Тршич [Карацић 1969: 690], Беочин, Дeroње [РСГВ 3, 401], Загарач [Ћупић 1997: 401], Прoшчене [Вујичић], Васоевичи [Стијовић 214: 557], Кучи [Петровић и др. 2013: 343], Каменица [Јовановић 2004: 778], Вучитрн [Елезовић], Метoхия [Букумирић 2012: 505].

**duxati*

Список пунктов и областей: Вараждин [Lipljin 2002: 260], Сплит [Petrić 2008: 64], Славония [Jakšić 2015: 149], Подновле [А], Мосоровичи [А], Приедор [А], Кола [А], Любине [А], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Тршич [Карацић 1969: 152], Зренянин, Яша Томич, Башайд, Кумане, Шурьян, Избиште [РСГВ 1: 416], Дреновац [А], Качер [Петровић, Капустина 2011: 48], Штрпце [А], Црна Трава [Стојановић 2012: 980], Свиница [Томић 1984: 139].

**rixati* в других значениях

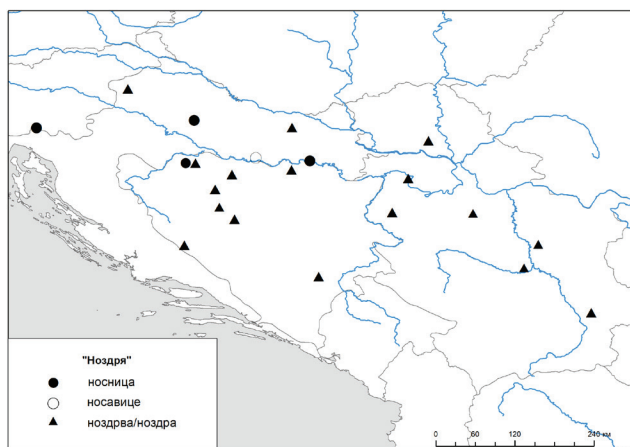
Список пунктов и областей: Ужице [Цвијетић 2014: 326], Ябланица [Жугић 2005: 317], Црна Трава [Стојановић 2012: 583], Тимок [Динић 2008: 683].

**duxati* в других значениях

Список пунктов и областей: Каменица [Јовановић 2004: 389].

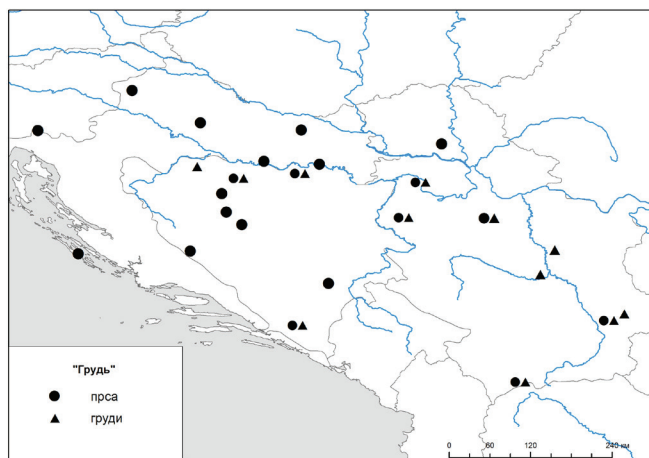
**Карта № 7. *Nosnica* — *nozdrva* ‘ноздря’
(карта составлена на основе анкетных данных)**

Список пунктов: Чабар, Шимляник, Доня-Пачетина, Сали, Сиче, Клокочевци, Нови-Град, Лакташи, Кола, Грдово, Шеховци, Подрашница, Бастаси, Приедор, Подновле, Мосоровичи, Любине, Господжинци, Дреновац, Бела-Црква, Дони-Присьян, Горни-Стрижевац, Штрпце, Големади, Орашац, Падеж, Сене.

Map No. 7. *Nosnica* — *nozdrva*

Карта № 8. *Prsa* — *grudi* ‘грудь’
(карта составлена на основе анкетных данных)

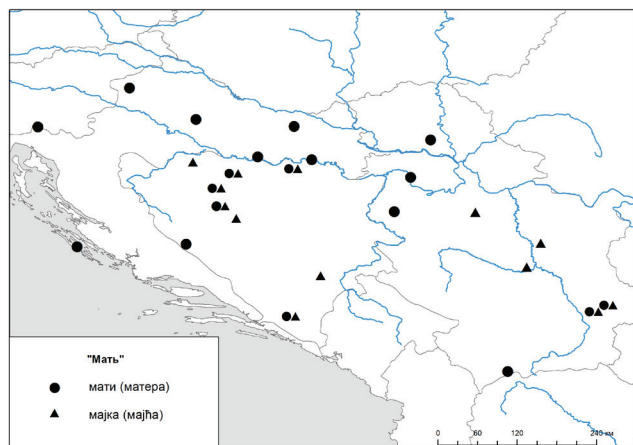

Map No. 8. *Prsa* — *grudi*

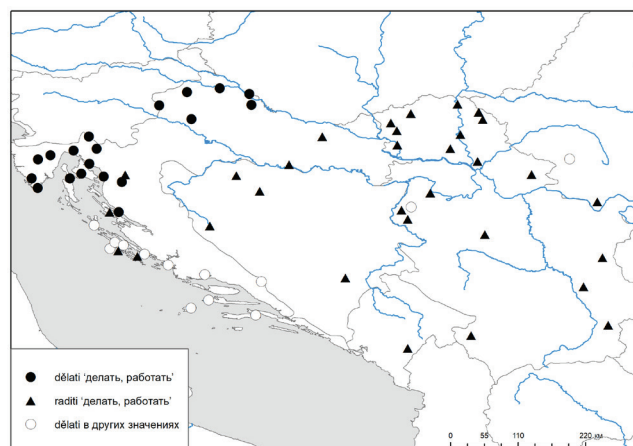
Список пунктов: см. карту № 7.

Карта № 9. *Mati* — *majka* ‘мать’

(карта составлена на основе анкетных данных)

Map No. 9. *Mati* — *majka*

Список пунктов: см. карту № 7.

Карта № 10. *Delati* — *raditi* ‘делать, работать’Map No. 10. *Delati* — *raditi*

**dělati*

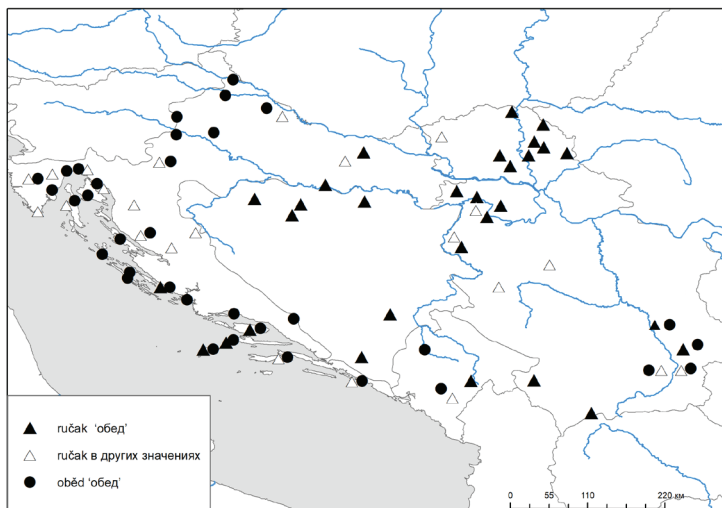
Список пунктов и областей: Джурджевац [Maresić, Miholek 2011: 121], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 116], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 111], Чабар [Malnar 2014: 364], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 71], Иванец [Hrg 1996: 55], Свети Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 98], Гола [Večenaj, Lončarić 1997: 44], Медулин [Peruško 2010: 47], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 60], Бољун [Francetić 2015: 35], Пазин [Gagić 2017: 66, 67], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 220], Цриквеница [Ivančić-Dusser 2003: 27], Крк [Turčić 2002: 151], Црес [Velčić 2003: 78], Сень [Moguš 2002: 20], Комполе [Kranjčević 2003: 104], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 188].

**dělati* в других значениях (обычно ‘обрабатывать дерево’)

Список пунктов и областей: Ист [Smoljan 2013: 67], Дуги Оток [Piasevoli 1993: 64; Uglešić 2017: 46], Рава [Božin 2017: 96], Иж [Martinović 2005: 58], Вргада [Jurišić 1973: 45], Трогир [Geić, Slade Šilović 1994: 54], Зларин [Bjažić, Dean 2002: 125], Каштела [Baldić-Đugum 2006: 54], Хвар [Barbić 2011: 43], Вис [Roki-Fortunato 1997: 84], Корчула [Kalgijera i dr. 2008: 60], Имотски [Šamija 2004: 26], Тршич [Караџић 1969: 159], Крашово [РСГВ 1: 359].

raditi

Список пунктов и областей: Шибеник [Jakovljević 2007: 148], Комполе [Kranjčević 2003: 812], Паг [Vranić, Oštarić 2016: 576], Вргада [Jurišić 1973: 177], Сиче [А], Клокочевци [А], Сомбор [Sekulić 2005: 484], Кола [А], Бастаси, [А] Мосоровичи [А], Приедор [А], Тршич [Караџић 1969: 696], Пачир, Стапар, Дероне, Нови Кнежевац, Кикинда, Мокрин, Башайд, Нови Бечей, Избиште, Борча [РСГВ 3: 422], Господжинци [А], Качер [Петровић, Капустина 2011: 245], Мачва [Лазих 2008: 260], Свиница [Томић 1984: 206], Црна Река [Марковић 1986: 256], Каменица [Јовановић 2004: 586], Црна Трава [Стојановић 2012: 784], Метохия [Букумирић 2012: 511], Кучи [Петровић и др. 2013: 347].

Карта № 11. *Obed* — *ručak* ‘обед’Map No. 11. *Obed* — *ručak***obědъ*

Список пунктов и областей: Мурско Средишче [Maresić, Miholek 2011: 410], Вараждин [Lipljin 2002: 975], Джурджевац [Maresić, Miholek 2011: 410], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 314], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 296], Самобор [Žegan Peharnik 2015: 359], Дуга Реса [Perušić 1993: 79], Рукавац [Mohorovićić-Maričin 2001: 183], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 423], Пазин [Gagić 2017: 178], Лабин [Milevoj 2006: 179], Цриквеница [Ivančić-Dusper 2003: 73], Крк [Turčić 2002: 203], Црес [Velčić 2003: 266; Houtzagers 1985: 309], Пар [Vranić, Oštarić 2016: 436], Ист [Smoljan 2013: 356], Дуги Оток [Uglešić 2017: 199; Piasevoli 1993: 218], Иж [Martinović 2005: 233], Вргада [Jurišić 1973: 136], Зларин [Bjažić, Dean 2002: 163], Сплит [Petrić 2008: 206], Брач [Šimunović 2006: 346], Хвар [Barbić 2011: 191], Вис [Roki-Fortunato 1997: 336], Корчула [Panža 2015: 277], Лика [Čuljat 2004: 170], Имотска Краина [Babić 2008: 299], Дубровник

[Mladošić, Milošević 2011: 53], Безуе [Гаговић 2004: 163], Загарач [Тупић 1997: 274], Каменица [Јовановић 2004: 490], Црна Трава [Стојановић 2012: 544], Јбланица [Жугић 2005: 235], Горни-Стрижевац [А], Лесковац [Митровић 1984: 211].

ručak

Список пунктов и областей: Вргада [Јуришић 1973: 183], Брач [Šimunović 2006: 513], Хвар [Benčić 2013: 407], Вис [Roki-Fortunato 1997: 472], Сиче [А], Клокочевци [А], Любине [А], Мосоровичи [А], Лакташи [А], Приедор [А], Кола [А], Подновле [А], Бачинци, Буджановци, Лачарак, Мартонош, Турия, Мокрин, Башайд, Ново Милошево, Итебей, Кумане [РСГВ 3: 499], Господжинци [А], Дреновац [А], Бела Црква [А], Каменица [Јовановић 2004: 606], Дони-Присьян [А], Метохия [Букумирић 2012: 536], Штрпце [А].

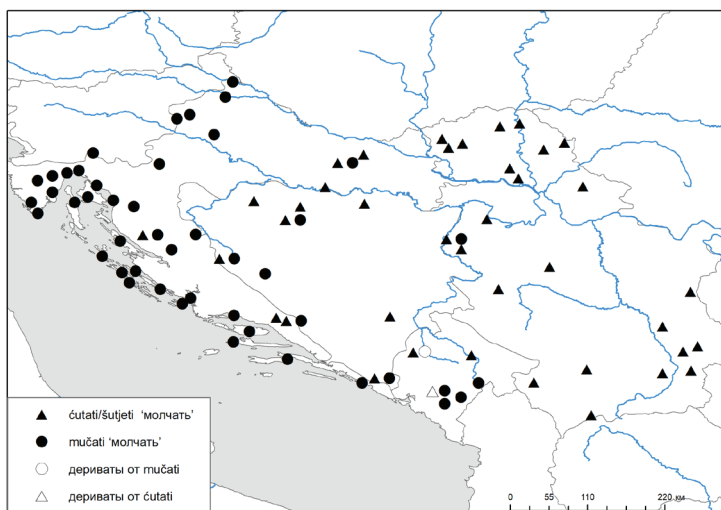
ručak в другом значении (‘прием пищи не в обеденное время’)

Список пунктов и областей: Джурджевац [Maresić, Miholek 2011: 601, 602], Медулин [Peruško 2010: 207], Бољун [Francetić 2015: 237], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 577], Пазин [Gagić 2017: 251], Цриквеница [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 209], Црес [Houtzagers 1985: 344], Дуга Реса [Perušić 1993: 120], Комполе [Kranjčević 2003: 864], Корчула [Panža 2015: 375], Лика [Čuljat 2004: 225], Свети Рок [Јарунић 1998: 144], Славония [Znika 2017: 103], Сомбор [Sekulić 2005: 512], Дубровник [Бојанић, Тривунац], Дони-Лапац [Зобеница 2016: 72], Мачва [Лазич 2008: 272], Ужице [Цвијетић 2014: 341], Тршич [Карачић 1969: 735], Качер [Петровић, Капустина 2011: 256], Црна Трава [Стојановић 2012: 828], Јбланица [Жугић 2005: 345], Кучи [Петровић и др. 2013: 360].

Карта № 12. *Mučati* — *šutjeti*, *ćutati* ‘молчать’

**mьlčati*

Список пунктов и областей: Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 218], Вараждин [Lipljin 2002: 746], Церье [Šatović, Kalinski 2012], Сутла [Hanzir i dr. 2015: 258], Чабар [Malnar 2014: 210],

Map No. 12. *Mučati* — *šutjeti*, *ćutati*

Доня-Пачетина [А], Медулин [Peruško 2010: 134], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 164], Бољун [Francetić 2015: 166], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 397], Лабин [Milevoj 2006: 128], Пазин [Gagić 2017: 157], Цриквеница [Ivančić-Dusper 2003: 65], Крк [Turčić 2002: 193], Рукавац [Mohorovičić-Maričin 2001: 163], Црес [Velčić 2003: 232], Сень [Moguš 2002: 78], Дуга Реса [Perušić 1993: 68], Комполе [Kranjčević 2003: 426], Пар [Vranić, Oštarić 2016: 381], Ист [Smoljan 2013: 203], Дути Оток [Uglešić 2017: 166], Рава [Božin 2017: 192], Иж [Martinović 2005: 203], Врграда [Jurišić 1973: 124], Сплит [Petrić 2008: 187], Зларин [Bjažić, Dean 2002: 57], Брач [Šimunović 2006: 301], Хвар [Benčić 2013: 298], Корчула [Kaligjera i dr. 2008: 202], Шибеник [Jakovljević 2007: 166], Дубровник [Mladošić, Milošević 2011: 132], Лика [Čuljat 2004: 155], Sveti Rok [Japunčić 1998: 87], Имотски [Babić 2008: 458], Славония [Jakšić 2015: 369], Дони-Лапац [Зобеница 2016: 785], Поткозарье [Далмација 2004: 167], Бастаси [А], Любине [А], Гламоч [Бојиновић 2015: 115], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Кучи [Петровић и др. 2013: 229], Загарач [Ћупић 1997: 241], Големади [А], Васоевичи [СТИЈОВИЋ 2014: 338], Тршич [Карадић 1969: 420].

ćutati / šutjeti

Список пунктов и областей: Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Имотски [Babić 2008: 458], Оток, Ловреч [Менас-Mihalčić 2005: 190: 241], Славония [Jakšić 2015: 369], Клокочевци [А], Сиче [А], Сомбор [Sekulić 2005: 83, 583], Мосоровичи [А], Лакташи [А], Приедор [А], Подновле [А], Кола [А], Бастаси [А], Любине [А], Качер [Петровић, Капустина 2011: 298], Прощене [Вујичић], Безуе [Гаговић 2004: 311], Дреновац [А], Господжинци [А], Стапар, Сивац, Шайкаш, Српска-Црња, Санад, Башаид, Иланджа [РСГВ 4: 242], Ужице [Цвијетић 2014: 391], Црна Река [Марковић 1986: 277], Каменица [Јовановић 2004: 474, 652], Црна Трава [Стојановић 2012: 950], Ябланица [Жугић 2005: 463], Вучитрн [Елезовић], Метохия [Букумирић 2012: 628], Штрпце [А], Дони-Присъян [А], Горни-Стрижевац [А].

дериваты *ćutati*

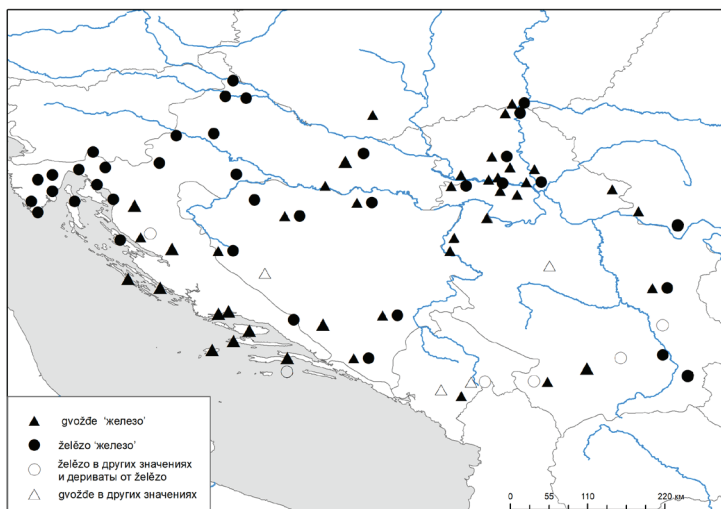
Список пунктов и областей: Загарац [Ћупић 1997: 505].

дериваты **mylčati*

Список пунктов и областей: Безуе [Гаговић 2004: 140].

Карта № 13. *Železo* — *gvožđe* ‘железо’**želězo*

Список пунктов и областей: Мурско Средишче [Blažeka, Rob 2014: 544], Вараждин [Lipljin 2002: 2371], Джурджевац [Maresić, Miholek 2011: 845], Свети Джурдж [Belović, Blažeka 2009: 589], Церье [Šatović, Kalinski 2012: 607], Самобор [Žegan Peharnik 2015: 43], Делнице [Pavešić i dr. 2006: 484], Чабар [Malnar 2014: 697], Роверия [Kalčić i dr. 2014: 340], Медулин [Peruško 2010: 277], Цриквеница [Ivančić-Dusper, Bašić 2013: 273], Болюн [Francetić 2015: 330], Пазин [Gagić 2017: 358], Гробник [Lukežić, Zubčić 2007: 743], Лабин [Milevoj 2006: 269], Дуга Реса [Perušić 1993: 175], Сень [Moguš 2002: 179], Комполе [Kranjčević 2003: 1176], Црес [Velčić 2003: 569], Пар [Vranić, Oštarić 2016], Имотски [Šamija 2004: 440], Кола [А], Приедор [А],

Map No. 13. *Železo* — *gvožđe*

Подновле [А], Бастаси [А], Любине [А], Мосоровичи [А], Буковац, Бала, Сот, Мартонош, Турия, Тител [РСГВ 1: 453], Лесковац [Митровић 1984: 89], Црна Трава [Стојановић 2012: 2016], Црна Река [Марковић 1986: 486], Свиница [Томић 1984: 141].

gvožđe

Список пунктов и областей: Широки-Бриег [Kraljević 2013: 93], Свети Рок [Јаруњић 1998: 51], Корчула [Kaligjera i dr. 2008: 102; Baničević 2000: 102; Panža 2015: 145], Вис [Roki-Fortunato 1997: 139], Хвар [Barbić 2011: 72], Брач [Šimunović 2006: 168], Каштела [Baldić-Đugum 2006: 83], Трогир [Geić, Šilović 1994: 77, 78], Вргада [Јуришић 1973: 62], Дуги Оток [Uglešić 2017: 83], Комполе [Kranjčević 2003: 206], Славония [Јакшић 2015: 206], Сиче [А], Любине [А], Кола [А], Подновле [А], Бастаси [А], Мосоровичи [А], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Ириг, Индџия, Нови Сад, Джала, Вршац, Арадац, Бачка Паланка, Футог, Сот, Мартонош, Турия, Тител [РСГВ 1: 275], Господжинци [А], Дреновац [А], Бела-Црква [А], Тршич [Карацић 1969: 94], Радимња [Томић 1989: 25], Црна

Река [Марковић 1986: 288], Вучитрн [Елезовић], Метохия [Букумирић 2012: 96], Кучи [Петровић и др. 2013: 80].

**želězo* в другом значении и дериваты от **želězo*

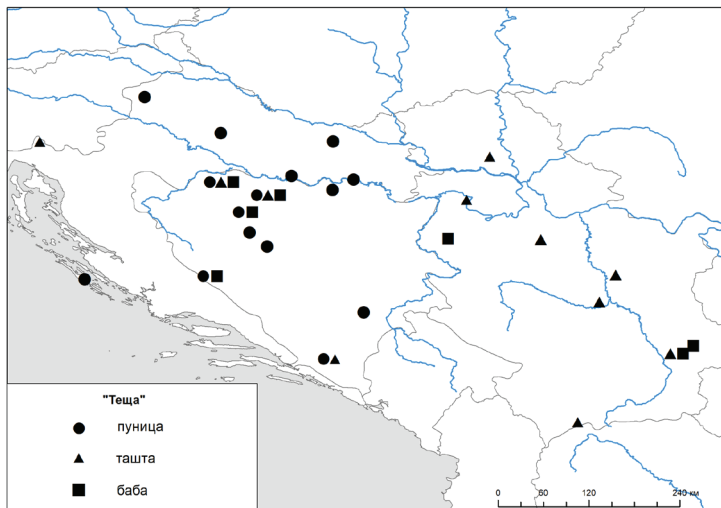
Список пунктов и областей: Корчула [Banićević 2000: 203], Каменица [Јовановић 2004: 396], Метохия [Букумирић 2012: 154], Ябланица [Жугић 2005: 87], Госпич [Стојаковић, Мандарић 2013], Васоевичи [Стијовић 2014: 73].

дериваты от *gvožđe*

Список пунктов и областей: Качер [Петровић, Капустина 2011: 66], Гламоч [Бојиновић 2015: 36], Загарач [Ћупић 1997: 55], Васоевичи [Стијовић 2014: 134].

Карта № 14. *Punica* — *tašta* ‘теща’

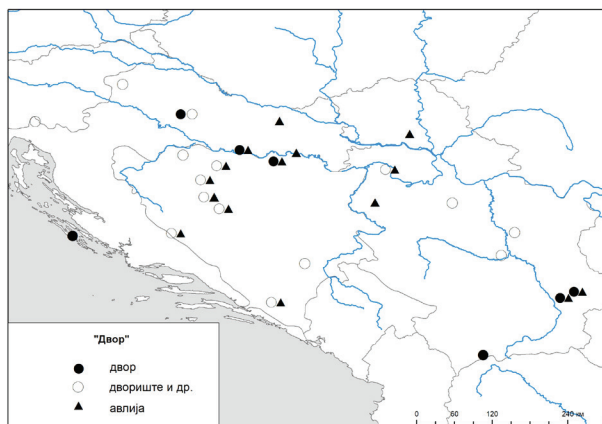
(карта составлена на основе анкетных данных)

Map No. 14. *Punica* — *tašta*

Список пунктов: см. карту № 7.

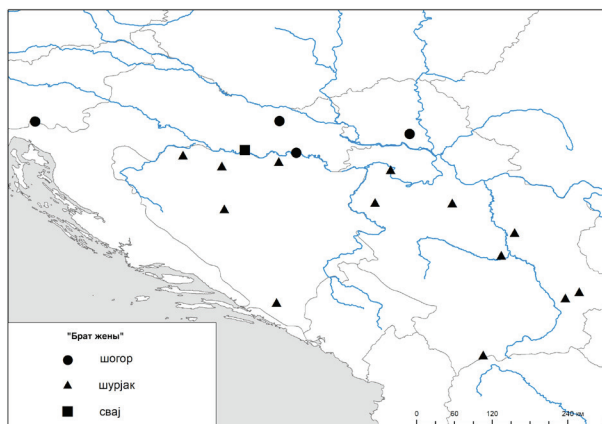
Карта № 15. *Dvor, dvorište* — *avlija* ‘двор’
(карта составлена на основе анкетных данных)

Map No. 15. *Dvor, dvorište* — *avlija*

Список пунктов: см. карту № 7.

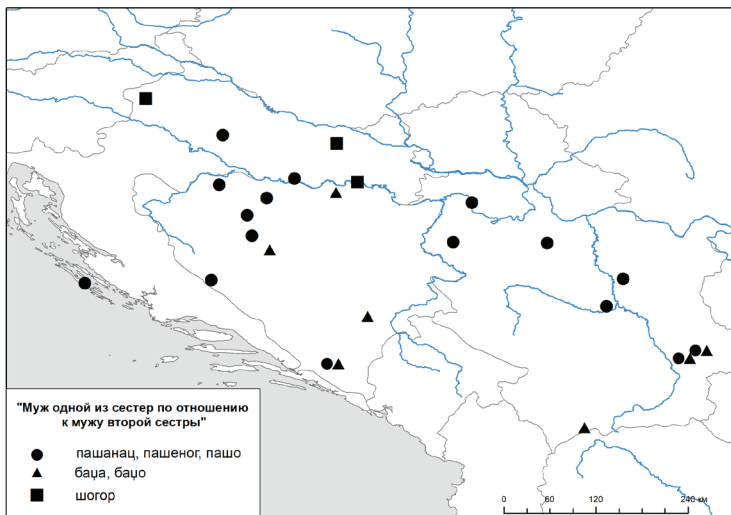
Карта № 16. *Šogor* — *šurjak* ‘брат жены’
(карта составлена на основе анкетных данных)

Map No. 16. *Šogor* — *šurjak*

Список пунктов: см. карту № 7.

Карта № 17. *Šogor* — *pašanac*, *badža* ‘муж одной сестры по отношению к мужу другой сестры’ (карта составлена на основе анкетных данных)

Map No. 17. *Šogor* — *pašanac*, *badža*

Список пунктов: см. карту № 7.

Список условных сокращений

А — материалы анкетирования

СДЗб — Српски дијалектолошки зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1905–, књ. 1 –.

Литература

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–. София: Издателство на БАН; Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–.

- Ивич 2017 — П. Ивич. Сербский народ и его язык. М.: Индрик, 2017.
- Куркина 1992 — Л. В. Куркина. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992.
- ОЛА — Я. Сятковский, Я. Ванякова (ред.). Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9. Человек. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2009.
- Плотникова 2004 — А. А. Плотникова. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Поповић 2007 — И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Београд; Крагујевац; Лазаревац: Лира; Требник; Елводпринт, 2007.
- Трубачев 2004 — О. Н. Трубачев. Труды по этимологии. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- ЭССЯ — О. Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.
- Bezljaj — F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. 1–5. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša; Mladinska knjiga; Založba ZRC, 1976–2007.
- Skok — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb: JAZU, 1971–1974.
- SLA 2011 — J. Škofic (ur.). Slovenski lingvistični atlas 1. Ljubljana: Založba ZRC, 2011.

Источники

- Бојанић, Тривунац 2018 — М. Бојанић, Р. Тривунац. Рјечник дубровачког говора: дигитално издање. А. Тешић, С. Манојловић (ур. дигиталног издања). Београд: Институт за српски језик и Центар за дигиталне хуманистичке науке, 2018. URL: <http://raskovnik.org/> (дата обращения: 20.12.2021).
- Бојиновић 2015 — М. Бојиновић. Речник гламочког говора // Српски дијалектолошки зборник. 2015. Књ. 62. С. 1–246.
- Букумирић 2012 — М. Букумирић. Речник говора северне Метохије. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012.
- Даничић — Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских. Т. 1–3. Београд: Вук Караџић, 1975.
- Динић 2008 — Ј. Динић. Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008.
- Елезовић — Г. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта: дигитално издање // С. Петровић и Т. Тасовац (ур. дигиталног издања). Београд: Институт

- за српски језик; Центар за дигиталне хуманистичке науке, 2017. URL: <http://raskovnik.org/> (дата обраћања: 20.12.2021).
- Жугић 2005 — Р. Жугић. Речник говора јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. 2005. Књ. 52. С. 1–470.
- Зобеница 2016 — С. Зобеница. Из лексике источне Лике (Доњи Лапац и Јошан) // Српски дијалектолошки зборник. 2016. Књ. 63. С. 733–836.
- Јовановић 2004 — В. Јовановић. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. 2004. Књ. 51. С. 1–376.
- Карацић 1969 — В. Карацић. Српски рјечник (1818). Београд: Просвета, 1969.
- Лазих 2008 — А. Лазих. Грађа за речник говора Мачве. Шабац: Културни центар, 2008.
- Марковић 1986 — М. Марковић. Речник народног говора у Црној Реци. Књ. I // Српски дијалектолошки зборник. 1986. Књ. 32. С. 243–500.
- Петровић, Капустина 2011 — Д. Петровић, Ј. Капустина. Из лексике Качера // Српски дијалектолошки зборник. 2011. Књ. 58. С. 1–336.
- Петровић и др. 2013 — Д. Петровић, И. Ћелић, Ј. Капустина. Речник Куча // Српски дијалектолошки зборник. 2013. Књ. 60. С. 1–461.
- РСГВ — С. Вареника, Д. Милорадов, К. Сунајко, И. Ћелић, Д. Петровић. Речник српских говора Војводине. Књ. 1–4. Нови Сад: Матица српска, 2019.
- Стојаковић, Мандарић 2013 — А. Стојаковић, Ј. Мандарић. Рјечник личног говора. Београд: Б.и., 2013.
- Стојановић 2010 — Р. Стојановић. Црнотравски речник // Српски дијалектолошки зборник. 2010. Књ. 57. С. 23–1060.
- СТИЈОВИЋ 2014 — Р. СТИЈОВИЋ. Речник Васојевића. Београд: Чигоја, 2014.
- Томић 1984 — М. Томић. Говор свиничана // Српски дијалектолошки зборник. 1984. Књ. 30. С. 7–265.
- Томић 1989 — М. Томић. Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. 1989. Књ. 35. С. 1–173.
- Цвијетић 2014 — Р. Цвијетић. Речник ужичког говора. Ужице: Службени гласник, Педагошки факултет у Ужицу, Универзитет у Крагујевцу, 2014.
- Babić 2008 — I. Babić. Studenački rječnik. Studenci: Župni ured Studenci, 2008.
- Baldić-Đugum 2006 — R. Baldić-Đugum. Beside kaštelanske. Kaštela: Bijaci; Društvo za očuvanje kulturne baštine Kaštela, 2006.
- Baničević 2000 — B. Baničević. Rječnik starinskih riječi u Smokvici na Korčuli. Žrnovo: Župni ured Žrnovo, 2000.
- Barbić 2011 — A. Barbić. Rječnik Pitava i Zavale. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.
- Belović, Blažeka 2009 — S. Belović, Đ Blažeka. Rječnik govora Svetog Đurđa. Zagreb: Učiteljski fakultet u Zagrebu, 2009.

- Benčić 2013 — R. Benčić. Rječnik govora grada Hvara. Förske ríci i štörnje. Hvar: Muzej hvarske baštine, 2013.
- Bjažić, Dean 2002 — S. Bjažić, A. Dean. Zlarin. Kratka povijest i rječnik. Zagreb: Prometej, 2002.
- Blažeka, Rob 2014 — Đ. Blažeka, G. Rob. Rječnik Murskog središća. Zagreb: Učiteljski fakultet Sveučilišta u Zagrebu; Grad Mursko Središće; Županija Međimurska, 2014.
- Božin 2017 — D. Božin. Rječnik govora starih žitelja otoka Rave. Zadar: Ogranak Matice hrvatske u Zadru, 2017.
- Čuljat 2004 — M. Čuljat. Ričnik ličke ikavice. Gospić: Lika press, 2004.
- DNW — Deutsch-Niedersorbisches Wörterbuch. URL: <https://dolnoserbski.de/dnw/woerterbuch> (data obrascenija: 15.12.2021).
- Francetić 2015 — I. Francetić. Rječnik boljunskih govora. Pula: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, 2015.
- Gagić 2017 — M. Gagić. Rječnik pazinskoga govora. Pazin; Zadar: Katedra Čakavskog sabora za povijest Istre; Matica hrvatska; Ogranak Zadar, 2017.
- Geić 1994 — D. Geić, M. Slade-Šilović. Rječnik trogirskog čakavskog govora. Trogir: Muzej grada Trogira, 1994.
- Hanzir i dr. 2015 — Š. Hanzir, J. Horvat, B. Jakolić, Ž. Jozić, M. Lončarić. Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice. Šenkovec; Zagreb: Udruga Ivana Perkovca; Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2015.
- Houtzagers 1999 — P. Houtzagers. The Kajkavian Dialect of Hidegséga and Fertőhomok. Amsterdam: Editions Rodopi B. V., 1999.
- Hrg 1996 — F. Hrg. Ivanečki govor i rječnik. Ivanec: Narodno sveučilište „Đuro Arnold“, 1996.
- Ivančić-Dusper 2003 — Đ. Ivančić-Dusper. Crikveniški besedar. Rijeka; Crikvenica: Adamić — Ustanova u kulturi “Dr. Ivan Kostrenčić”, 2003.
- Ivančić-Dusper, Bašić 2013 — Đ. Ivančić-Dusper, M. Bašić. Rječnik crikveniškoga govora. Crikvenica: Centar za kulturu „Dr. Ivan Kostrenčić“, 2013.
- Jakovljević 2006 — I. Jakovljević. Velki rječnik šibenskih riči. Šibenik: POP & POP, 2006.
- Jakšić 2015 — M. Jakšić. Rječnik govora slavonskih, bačkih i srijemskih. Zagreb: Naklada Dominović, 2015.
- Japunčić 1998 — M. Japunčić. Taslak. Zagreb: VI. nakl., 1998.
- Jurišić 1973 — B. Jurišić. Rječnik govora otoka Vrgade. 2. dio. Zagreb: JAZU, 1973.
- Kalčić i dr. 2014 — S. Kalčić, G. Filipi, V. Milovan. Rječnik roverskih i okolnih govora. Pazin; Zagreb; Pula: Matica hrvatska Pazin; Naklada Dominović Zagreb; Znanstvena udruga Mediteran, 2014.
- Kalogjera i dr. 2008 — D. Kalogjera, M. Fattorini Svoboda, V. Josipović Smojver. Rječnik govora grada Korčule. Zagreb: Novi liber, 2008.

- Kraljević 2013 — A. Kraljević. Ričnik zapadnohercegovačkoga govora. Široki Brig; Zagreb: DAN; Matica hrvatska; Ogranak, 2013.
- Kranjčević 2004 — M. Kranjčević. Ričnik gacke čakavščine. Otočac: Konpoljski divan, Katedra čakavskog sabora pokrajine Gacke, 2004.
- Kustić 2002 — N. Kustić. Čakavski govor grada Paga s rječnikom. Zagreb: Društvo Pažana i prijatelja grada Paga, 2002.
- Lipljin 2002 — T. Lipljin. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin: Garstin, 2002.
- Lukežić, Zubčić 2007 — I. Lukežić, S. Zubčić. Grobnički govor XX. stoljeća. Rijeka: Katedra Čakavskog sabora Grobnišćine, 2007.
- Magner, Jutronić 2006 — T. Magner, D. Jutronić. Rječnik splitskog govora. Zagreb; Dubrovnik: Durieux; Dubrovnik University Press, 2006.
- Malnar 2014 — S. Malnar. Pamejnek. Čabar; Rijeka: Matica hrvatska, 2014.
- Maresić, Miholek 2011 — J. Maresić, V. Miholek. Opis i rječnik đurđevčkog govora. Đurđevac: Gradska knjižnica, 2011.
- Martinović 2005 — Ž. Martinović. Rječnik iškoga govora. Zadar: Gradska knjižnica, 2005.
- Menac-Mihalić 2005 — M. Menac-Mihalić. Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj (s rječnikom frazema i značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema). Zagreb: Školska knjiga; Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2005.
- Milevoj 2006 — M. Milevoj. Gonan po nase. Rječnik labinske čakavice. Labin: Mathias Flacius, 2006.
- Mladošić, Milošević 2011 — D. Mladošić, M. Milošević. Naški dubrovački rječnik. Dubrovnik: Verbum publicum, 2011.
- Moguš 2002 — M. Moguš. Senjski rječnik. Zagreb; Senj: HAZU, 2002.
- Mohorovičić-Maričin 2001 — F. Mohorovičić-Maričin. Rječnik čakavskog govora Rukavca i bliže okolice. Rijeka; Opatija: Adamić, 2001.
- Panza 2015 — M. Panža. Rječnik govora Blata na Korčuli. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2015.
- Pavešić i dr. 2006 — M. Pavešić, B. Magaš, Ž. Laloš. Rejč do riči — besejdnek dejuonškega devoana / rječnik delničkoga govora. Rijeka: Adamić, 2006.
- Perušić 1993 — M. Perušić. Rječnik čakavsko-kajkavskih govora karlovačko-du goreškog kraja. Karlovac: Tiskara Pečarić-Radočaj, 1993.
- Peruško 2010 — M. Peruško. Rječnik medulinskoga govora. Medulin: Općina Medulin, 2010.
- Petrić 2008 — Ž. Petrić. Splitski rječnik. Split: Bošković, 2008.
- Piasevoli 1993 — A. Piasevoli. Rječnik govora mjesta Sali. Zadar: Ogranak Matice hrvatske Zadar, 1993.

- RJAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. 1–23. Zagreb: JAZU, 1880–1976.
- Roki-Fortunato 1997 — A. Roki-Fortunato. Libar viškiga jazika. Toronto: Libar Publishing, 1997.
- Sekulić 2005 — A. Sekulić. Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2005.
- SJP — Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego. URL: <https://sjp.pwn.pl/doroszewski.html> (дата обращения: 15.12.2021).
- Smoljan 2013 — A. Smoljan. Rječnik govora otoka Ista. Zadar: Matica hrvatska; Ogranak Zadar, 2013.
- Šamija 2004 — I. B. Šamija. Rječnik imotsko-bekijskoga govora. Zagreb: Društvo Lovrečana, 2004.
- Šamija, Ujević 2001 — I. B. Šamija, P. Ujević. Rječnik imotskoga govora. Zagreb: Zavičajni klub Imočana, 2001.
- Šatović, Kalinski 2012 — F. Šatović, I. Kalinski. Rječnik Cerja zagrebečkoga. Zagreb: Pučko otvoreno učilište Sv. Ivan Zelina, 2012.
- Šimunović 2006 — P. Šimunović. Rječnik bračkih čakavskih govora. Supetar: Golden marketing — tehnička knjiga, 2006.
- Turčić 2002 — B. Turčić. Sedmoškojani. Prvi čakavski rječnik. Rijeka: Adamić, 2002.
- Uglešić 2017 — N. Uglešić. Čakavski hrvatski slovník. Veli Rat: Element, 2017.
- Upitnik — Hrvatski jezični atlas. Upitnik. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1997.
- Upitnik za SHDA — Upitnik za srpskohrvatski / hrvatskosrpski dijalektološki atlas. Institut za srpski jezik SANU (рукопись).
- Večenaj, Lončarić 1997 — I. Večenaj, M. Lončarić. Rječnik govora Gole. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1997.
- Velčić 2003 — N. Velčić. Besedar bejske Tramuntane. Rijeka: Adamić, 2003.
- Vranić, Oštarić 2016 — S. Vranić, I. Oštarić. Rječnik govora Novalje na otoku Pagu. Novalja: Grad Novalja; Ogranak Matice hrvatske u Novalji; Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2016.
- Žegarac Peharnik 2003 — M. Žegarac Peharnik. Mali tematski rječnik samoborskoga kajkavskog govora. Samobor: Samoborski glasnik, 2003.
- Znika 2017 — M. Znika. Rječnik podgajackoga govora. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2017.

References

- BER — *Balgarski etimologičen rechnik* [The Bulgarian etymological dictionary]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences; Prof. Marin Drinov Publishing House of BAS, 1971–

- ESSYA — O. N. Trubachev (ed.). *Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 1–. Moscow: Nauka, 1974–.
- Bezljaj — F. Bezljaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian language]. Vol. 1–5. Ljubljana: Slovenian Academy of Sciences and Arts; Institute of the Slovenian Language; Mladinska knjiga, ZRC, 1976–2007.
- Ivić 2017 — P. Ivich. *Serbskiy narod i yego yazyk* [Serbian people and their language]. Moscow: Indrik, 2017.
- Kurkina 1992 — L. V. Kurkina. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhnoslavyanskoy leksiki* [Dialect structure of the Proto-Slavic language based on South Slavic vocabulary]. Ljubljana: Slovenian Academy of Sciences and Arts, 1992.
- OLA — Ya. Syatkovskiy, Ya. Vanyakova (eds.). *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. T. 9. Chelovek* [Slavic linguistic atlas. Phonetic-word-formation issue. Vol. 9. Man]. Kraków: Institute of the Polish Language of the Polish Academy of Sciences, 2009.
- Plotnikova 2004 — A. A. Plotnikova. *Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoy Slavii* [Ethnolinguistic geography of South Slavia]. Moscow: Indrik, 2004.
- Popović 2007 — I. Popović. *Istorija srpskohrvatskog jezika* [History of Serbian-Croatian language]. Belgrade; Kragujevac; Trebnik: Lira; Lazarevac; Elvodprint, 2007.
- Skok — P. Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological dictionary of the Croatian or Serbian language]. Knj. 1–4. Zagreb: Yugoslavian Academy of Sciences and Arts, 1971–1974.
- SLA 2011 — J. Škofic (ed.). *Slovenski lingvistični atlas I* [Slovenian linguistic atlas]. Ljubljana: ZRC, 2011.
- Trubachev 2004 — O. N. Trubachev. *Trudy po etimologii* [Works on etymology]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Рецензия на книгу:

Резултати досадашњих и правци будућих истраживања српских народних говора Косова и Метохије / главни уредник Зоран Кнежевић; уредници Радивоје Младеновић, Предраг Пипер. — Београд : САНУ : Институт за српски језик САНУ ; Косовска Митровица : Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2021 (Београд : Планета принт). — 405 стр. : илустр. ; 24 см. — (Научни скупови / Српска академија наука и уметности ; књ. 199. Председништво ; књ. 17). ISBN 978-86-7025-912-6 (На сербском језику) *.

А. Н. Соболев

Институт лингвистических истраживања РАН (Санкт-Петербург, Россия); andrey.n.sobolev@mail.ru; ORCID 0000-0003-2673-9228

Анотација. Рецензируемо издање посвећено српским говорима Аутономног краја Косово и Метохија Републике Србија (частично признаног државног Републике Косово). У књизи, представљајућој материјале конференције, одржане 15. октобра 2019. године у Београду, дане преглед достигнућа српског језикознања у области изучавања језичке ситуације, у којој налазе српске говори данног краја у току последњих деценија; историје и места ових говора у српском дијалектном континууму; описи појединачних говора и њихових група; дијалектног членења на овој територији; дијалектне лексикографије и лексикологије укључујући ономастику; дискурсивног анализа; традиционалне етнолингвистике; социolingвистике; библиографије. Намењено

* «Резултати завршених и напредних будућих истраживања српских народних говора Косово и Метохије». Гл. ред. З. Кнежевић, ред. Р. Младеновић и П. Пипер. Београд: Српска академија наука и уметности; Институт српског језика Српске академије наука и уметности; Косовска-Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2021 (Београд: Планета принт). — 405 с.: ил.; 24 см. — (Научне конференције / Српска академија наука и уметности; Т. 199. Президијум; Т. 17). Тираж 600 екз.

стратегия и методология предстоящего комплексного исследования этих говоров. Книга особенно полезна специалистам по сербской филологии и диалектологии, но ее аудитория несомненно может и должна быть расширена за счет исследователей в области славянского и балканского языкознания, контактного языкознания и ареальных исследований, славянской и балканской диалектологии и этнолингвистики, вариационной лингвистики, а также общего и теоретического языкознания.

Ключевые слова: Косово и Метохия, сербский язык, диалектология.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00244.

Book review:

Results of current and trends in future research on Serbian vernaculars in Kosovo and Metohija. Ed. in chief Zoran Knežević, eds. Radiroje Mladenović and Predrag Piper. Belgrade — Kosovska Mitrovica, 2021

Andrey N. Sobolev

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); andrey.n.sobolev@mail.ru; ORCID 0000-0003-2673-9228

Abstract. The reviewed publication is dedicated to the Serbian dialects of the Autonomous Province of Kosovo and Metohija within the Republic of Serbia (a partially recognized state as the Republic of Kosovo). The book, comprising conference materials presented on 15th October 2019 in Belgrade, provides an overview of the achievements in Serbian linguistics concerning the study of the language situation of the Serbian dialects in this region over the past decades. It covers topics such as the history and position of these dialects in the Serbian dialect continuum, descriptions of individual dialects and their groups, dialectal classification within this territory, dialectal lexicography and lexicology, including onomastics, discourse analysis, traditional ethnolinguistics, sociolinguistics, and bibliography. The publication outlines the strategy and methodology for the upcoming comprehensive research on these dialects. The book is particularly beneficial for experts in Serbian philology and dialectology, but its audience should undoubtedly be expanded to include researchers in Slavic and Balkan linguistics, contact linguistics, areal studies, Slavic and Balkan dialectology and ethnolinguistics, variation linguistics, as well as general and theoretical linguistics.

Keywords: Kosovo and Metohija, Serbian language, dialectology.

Acknowledgments: The research was conducted with the support of Russian Science Foundation grant No. 19-18-00244.

Специалисты по сербскому языку и в особенности по сербской диалектологии давно ожидали появления сводного обзора результатов интенсивного изучения сербских говоров Автономного края Косово и Метохия Республики Сербия (частично признанного государства Республика Косово), в течение ряда десятилетий по известным причинам переживающих процессы глубокой внешне- и внутрилингвистической трансформации, а с 1999 г. — и ускоренной языковой смерти на фоне исхода сербского народа с этой территории. Состоявшаяся в 2021 г. публикация 14 докладов проведенной 15 октября 2019 г. в Белграде национальной научной конференции сопровождается «Резолюцией», помимо объективной оценки текущего положения дел оптимистически включающей также и разработку *стратегии и методологии предстоящего комплексного исследования этих говоров*, рекомендации для будущих изысканий. Авторами статей сборника являются ведущие сербские диалектологи, историки языка, лексикографы и этнолингвисты. Обойти вниманием появление этого труда российская лингвистическая наука не имеет права.

Предисловие, написанное лучшим современным специалистом по теме сборника, уроженцем метохийского г. Призрен профессором Университета в Крагуеваце Радивое Младеновичем, подробно информирует читателя о конференции и организовавших ее учреждениях, о посвященных изучению сербских говоров Косово и Метохии предыдущих научных мероприятиях начиная с 1985 г., состоявшихся и отмененных по причине войны в крае, преемственности их идей, опубликованных материалах и нереализованности масштабных проектов. Подчеркнуто фундаментальное значение языкового материала, собранного в 2003 г. (т. е. до мартовского погрома 2004 г.) в рамках проекта ЮНЕСКО «Research of Slavic Vernaculars in Kosovo and Metohija», оцифрованного и доступного на сайте белградского Института балканистики и в фонотеке Института сербского языка,

но до сих пор (несмотря на публикации Б. Сикимич, С. Чиркович и Р. Младеновича) не используемого в полной и достаточной мере. Автор предисловия сообщает в нем также о структуре всей рецензируемой здесь книги и о содержании каждой отдельной статьи, высказывая собственные ценные обобщения.

В резолюцию конференции (с. 29–21) включены верные, во многом совершенно очевидные положения, среди которых выделим тезисы о том, что сербские говоры Косово и Метохии суть неотъемлемая часть совокупности сербских диалектов; что помимо определения иерархии важности научных областей для скорейшего описания необходимо нацелиться на исследование ареалов, оставшихся пока неизученными (Подрима, Подгор, бассейн р. Биначка Морава, Северное Косово); что необходимо создать единую электронную базу данных по говорам Косово и Метохии; что наука нуждается в словарях призренско-южноморавских и зетско-сьеницких говоров на территории края; что ономастические исследования особенно актуальны на фоне албанизации местной топонимии; что для достижения цели — комплексного исследования — необходимо решить вопрос нехватки квалифицированных кадров. Решение этих задач осложнено многими тяжелыми обстоятельствами, из которых упомянем одно: точные и надежные сведения об этническом составе всех населенных пунктов края отсутствуют.

Слободан Н. Реметич в статье «Косово и Метохия в рамках сербского диалектного пространства» (с. 23–32) пишет о значительном вкладе двух типично сербских групп экавских говоров (призренско-южноморавской и косовско-ресавской) в формирование диалектного ландшафта иных регионов Сербии в результате массового метанастазиса в Новое время с территории края до села Сталач и до Джердапского ущелья. Диалектология позволяет проникнуть в историю этноса, а примером автору, вслед за П. Ивичем, служит то обстоятельство, что переселенческим говорам, оказавшимся вне Косово и Метохии, не свойственны некоторые фонетические инновации, обретенные нынешними говорами края в контакте с албанским языком, и прежде всего — нейтрализация противопоставления /l/ ~ /ɫ/. Это свидетельствует об отсутствии данного явления

в говорах края до начала миграций. Сербские диалектологи делают и далее идущий небесспорный вывод об отсутствии в этот период в крае и самих албанцев. В статье затем обобщены сведения о турецком и албанском фонетическом влиянии на сербский городской призренский говор (фонемы /y/, /f/, нейтрализации противопоставлений /ʃ/ ~ /tʃ/, /dʒ/ ~ /dʒ/, оглушение финальных звонких и проч.), о македонском влиянии на метохийские говоры призренско-южно-моравского диалекта (ударение на антепенультима, нестабильность интервокального [v]; словоизменительная морфема *-na-*; ряд местоименных форм и проч.), о междиалектном влиянии сербских иекавских говоров зетско-сьеницкого типа. Все эти обстоятельства лишь подчеркивают значение говоров Метохии и в особенности городского призренского говора для формирования общесербского и балканского диалектного ландшафта, что в истории сербской науки парадоксальным образом лишь сейчас выходит на передний исследовательский план.

Александар Б. Лома и Желько Д. Степанович в статье «К истории сербских говоров Косово и Метохии» (с. 33–58) обращаются к «Своду законов о рудниках», составленному по поручению деспота Стефана Лазаревича в XV в. в косовском г. Ново-Брдо двадцатью четырьмя сербскими мастерами горного дела. Подготовленное для нужд проекта «Этимологический словарь сербского языка» электронное издание обоих списков (в кириллической и в латинской графике) в сопоставлении со средневековым турецким переводом памятника позволило осуществить исчерпывающий анализ его словарного состава, а путем последовательного сравнения списков — реконструировать словоформы, восходящие к утраченному протографу, и отделить их от тех, которые возникли при переписывании. В статье анализируются рефлексy ятя и *-l* в конце слога. На фоне важных частных наблюдений (например, о влиянии книжной орфографии в тексте на «народном языке», с. 37), интересных гипотез (например, о составлении списка в латинской графике боснийским францисканцем, носителем иекавского говора, с. 44; о возможных средневековых кальках с немецкого: ‘гвоздь’ ~ ‘железо’, с. 35), особенно важны выводы авторов о близости языка кириллического списка

островному говору карашевцев в румынском Банате, где ять сохраняет статус особой фонемы /ɛ/. Вероятно, идиом города Ново-Брдо в Средние века относился к ареалу говоров с сохраненной фонологической самостоятельностью ятя (см. *osvætiti* ‘осветить’) и лишь позже подвергся полной экавизации. Что касается конечнослогового *l*, то, в частности, фонетика терминов горного дела, заимствованных из средневерхненемецкого языка, демонстрирует сложную картину, ср. */l/* > */a/* в *vaturk* < *waltwoærk* ‘доменщик’, *smiatfar* < *smelzer* ‘плавильщик’ и */l/* > */o/* в *pfiteonati* < *bestellen* [pʃteln] ‘работать’, *hvaotfar* < *val(t)schære* ‘фальшивомонетчик’, ср. нем. *Fälscher*. Возможно, это указывает на происхождение мастеров, созданных для составления свода законов, из различных, в т. ч. более древних центров горного дела в средневековой Сербии и иных западноюжнославянских регионах, о чем свидетельствуют и дошедшие до нас имена собственные составителей свода. Статья ценна как богатым, достоверным, образцово классифицированным материалом (см., например, с. 39–44 о яте), так и примененными методами исследования, среди которых особенно выделяются сравнительно-исторический этимологический и количественный.

Радивое М. Младенович в объемной и ценной статье «Диалектная мозаика косовско-метохийских призренско-южноморавских говоров» (с. 59–106) обращается ко всему комплексу проблем, связанных с изучением крайнего юго-запада сербского диалектного континуума. Это и неожиданная для XXI в. недостаточная описанность и даже полная неизвестность науке говоров достаточно крупных территорий в центральном Косово и в бассейне реки Биначка Морава (в т. наз. Косовском Поморавье), и нетипичная для хорошо развитой сербской диалектологии недостоверность сведений ряда публикаций XX в., и сложности разграничения континуума косовско-ресавских и призренско-южноморавских говоров¹ (видимо, неразрешимые до создания «Сербского диалектологического атласа»),

¹ Последние характеризуются парадигматическим ударением, шестичленной системой гласных фонем включая /ə/, *lu* как рефлексом слогаобразующего *l* в ряде позиций, специфическими рефlekсами финальнослогового *l*, системой

и методологические расхождения между диалектологическими школами XX в. (см. об особом месте «миксоглотического» направления, развивавшегося Миливое Павловичем), и сложности выбора информантов — носителей базовых диалектов, и проблема «надежности первичного материала» (с. 66–68), и проблемы неполноты описания языковых уровней включая лексический и, разумеется, вопросы итоговой классификации говоров, их групп и типов. Полный охват литературы вопроса и личные компетенции автора в изучаемой области побуждают максимально внимательно отнестись к его предложению вычленить в качестве особых территориальных единиц косовско-метохийско-сириничский поддиалект, с одной стороны, и косовско-поморавский (т. е. самые юго-западные моравские говоры), — с другой. Одновременно «особый статус» предложено предоставить говорам области Шар-Планины (включая македонский горанский), изученным самим автором в ряде его фундаментальных монографий. Наконец, возможно, говоры католиков (в Янево и в Летнице) также имеет смысл рассматривать как особую группу (с. 69). На с. 72–94 детально обсуждаются проблемы дальнейшего изучения призренско-южно-моравских говоров Косово и Метохии на уровнях просодии (вариативность ударения между грамматически или семантически мотивированным парадигматическим типом в большинстве говоров, с одной стороны, и «ритмическим акцентом на пенультима» в Сириниче и Подгоре, — с другой, с неравномерным распределением по отдельным категориям), вокализма (наличие шва, противопоставление узких и широких гласных среднего ряда, дифтонгизация, заимствование фонем из албанского и турецкого языков, рефлексy слогообразующих сонантов и проч.), консонантизма (системы аффрикат, нуждающиеся в инструментальном исследовании, с. 78²; рефлексy палатальных сонантов, смягчение шипящих и проч.), морфологии (неравномерность аналитических инноваций в именной группе как

согласных фонем балканского типа, аналитизмом именной системы, перестройкой синтаксических структур балканского типа, инновациями в порядке слов.

² Нейтрализации оппозиции по палатальности способствует слабая функциональная нагрузка аффрикат.

диатопически, так и внутрисистемно; различия в реализации категории рода во мн. ч.; синтетические и аналитические формы компаратива прилагательных; вариативность инвентаря флексий глагола, например *nosu ~ nosiv ~ nosiju* 3PL.PRES ‘носить’; вытеснение флексией аориста 1SG *-smo* старого *-mo*; разнообразие форм имперфекта и проч.) и синтаксиса (функции падежных форм имени, переносные значения временных и модальных форм глагола, синтаксис клитик и проч.). Последнему уровню в будущем будет посвящено больше исследований в рамках балканистической научной парадигмы. Заслуженное внимание в статье уделено вопросам миграции населения и влиянию физико-географических характеристик территории, таких как горные плато, котловины, долины рек, на распространение языковых черт, формирование и взаимодействие говоров и их групп.

София Р. Милорадович в статье «Косовско-ресавские говоры Косово и Метохии в пределах косовско-ресавской диалектной области» (с. 107–125) предлагает вниманию читателя обзор литературы и источников сведений об этой диалектной группе (от диалектных словарей, монографических описаний говоров Северной Метохии и центральной части долины р. Ибар, материалов конференций до коллекций аудиозаписей и лингвистических атласов, всего около 90 публикаций примерно 20 авторов), ее дифференциальных характеристик (от акута в акцентной системе и балканизирующих инноваций в фонологии до местоименных повторов) и дискуссий о ее месте в сербском диалектном континууме с учетом роли языковых контактов в ее формировании и ее отношения к центральному косовско-ресавскому ареалу на территории внекосовской Сербии. Массовые миграции сербского населения в Средние века и Новое время распространили этот первоначально достаточно унифицированный диалектный тип из его исторического центра формирования на Косово и Метохию далеко на северо-восток, причем, оказавшись на периферии, бывшая ядерная зона (преимущественно в городах) пережила интенсивное албанское, османотурецкое и сербское зетско-сьеницкое влияние и обрела ряд контактно-обусловленных инноваций. Важно помнить, что, например, из 30 сербских сел в Северной Метохии после

погромов 2004 г. только в двух — Гораждеваце (р-н Печи) и Бане (р-н Источки Подгор) — еще проживают сербы. В статье составлен список еще не исследованных диалектологами ареалов (р-н Косовской Митровицы; Подуево и т. наз. Малое Косово; т. наз. Северная косовская зона) и говоров, недостаточно изученных языковых явлений и уровней (акут, словообразование и синтаксис), намечена программа дальнейших изысканий, в которой изучение говоров 22 пунктов для «Сербского диалектологического атласа», а также вопросы акута, межъязыковой и междиалектной интерференции, хода анализирующих балканских инноваций в морфосинтаксисе и синтаксисе, лексического заимствования занимают центральное место.

Бояна М. Вельович Попович в статье «Зетско-сьеницкие говоры Косово и Метохии в пределах зетско-сьеницкой диалектной области» (с. 127–141) сопоставляет акцентологические характеристики, системы гласных и согласных фонем в говорах двух ареалов. С одной стороны, это центральная часть долины р. Ибар и район Ибарски Колашин (два микроареала на территории Косово и Метохии), тогда как с другой стороны — это обширный регион Тутин — Нови-Пазар — Сьеница в «Сербии в узком смысле», т. е. без автономных краев. Это зоны метанастанзиса без следов более старого, автохтонного славянского населения. В зетско-сьеницких говорах Косово и Метохии не отмечаются заударные долготы; часто встречаются фонетические дублеты с экавским и иекавским рефлексом ятя (с. 132–133); редки примеры новейших йотаций; утрачена фонологическая самостоятельность рефлекса праславянских редуцированных гласных; сохранена оппозиция по палатальности в системе аффрикат в Ибарском Колашине и утрачена в говоре центральной части долины р. Ибар (преимущественно в речи мусульман, как и у славяноязычных мусульман — потомков албанских мальсоров в районе Пештерского плато) и др. В результате продолжения исследований автор полагает возможным вычленение ибарского ареала в качестве особой таксономической диалектной единицы.

Радое Д. Симич и Елена Р. Йованович Симич в статье «Об изучении народной речи сегодня: О возможностях диалектологического исследования в парадигме лингвистики текста» (с. 143–157) используют

новые подходы для демонстрации на материале сербских говоров Косово и Метохии потенциала перформативной лингвистики, современной лингвистики текста, дискурсивного анализа, функционально-стилистических исследований, а также антропологической лингвистики и культурологии. Помимо прочего в статье анализируются нарративы на горанском говоре с территории Косово и Метохии, а именно рассказы о посещении школы (без эпилога и вывода, с хронологически непоследовательным изложением, но все же достаточно логически когерентные и ясные), о ткачестве, о доении и изготовлении творога и сыра (где предмет изложения представлен говорящим из различных перспектив). Рассмотрены также фольклорные, эталонизированные нарративы, в т. ч. и рифмованные. В ходе анализа авторы уделяют особое внимание функциям видо-временных форм глагола. Интересен основной теоретический тезис статьи, который заключается в том, что диалект следует рассматривать не как особый функциональный стиль языка, а как аналог литературного языка, обладающий параллельным с последним функционально-стилистической структурой.

Митра М. Релич в важной обзорной статье «Сербский язык и его диалекты в Косово и Метохии сегодня» характеризует витальность сербского языка и его говоров в крае в настоящий момент. Делается вывод о том, что демографический потенциал (см. особенно с. 162–163 о возвращении временно перемещенных лиц), миноритарный статус сербского народа и его языка в крае (с. 164–165, см. особенно о «геттоизации» сербских языковых островов в албанском окружении) и отсутствие адекватной институциональной поддержки ставят и народ, и язык под угрозу исчезновения. Искажения сербского языка албанскими властями в публикациях, переводах, на вывесках, дорожных указателях и проч., уничтожение надгробных памятников с сербскими эпитафиями, отказ от использования кириллицы оцениваются в статье как политически мотивированные, преднамеренные и нацеленные на маргинализацию и вытеснение сербского языка. Автор негативно оценивает появившееся в последние годы у части сербского населения края желание знать албанский язык и ввести его в школу в качестве факультативного предмета, поскольку это «ускорило бы маргинализацию» языка сербского (с. 161). Фиксируются процессы

рурализации языковой ситуации в Косовска-Митровице и, напротив, — лингвистической урбанизации в Грачанице, Шилове и других селах, в которые из соображений безопасности устремилось сельское сербское население края, что открывает новые перспективы для работы в области городской диалектологии. Важное внимание уделено «языковой неуверенности», сформировавшейся у значительного числа носителей сербского языка (и прежде всего — призренско-южноморавского диалекта) в крае вследствие долговременной стигматизации и «криптогlossного» языкового поведения в сербском обществе, не в последнюю очередь из-за фонетических особенностей местной косовско-метохийской речи, возникших под албанским влиянием (см. в особенности с. 167 о т. наз. «шиптарском произношении» и с. 169 об «автостигматизации»). Отмечено, с другой стороны, и выраженное позитивное отношение к местному говору в Горе, Ораховаце и Велика-Хоче. Перспективы дальнейших исследований автор видит в продолжении диалектологических описаний (в еще населенных сербами пунктах вроде сел Коретиште и Стража у г. Гниляне), в изучении языковой личности и трансформаций ее языковых установок с возрастом (ориентация на дедовскую и родительскую речь в дошкольном возрасте, возвращение к своему автохтонному говору по достижении 60 лет и проч.), в развитии этнолингвистики, городской диалектологии (см. с. 172 о языковой оппозиции коренных горожан Косовска-Митровицы разных национальностей и сербов — мигрантов новейшего времени) и ономастики, исследований культуры коммуникации и проявлений языковой идентичности через кириллическую письменность (особенно с. 173). Улучшение нынешней ситуации автор связывает с целенаправленной политикой сербского государства, прежде всего — в области школьного образования в крае.

Првослав Т. Радич в не лишенной публицистических черт статье «О сербском диалектном наследии Косова и Метохии и общественно-политическом контексте его исследований. Этюд к анализу» (с. 182–210) после рассмотрения практически всей совокупности сербской двухсотлетней литературы о говорах Косово и Метохии, приходит к выводу о прочной связи диалектологических исследований с общественно-политическими условиями своего времени. Автор

предлагает историко-политическую периодизацию соответствующих публикаций, кратко, но очень информативно и с достаточным количеством примеров резюмирует их содержание, делает важные научно-исторические обобщения. Из множества частных подчеркнем проблему совершенно недостаточной изученности языка и культуры выделяемой в сербской этнографии этнолингвистической группы *ар-науташи* ‘албанизированные сербы’ (с. 192).

Целый ряд статей сборника посвящен хорошо разработанным в сербистике вопросам лексикографического описания и лексикологического исследования народных говоров, в частности, как раз говоров Косово и Метохии. Райна М. Драгичевич в статье «Словари косовско-метохийских говоров» (с. 211–228) обсуждает преимущества и недостатки дифференциальных диалектных словарей, подробно анализирует «Словарь косовско-метохийского диалекта» Г. Элезовича с историческими материалами XVII в. (изд. 1932 и 1935 гг.) и «Словарь говоров Северной Метохии» М. Букумирича с ценнейшей этнографической информацией (изд. 2012 г.), представляет опубликованные разными авторами собрания лексики животноводства, полеводства, ремесел и народной метрологии, народной архитектуры. В работе утверждается, что «лексиколога интересуют именно причины и смысл существования дифференциальной лексики» (с. 212), предлагается составление сводного словаря сербских говоров Косово и Метохии тезаурусного типа и подчеркивается значение исследований отношений между диалектной лексикой и лексикой современного стандартного сербского языка.

Таня З. Милосавлевич в статье «Об изучении лексической системы сербских диалектов Косово и Метохии (на примере сербского призренского говора)» (с. 229–249) основывается в первую очередь на ценнейших уникальных материалах «Собрания слов из Призрена» Д. Чемерикича (1882–1960), которые находятся в открытом доступе в интернете (<http://www.prepis.org>), а общим количеством словарных карточек достигают 16000. В статье, написанной в рамках антропоцентрической научной парадигмы из перспективы когнитивной семантики и лингвистической культурологии, для лексико-семантического изучения ассоциативного поля ‘человек’ (его телесные,

психологические и социальные характеристики) в ныне мертвом сербском призренском говоре³, а также для реконструкции фрагмента неповторимой православной и ориентальной урбанной картины мира призренских сербов конца XIX и начала XX в., применяются хорошо известные в российской науке теории семантического поля и прототипа, а также компонентный и концептуальный анализ. Работа открывает перспективы для сопоставления как с другими сербскими лексическими системами, включая и стандартный язык, так и с другими славянскими и балканскими, включая албанский и турецкий языки и их варианты.

Любинко Р. Раденкович рассматривает «Названия хлебов в сербских говорах Косово и Метохии в этнографическом контексте» (с. 251–265). Темой статьи является почитание хлеба, символика, использование в обрядах (с. 252–253) и наименования (всего около 50!) в зависимости от видов муки и ее смесей (просяная, кукурузная, ячменная, овсяная, пшеничная; даже из вики (*Vicia ervilia*), но при почти полном отсутствии ржаной. — А. С.), заквашивания и функций. Не обойдены вниманием и виды и названия (преимущественно турецкие заимствования вроде *somun*, *topana*, *simit*) хлеба и булок, продававшихся в булочных. Реконструируются оппозиции пшеничный vs кукурузный и квасной vs пресный хлеб с разной функциональной нагрузкой в ритуалах; проведена параллель с установленным Н. Н. Казанским противопоставлением ячменного хлеба для ежедневного употребления и пшеничного квасного хлеба у древних греков гомеровского периода (с. 257).

Голуб М. Яшович в статье «Изучение диалектной лексики и терминологии на территории Косово и Метохии на Философском факультете Приштинского университета» (с. 267–289) обращает внимание на неопределенность понятия «диалектная лексема» и невозможность разграничить применяемые в сербской лексикографии пометы «диалектный», «областной», «местный» и «народный» (с. 268). Несмотря на теоретические затруднения, современная сербская диалектная лексикография может по праву гордиться обилием профессионально

³ Сербского населения в г. Призрен в результате этнических чисток более нет.

написанных диалектных словарей и тематических монографий, перечисленных в статье, а вклад сербистов Косово и Метохии в этой области (например работы Г. Яшовича — о терминологии пастушества и переработки молока в районе Подгора у Печи, М. Букумирича — о терминологии пастушества с. Гораждевац, М. и Э. Реджич — о лексике говора Сиринича, и др.) невозможно переоценить. Свою роль играют и издания фольклорных и авторских литературных произведений из Косово и Метохии, регулярно сопровождаемые списками неизвестных читателю слов и выражений.

Рада Р. Стийович и Миряна С. Гочанин в статье «Современные исследования ономастики Косово и Метохии» (с. 267–289) публикуют ценный критический библиографический обзор существующей литературы. От публикации классика сербской литературы Б. Нушича «Косово. Описание области и народа» 1902 и 1903 гг., монографий по отдельным антропогеографическим единицам-краинам таких авторов, как М. Лутовац «Гора и Ополе» (1955 г.), А. Урошевич «Косово» (1965 г.) и «Топонимы Косово» (1975 г.), М. Барьяктарович «Ругова» (1960 г.), собраний антропонимов вроде С. Ристич (1864 г.), травелогов, донесений консулов и проч. вплоть до начатых в 1974 г. по инициативе Сербской академии наук и искусств системных и исчерпывающих полевых исследований косовско-метохийской топонмастики и антропономастики. Ныне «Комитет по вопросам ономастики» располагает 255 000 единиц записей в 1273 заполненных вопросниках (с. 294–295), а ономастические материалы регулярно публикуются в белградском журнале «Ономатолошки прилози». Особое место в истории науки занимают труды таких авторов, как С. Пуляха, например «Перепись населения Скадарского санджака 1485 г.» (1974 г.); М. Пешикан, например «Зетско-хумско-рашские имена собственные в начале Османской эпохи» (1982–1984 гг.); М. Гркович, например «Имена собственные в Дечанских хрисовулах» (1983 г.), и А. Лома, например «Топонимия хрисовула монастыря Баньска» (2013 г.). Материалы документируют этнические и лингвистические сдвиги в Косово и Метохии и в соседних областях современной Албании на протяжении столетий (с. 296). Надежду внушают проект создания «Атласа Косово и Метохии» с включением в него

топономастических карт и предложение составить ономастические словари края.

Биляна Л. Сикимич в статье «Этнолингвистическое исследование сербских наречий Косово и Метохии» критически пересматривает методологию полевых этнолингвистических исследований сербских говоров в крае на предмет ее адекватности материалу и современным требованиям. Основное внимание уделяется полемому материалу, собранному научными группами Института балканистики и Института сербского языка Сербской академии наук и искусств начиная с 2001 года по настоящее время и хранящемуся в цифровом архиве. Обследованы *in situ* почти все сербские анклавы (в частности, районы и населенные пункты Сиринич, Прилужье, Ново-Брдо, Косовское Поморавье, Косовска-Митровица, Ибарский Колашин, Баньска, Суво-Грло, Бане и Црколез), записан обширный материал от перемещенных лиц из Косово и Метохии в центрах для беженцев и частных жилых домах почти на всей территории Сербии. В статье предлагается объединить существующие оцифрованные аудио- и видеоматериалы на языках народов Косово и Метохии в единый электронный архив.

Оценивая сборник в целом, необходимо сказать, что он имеет ясную и практически исчерпывающую предмет структуру, тогда как в статьях приводится достаточный, иногда богатый фактический материал. Из диалектологических новшеств отметим намечающееся выделение говоров района Шар-Планины в особый ареал (с. 20) с пока еще не до конца проясненным отношением к остальному призренско-южноморавскому диалекту. Статьи за исключением предисловия, резолюции и библиографии (содержащей 627 единиц описания), снабжены библиографией, аннотацией на сербском и резюме на английском и русском языках. Последние могли быть лучше отредактированы. Библиография открывается введением и списком принятых сокращений. В книге имеется тематический и именной словоуказатель, 8 карт. Книга издана тиражом в 600 экз. на высоком полиграфическом уровне и может служить образцом подобных публикаций, хотя имеются опечатки вроде *најосмишљени* *вм. најосмишљенији, са вм. за, посебо вм. посебно* (с. 10) и др. В научном

тексте наряду с нейтральными *Албанац*, *албански језик* встречаются также пейоративные этноним и лингвоним *Шиптар* ‘албанец’, *шиптарски* ‘албанский’; неславянские лингвонимы и этнонимы в словоуказатель не включены.

Наука о сербских говорах Косово и Метохии подготовила все основания для создания синтетических работ о крае — обобщающих монографий, сводных фонетических и грамматических описаний, диалектных и ономастических словарей, атласов, изданий текстов и цифровых архивов. Рецензируемый сборник, вне сомнения, делает шаг в направлении большого синтеза и будет особенно полезен специалистам по сербской и славянской филологии и диалектологии, но его аудитория может и должна быть еще более расширена за счет международного круга исследователей в области балканского языкознания, албанистики и тюркологии, контактного языкознания и ареальных исследований, славянской и балканской этнолингвистики, городской диалектологии и социолингвистики, вариационной лингвистики, а также общего и теоретического языкознания. Достижению этой цели и служит настоящая рецензия.

Желательно в дальнейшем принять во внимание, что изучение сербских говоров Косово и Метохии, не выходя за пределы языкознания, потребует обращения к широкому наднациональному, современному и историческому сербскому, южнославянскому и балканскому лингвистическому контексту, тогда как *методология предстоящего комплексного исследования этих говоров* должна быть дополнена применением инструментальных (например, фонетических, психолингвистических), ареальных и лингвогеографических (составление «Сербского диалектологического атласа»), компьютерных (корпусных, особенно в применении к данным проекта ЮНЕСКО 2003 г.) и количественных (статистических, социолингвистических, лингвопрагматических) подходов. Совершенно неотложной задачей является составление достоверной карты расселения сербов на территории края до 1991, 1999 и 2004 гг., а также в настоящее время, что вполне по силам белградской Канцелярии по Косово и Метохии, Косовско-Метохийскому комитету Матицы сербской и не в последнюю очередь Комитету по изучению Косово и Метохии Сербской

академии наук и искусств. Последний орган в настоящее время стал ведущим центром по изучению сербских говоров края, соорганизатором конференции 2019 г. и местом реализации стратегически важного рамочного проекта «История и культурное наследие сербского народа в Косово и Метохии», в рамках которого под руководством проф. Р. Младеновича начаты работы над трехлетним проектом «Сербские народные говоры Косово и Метохии». В частности, готовятся описания говоров Подримы, Подгора, Косовского Поморавья; составляется словарь говора области Сиринич и призренского городского говора; неустанно собирается этнолингвистический материал. Есть надежда на появление монографий о говорах центрального и северного Косово и на сбор лексического материала в Ораховаце и Велика-Хоче в Метохии.

В будущем хотелось бы видеть не только героический труд малого числа высокопрофессиональных энтузиастов своего дела, но и кадровое пополнение и системную поддержку этой нелегкой деятельности со стороны сербского государства и общественности, заинтересованных зарубежных, в т. ч. российских научных учреждений. Помимо этого рецензент позволит себе высказать осторожную надежду на то, что в будущем в научных центрах Республики Сербия произойдет возрождение университетской и академической албанистики, тюркологии, цыгановедения, арумынистики и сефардистики, что со временем позволит сербской гуманитарной науке сформировать свой гносеологически суверенный, филологически и лингвистически обоснованный и методологически корректный нарратив по широкому спектру вопросов сербского, славянского и балканского языкознания, без чего научная картина языковой ситуации, в которой находится сербский язык и его говоры в Автономной области Косово и Метохия Республики Сербия, останется неполной и не до конца понятой.

Получено / received 23.07.2023

Принято / accepted 07.09.2023

VARIA

Некоторые чурания (формулы-восклицания) в марийских догонялках

М. А. Ключева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия); Институт системного
программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия);
keymachine@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7518-1649

Аннотация. В статье исследуется игровая лексика — словесные формулы чурания в играх в догонялки в горном и луговом наречиях марийского языка. Выявлена их связь с аналогичной лексикой в русских диалектах и игровом фольклоре соседних тюркских и финно-угорских народов. Исследование показало, что в качестве чураний в догонялках используются слова, означающие пищу, поедание и загрязнение, либо специфические заимствования, утратившие денотативное значение, которое они имели в исходном языке, и употребляемые только в играх. Чурания в догонялках также связаны с лексикой других подвижных игр преследования (прятки, игры с палками).

Ключевые слова: детская речь, диалектизм, марийский язык, финно-угорские языки, тюркские языки, народные игры, игры в догонялки, игровой фольклор, региональная лексика, десемантизация, этимология, языковые контакты.

Some exclamation (shunning) formulas in children's catch-up games in Mari

Maria A. Klyucheva

Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
(Yoshkar-Ola, Russia); Ivannikov Institute for System Programming,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); keymachine@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-7518-1649

Abstract. Catch-up games are the most common and well-known children games where one tries to catch other players running away from the catcher. In some variations of this game, the catcher is to slap someone with his/her palm and voice a specific formula word, thus passing his/her role over to the affected player. Such words are often asemanitic in nature and only occur in games (as a rule, locally) so that many of them never find their way into fundamental dictionaries. This paper is devoted to such exclamations in Mari (Hill and Meadow). The article discusses seven exclamation formulas (*ävək, potak, pašteŋge, n'am, l'apa, lapash, čaj*) and their genesis in Mari, taking into account the game culture of the neighboring communities speaking Turkic, Finno-Ugric or Russian languages. Apart from these exclamations, Mari catch-up games involve exclamations like *čondi, čurik, čurčur, čura, čur nevada* (< rus. *čur ne vada*), *čurnya* (< rus. *čur ne ya*) considered in an earlier paper by the same author on hide-and-seek games in Mari [Klyucheva 2022]. The present paper continues it in terms of the methodology, material and research strategy used. The research is based on a wide range of sources including academic and popular publications on the Mari language, folklore and ethnography texts, archival materials and recent field data, as well as works of fiction published in Mari, etc. As most of these are not captured by the existing dictionaries, this research contributes to the studies of Mari vocabulary. The paper reveals a high level of linguistic and cultural interaction in the Ural-Volga region. The processes of lexical borrowing from other languages are often accompanied by semantic bleaching, typical of child language and game folklore. The paper also discovers that exclamation formulas in catch-up games in Mari usually contain food terms and words denoting soiling. The vocabulary of catch-up games is also related to the vocabulary of other outdoor games like hide-and-seek and various games with sticks.

Keywords: child language, dialecticism, Mari language, Finno-Ugric languages, Turkic languages, folk games, catch-up games, game folklore, regional vocabulary, desemantization, etymology, language contact.

1. Введение

Догонялки (салки, пятнашки) — самые распространенные игры преследования, в которых водящий старается поймать разбегающихся от него игроков. При этом в некоторых разновидностях игры бывает условие, что, когда водящий кого-то догоняет, он задевает

(хлопает) его ладонью и говорит определенное слово, передавая таким образом свою роль. Часто такие слова встречаются только в играх (как правило, узко локально) и потому нередко не попадают в фундаментальные словари. Именно таким чураниям-восклицаниям в марийских догонялках посвящена наша статья. Мы рассмотрим марийские чурания *äwïk*, *потак*, *паштенге*, *ням*, *ляпа*, *лапаш*, *чай* и их генезис в марийском, учитывая контекст игровой культуры соседних народов (финно-угорских, тюркских и русских). Кроме данных чураний в марийских догонялках встречаются возгласы *чонди*, *чурик*, *чурчур*, *чура*, *чур невада* (< рус. *чур не ва́да*), *чурня* (< рус. *чур не я*), рассмотренные ранее в связи с восклицаниями в марийских играх в прятки. Работа, посвященная пряткам, была ранее опубликована в журнале *Acta Linguistica Petropolitana* [Ключева 2022], и настоящая статья по методологии, материалу и структуре исследования является ее продолжением.

Основной раздел статьи (*Раздел 2*) включает 6 параграфов, в которых последовательно представлены следующие марийские чурания: *äwïk* (горное наречие), *потак*, *паштенге* (волжский говор лугового наречия), *ням*, *лапаш* и *ляпа*, *чай* (моркинско-сернурский говор лугового наречия). В *Разделе 3* сформулированы выводы исследования.

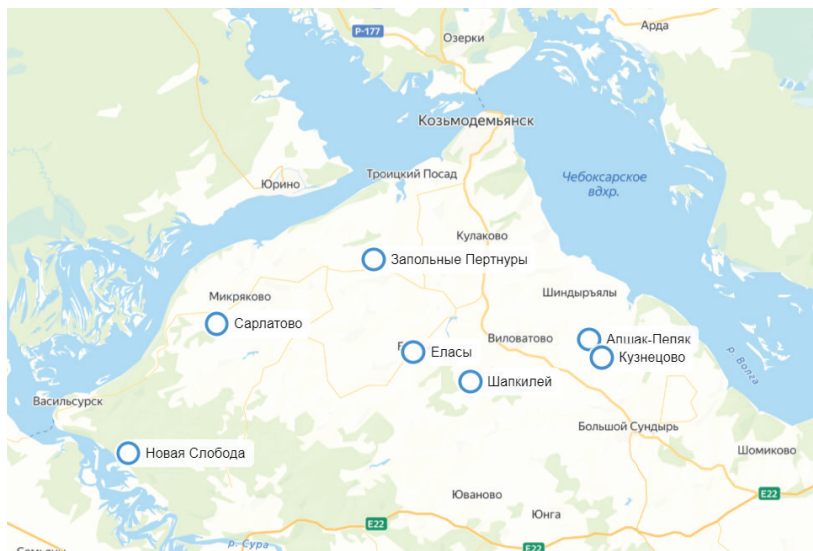
2. Чурания в марийских догонялках

2.1. *Äwïk* (горное наречие)

Первые фиксации лексемы *äwïk* (мар. Г) с переводом «игра в волки» относятся к марийским словарям 1920–1930-х гг. [Шорин 1920: 8; Васильев 1926: 29; Эпин 1935: 5; МНИ: № 1015]. Позднее в словаре А. А. Саватковой значение слова уточняется: *äwïklä maðai* ‘играть в догонялки’; *äwïkïm пуаш* — отводить, дать сдачи [Саваткова 1981: 12–13; 2008: 20; МНИ: № 1015]; то же у Ф. И. Гордеева с добавлением места фиксации игры — д. Запольные Пертнуры Горномарийского р-на МАССР [Гордеев 1979: 42; МНИ: № 1016].

В [СМЯ I: 129] «*ăвык* Г. — лёгкий хлопок в игре в волки. *Ăвыкым пуаш* (*бишташ*) отводить в игре в волки; *ăвыкла мадаш* играть в волки»¹.

Точечные современные полевые записи 2013–2019 гг. показали, что такая лексика игры в догонялки бытует также в населенных пунктах Сарлатово, Еласы, Апшак-Пеляк, Кузнецово, Шапкилей [МНИ: № 1017–1019], рассеянных по всей территории Горномарийского р-на Республики Марий Эл (РМЭ) на правобережье Волги, см. карту № 1.

Карта № 1. *Ăvək*

Map No. 1. *Ăvək*

С запада эта территория граничит с Нижегородской областью, с юга — с Чувашией, а по левому берегу Волги на север и восток простирается основная территория РМЭ.

Таким образом, слово *ăvək* встречается только в горном наречии марийского языка как возглас в игре при хлопкѣ (и наименование

¹ Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источников. Переводы марийских текстов в статье — наши. (М. К.).

самого хлопк^а), как наименование задетого игрока (водящего) и как название игры:

- (1) *А́вёйкля́ мадмы тидёй. А́вёйк. Шелмёйкёй «а́вёйк» — тёйнь ынде а́вёйк ылат.*
 ‘Это игра в авык. Авык. Когда ударяют — «авык» [говорят] — ты уже авык’ (д. Сарлатово, зап. Ключева М. А. в 2019 г., инф. 1948 г. р.) [МНИ: № 2019].

Формант *-ля́* в названии игры (*а́вёйкля́*) — суффикс симилятива в марийском, ср. соответствия *-ла* в чувашских, *-ле* в татарских названиях игр.

Как и удмуртское *абак* ‘пятнашки, ляпки’, *абакен шудон* ‘игра в пятнашки’ [УРС 2008: 23], мар. Г *а́вёйк* является, по-видимому, тюркским заимствованием, ср. чув. *епек (эбэк)* ‘неизвестное слово в игре, когда один хлопает другого, произнося это слово’ [Ашмарин III: 20 (22)]²; тат. *эбэк* игра вдогонки: догнавший ударяет догоняемого ладонью, говорит *эбэк!* и убегает, теперь должен догонять ударенный [Ахметьянов 2015а: 121], диал. тат. *эбэлке < эбэкле* ‘в пятнашки’ (там же); тат. *эбэкләргә* ‘салишь, осалить (легонько хлопнуть рукою)’ [Ганиев (ред.) 2002: 437]; башк. *эбэк уйнау* ‘играть в пятнашки’ [БРС]. Дальнейшая этимология не ясна, см. [Гордеев 1979: 42–43; Ахметьянов 2015а: 121–122; Вершинин 2017: 55]. За пределами Урало-Поволжья слово, кажется, не встречается, хотя у Р. Г. Ахметьянова приводятся сопоставления с якутским *ännäi* ~ уйгурским *äp-* ‘бежать, убегать’, тунгусо-маньчжурским *эви-*, *эби-* ‘играть, шутить, соревноваться’. Но при таких далеких сопоставлениях можно указать и на арабское أَبَقَ [aʔbaqa] ‘убегать’ [БАРС]. Помимо высказанных ранее в литературе версий обращаем внимание на чувашское *авёк* ‘изгиб’ (также *авёк патак* ‘кривая палка’) [ЧРС] < *ав-* ‘гнуть’ < ДТю *eg-*; мар. Г *а́йиш* ‘гнуть’ ~ мар. ЛВ *агуаш* < чув. [Федотов I: 23–24]. Учитывая, что чувашская глагольная основа *ав* ‘гнуть’ «иногда значит *бить, колотить*» [Ашмарин I: 38 (34)], производное *авёк* могло означать собственно удар или прогиб ударяемого и в таком

² Ср. там же чув. *епекле (эбэкл’э)* ‘нежить’.

значении ('маркирование удара, ударенного') войти далее в игровую терминологию языков, соседствующих с чувашским³.

С другой стороны, имеет смысл сопоставить чурание *äwäk* с ДТю *ewäk* 'название хлеба у детей' [ДТС 1969: 162] ~ *äpäk* (A baby word for "bread (xubz)" is: 'АВАК *äpäk*) [Maḥmūd al-Kāšgarī 1982: 109] ~ *äbäk*: 'дети называют хлеб' [Махмуд ал-Кашгари 2010: 104]. Пищевой код весьма типичен для детских игр преследования, что на русском материале подробно раскрыто в исследовании [Березович, Пьянкова 2007: 341–404]. То же наблюдается в марийском игровом фольклоре, в том числе в догонялках, что будет подтверждено при разборе ряда чураний ниже (слова *лапаш* 'похлебка', *ням*). В марийских прятках есть выражение *Ик кўшö мелнам кочкым* 'Один испекшийся блин съел' (о найденном игроке) [Китиков 1993: 28–29; МНИ: № 838]. В марийской игре в колечко ведущий спрашивает: «Кўм качкат?» ('Кого съешь?'). Водящий отвечает: «(Олям) качкам» ('(Олю) съем'). Так водящий пытается отгадать, у кого колечко (иносказательно говорит, что оно у Оли) (д. Сарлатово Горномарийского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 320; МНИ: № 1837] и др. В названии горелок *абмак тулык* у восточных мари (в Нижнесергинском р-не Свердловской обл.) [МФЭ-68: № 36, с. 18, № 100; МНИ: № 999] слово *тулык* — марийское (словарное), означает 'сирота, одинокий (вдова, вдовец)' (< чув. *тăлăх* 'сирота'), а *абмак* — слово с неизвестным значением. Возможно, *абмак* здесь также изначально означало «хлеб» ~ тюрк. *äpmäk* 'хлеб' [Радлов 1893: 925] ~ основа *епмек* [Севортян 1974: 254]. Ср. в Купянском уезде Харьковской области игра в горелки называлась *хлибчик* 'хлебец' [Игры народов СССР 1933: 385, № 942]. Таким образом, гипотеза о том, что др.-тюрк. *äbäk* 'хлеб' (детское слово) является источником регионального чурания в догонялках (мар. Г *äwäk*, удм. *абак*, чув. *епек* (*äbäk*'), тат. и башк. *äbäk*) представляется непротиворечивой и в плане фонетики, и в плане семантики.

³ Либо это часть выражения *авăк патак* 'кривая палка' в чувашских играх, к реконструкции которого определенные основания дает материал, изложенный в следующем параграфе статьи (Раздел 2.2).

2.2. Потак (волжский говор лугового наречия)

Потак — слово-возглас водящего в игре *потáкла модаш* ‘играть в догонялки’ (д. Полевая (*Нурсола*) Обшиярского с/п Волжского р-на):

- (2) *Потáк. Вот тíге логáлдышым тыландá — всё, потáкым ну́шым, и мýй кóргóжам, тый вадýтлет. Тый мый дéчым ужé тíге тыгáй, вёсым уже поктылат. Пóтак манýнá ылé.*

‘Вот так вас задел — всё, отдал потак, и я бегу, ты водишь. Ты от меня уже это так, другого ловишь. Мы говорили «пóтак»’ (зап. Ключева М. А. в 2016 г., инф. Долгов Евгений, 1958 г. р.) [МНИ: № 1014].

По последним полевым данным, чурание *потáк* в догонялках известно и в соседнем сельском поселении — с. Кужмара Звениговского р-на РМЭ:

- (3) — *Мóдын ўлнá. Потáк кай. «Потáк кай модáт?» Модáт. Куршталáт, «вот тылá(н)ет потáк». Потáкым шындаш, потáкым пераш. <...>*

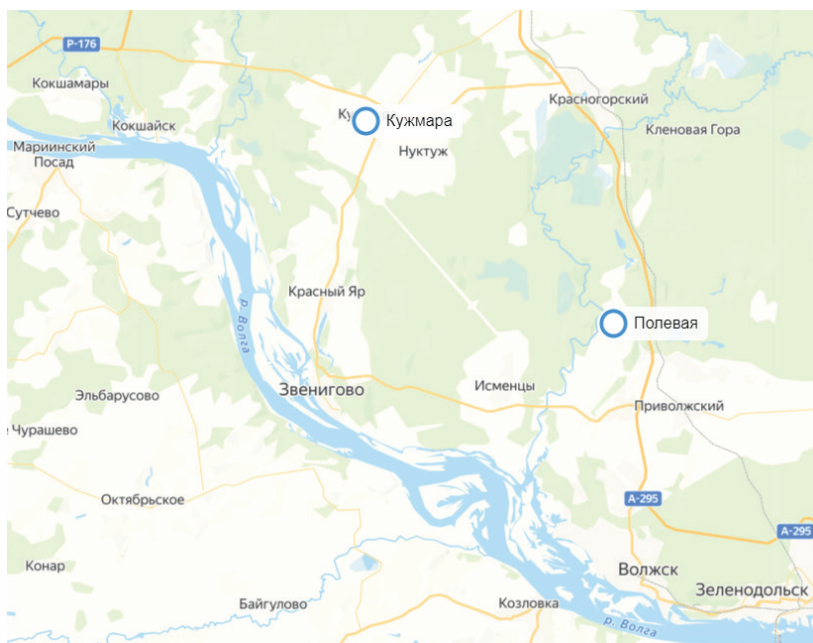
— *Потáк гай але потáкла?* [вопрос собирателя]

— *Потаклажáт лиéш ойлáш. Потаклáже утларáк мемнán сéмын йонгá. <...> «Потакí модáш каенá», — тыгеáт ойлáш лиéш.*

‘(Мы) играли. В догонялки (*потáк кай*). «Будешь играть в догонялки (*потáк кай*)?» Играешь. Бегаешь, «вот тебе *потáк*». Ставить *потáк*, бить *потáк* <...>

— *Потáк гай* (‘Как потак’) или *потáкла* (‘В потак’)? [вопрос собирателя]

— *Потакла* тоже можно говорить. *Потакла* даже больше по-нашему звучит. <...> «Идем играть в догонялки (*потакí*)», — можно и так говорить’ (зап. Ключева М. А. в сентябре 2023 г., инф. Семенова Валентина, 1987 г. р.).

Карта № 2. *Потак*
 Map No. 2. *Potak*

На этой карте по реке Волга проходит граница между Республикой Марий Эл (на левом восточном берегу) и Чувашией (на правом западном).

Слово *потак* (ударение нестабильное) отсутствует в марийских словарях. В чувашском фольклоре фиксируется игра *патакла* ‘название игры в чижа’ < чув. *патак* ‘палка’. Слово *патак* в чувашском языке означает и ‘удар, побой’, например: чув. *патак си* ‘быть битым, потерпеть побой’ и т. п. [Ашмарин IX: 129]. Наблюдаемый переход *a > o* в первом слог (чув. *патак* > мар. *потак*) закономерен при заимствованиях в марийский из тюркских языков, ср. чув. *валак* ‘желоб’ > мар. *волак* ‘то же’, чув. *кавус* или тат. диал. *кавыз* ‘кауз (помещение для водяного колеса на мельнице)’ > мар. *ковыз* ‘то же’. В чувашском в свою очередь *патак*

‘палка’ является заимствованием из др.-рус. *батогъ* ‘палка, дубинка’ [Федотов 1996а: 390]⁴. Форма *потаки́*, употребительная как название игры в с. Кужмара, вероятно, является отражением чув. *патакки* ‘палка, палочка’ (притяжательная форма от *патак*, характерная для устойчивых конструкций, словосочетаний типа *бамбук патакки* ‘бамбуковая палка’, *йёлтёр патакки* ‘лыжная палка’ и т. п.)⁵.

Таким образом, марийская волжская игра типа догонялок на уровне лексики (возглас *потак*) связана с чувашскими играми, но происходит деривация значения слова: чув. *патак* ‘палка (в том числе в игре в чижа); побои’ > мар. *потак* ‘удар в игре в догонялки (рукой)’. Заметим, что присутствие в игре слова со значением ‘палка’ совсем не означает обязательного присутствия в игре самой палки как реального предмета. Ср. в игре с мячом «В яйцо» (с. Нёнокса Архангельской обл.) «палкой» называется штрафное очко при ошибке, получаемое вратарем за пропущенный в ворота гол. Играют «до трех палок», после чего проигравший «носит яйца», т. е. мяч между ног (зап. в 2001 г.) [Ключева 2014: 158]. Типичны также чурания в прятках с упоминанием палки, даже если игра происходит без палки, например, *пали-стукали* в Восточной Украине, Таганроге, Бресте, *пали-я* в Белгороде и др. [Ключева 2014: 81]. Марийские чурания в прятках с упоминанием палки см. в [Ключева 2022].

⁴ Ср. аналогичное заимствование в финском — *раатии*, *раатоо* ‘прут, розга, палка’.

⁵ С другой стороны, по мнению самого информанта, сообщившего об этой игре, *потаки́* (< *потáки*) могло возникнуть как уподобление русским названиям игр типа *прятки*, *салочки*. Однако у нас нет больше примеров подобного добавления русского окончания множественного числа к марийскому названию игры. А вот обратное явление вполне типично для марийского игрового фольклора, например: рус. *прятки* > мар. *пратка* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ), рус. *классики* > мар. *классика* (п. Мари-Турек, Волжский р-н РМЭ), рус. *фанты* > мар. *фанта* (Волжский, Звениговский р-ны РМЭ) в речи информантов начала 1990-х гг. р. [Ключева 2014: 77, 270, 326].

2.3. Паи́тенге (волжский говор лугового наречия)

Паи́те́нге ‘последний’ — возглас водящего в игре *паи́те́нгыла* ‘в догонялки (букв. в последнего)’ (д. Малые Параты (*Чодраял*) Волжского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 99; МНИ: № 1035].

В [СМЯ V: 59] *паи́тенге* ‘последний’ маркируется как диалектное, большинство ссылок в картотеке [СМЯ] указывает на волжский говор (Волжский и Звениговский р-ны РМЭ). Однако слово *паи́тенге* встречается также в произведениях писателей — уроженцев д. Старое Крещено Оршанского р-на РМЭ: М. Шкетана, Ф. Майорова, А. Волкова (йошкар-олинский говор мар. Л) и уроженцев Моркинского р-на Г. Ефруша, М. Казакова (д. Кутюк-Кинер, Маркаркино — ареал моркинско-сернурского говора мар. Л). В словаре Э. Беке содержится указание только на волжский говор (д. Кукшнур, Большие Маламасы, Исменцы) [Beke IV₆: 1777].

Что касается этимологии, важно не путать *паи́тенге* с мар. Л *поште́к* ‘следом’ ~ мар. СЗ, мар. Г *паште́к*, которые являются производными от исконного мар. *поч* ~ *нач* ‘хвост’ [Rédei 1988: 353]⁶. Марийское волжское *паи́тенге* происходит от тат. диал. *баи́тангы* ‘предварительный, начальный’ ~ литер. тат. *баи́тагы* ‘начальный, первоначальный, первый; исходный’, *баи́та(н)* ‘сначала, сперва’ [Ганиев (ред.) 2002: 53]. Исходная основа — ОТю *баиш* ‘голова’ [Севортян 1978: 85–88]. Там же, в «Этимологическом словаре тюркских языков» отмечена «типологическая константа — слово голова, — которая в разных языках может быть источником полярных значений ‘начинать’ и ‘кончать’». В рамках этой константы развивается и значение марийского слова: в татарском значение ‘начальный’, в марийском — ‘последний’.

Интересно, что у данного названия игры в догонялки (мар. волж. *паи́те́нгыла*) имеются многочисленные соответствия в играх русскоязычных детей на Урале, которые, по-видимому, восходят к тюрк. *баиш* ‘голова’, как и идиома *баиш на баиш* ‘ровно столько же, без

⁶ Такое смешение мар. Л *паи́тенге* и *поште́к* в [Вершинин 2018: 405].

придачи' [Фасмер I: 138]. Ср. *баш* — возглас чурания в детской игре *В баші́ (ба́шики)* — детская игра в пятнашки, сопровождаемая возгласом «баш».

- (4) — Я тебе сказал: баш, что не хватаешь?
— Да, как же! Сказал баш, а рукой не задел? Баш! Когда отдашь! (Пермская губ., Красноуфимский у. Пермской губ., фиксации 1856, 1898, 1930 гг.) [СРНГ II: 162–163]⁷.

Аналогичные приговорки-чурания в современных записях: *баш* (Челябинск), *баши-баши* (Курган), названия игр типа догонялок *баши́лки, баши* (Челябинск), *ба́ши, баші́, ба́шики* (Пермский край, Башкирия, Челябинская обл., Курган) [Романий 2009; Ключева 2014: 97]. Отсюда *баши́ть* — то же, что и 'водить' (Челябинская обл.) [Ключева 2014: 78]. Чурание *баш* фиксируется и в играх в прятки (Челябинск, Курган) [Ключева 2014: 82], *забаши́ть, отбаши́ть, отбаши́аться* 'зачурать (в прятках)' (Курган, Челябинск) [Ключева 2014: 82]; *баши́ть, забаші́ть* (Челябинск) — в играх с преследованием задеть, попасть, например, в игре *В банку* — задеть палкой (действие водящего, «галящего»). «Я тебя забашил; теперь ты галишь» [Ключева 2014: 170].

2.4. *Ням* (моркинско-сернурский говор лугового наречия)

Чурание *ням* в догонялках встречается в Моркинском и северо-восточных районах РМЭ. Первые фиксации — без указания места: глагол *нямэм* (2-е спр.) 'ударяю ладонью по ладони же другого лица

⁷ Есть и иная гипотеза этимологии названия *башики* игры в догонялки (Суксунский р-н Пермского края и Ачитский р-н Свердловской области) — от предполагаемого в русских говорах глагола *башать* 'касаться, ударять' < праславянское **baxati* 'ударять, бить, колотить' [Востриков 1991: 10]. Против этой гипотезы свидетельствует прежде всего лингвогеографический фактор: игровые лексемы с основой *баш* у русских фиксируются только на Урале (Курган, Челябинск, Башкирия, Свердловская область, Пермский край).

(игра) [Троицкий 1894: 39; МНИ: № 1020]; и *ням*ам ‘ем’ (1-е спр.) — слово в игре при пятнании:

- (5) *Брвэзэ-влак модмаштэ кучатат, «ням*ам» маньит. *Модьш гыч лэкийм «шуйё» маньит.*

‘Ребята в игре поймают и говорят «ем» (*ням*ам). Про вышедшего из игры говорят «сгнил» (*шуйё*)’ [Васильев 1926: 138; МНИ: № 1021].

В современном литер. языке детское слово *ням*аш ‘есть, кушать, закусить’ — 1-го спряжения, как в примере у В. М. Васильева. В названиях игр выступают деепричастия от глагольной основы *ням*-, *ням*л-: *ням*ын *модаш* ‘играть в ловушку’ [СМЯ IV: 239], *ням*лен *модын куржсталаш* ‘бегать, играя в ловушку’ (в книге писателя Ю. Галютина) [КМЯ; МНИ: № 837]⁸.

В марийских словарях слово *ням* (звукоподражательное междометие от глагольной основы) зафиксировано только в игровом значении: «ням — слово, произносимое водящим при прикосании рукой, легком хлопке во время игры в догонялки. *Ням дене модаш*. Играть в догонялки» [СМЯ. Доп. том 2019: 344]. Мы располагаем также шестью архивными фиксациями чурания *ням* и названия игры *ням*ла (*ням дене*) ‘в догонялки’⁹ за период с 1960 по 1990 г. в деревнях МАССР: д. Весьшурга Моркинского р-на [МФЭ-60: № 9, л. 28 об., № 76; МНИ: № 1024], с. Шиньша (?) Моркинского р-на [МФЭ-74: № 76, тетр. 5, л. [11] об.; МНИ: № 1023], в Кужмаринском с/с Советского р-на

⁸ Ср. мар. звукоподражательное *ням*лаш ‘гавкать’ [СМЯ IV: 239]. Кроме произведений Юрия Галютина (урож. д. Новая (Усола) Моркинского р-на), слово *ням*лен в названии игры встречается в детской повести *Полмезе кугыжаныш* (‘Царство строптивых’) марийского писателя Петра Апакаева, урож. Башкирии [КМЯ].

⁹ В Мари-Турекском и Параньгинском р-не игра называется *ням дене*, в Параньгинском — *ням*, а *ням*ла — в Моркинском и Советском р-нах. В Сернурском р-не РМЭ (с. Березники) название игры не зафиксировано, но водящий, задевая игрока, говорит: «Ням!» или «Няма!» [Ключева 2014: 98].

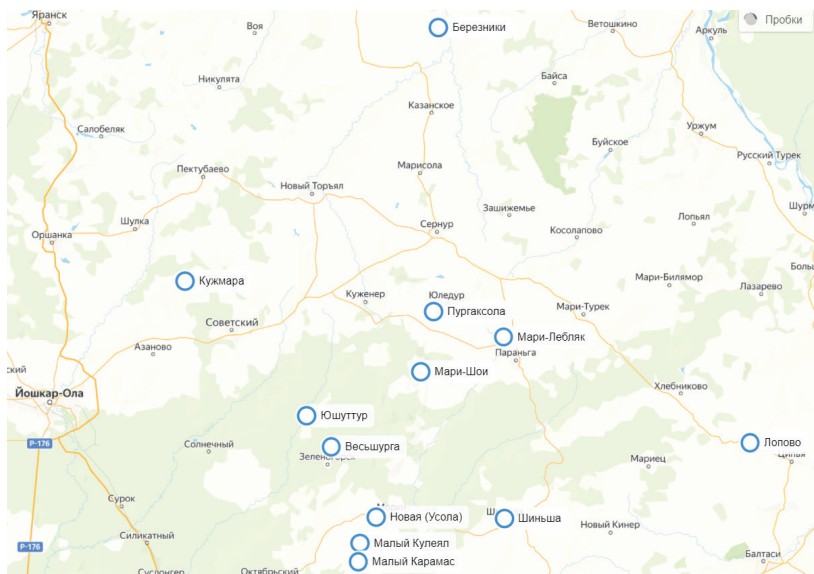
[МФЭ-76: № 101, л. 34, № 14.9; МНИ: № 1024], в д. Юшуттур Моркинского р-на [МФЭ-80: № 113, л. 37, № 15.3; МНИ: № 1025], д. Лопово Мари-Турекского [МФЭ- 81: № 125, л. 8; МНИ: № 1026], д. Мари-Шои Куженерского р-на [МФЭ-90: № 172, л. 15, № 8.1; МНИ: № 1027], а также нашими полевыми записями 2010–2020 гг. от информантов из с. Березники Сернурского р-на (инф. 1989 г. р.) [Ключева 2014: 98; МНИ: № 1029], д. Мари-Лебляк Параньгинского р-на (инф. 1967 г. р.), Пургаксола Куженерского р-на РМЭ (инф. 1977 г. р.) и из д. Малый Кулял Моркинского р-на, где чурание *ням* используется в игре, которая называется *поктен модаш* ‘играть в догонялки’ (инф. 1961 г. р.) [МНИ: № 1028, 1029, 1038]. Чурание *ням* в игре зафиксировано также в марийской литературе — в произведении С. Г. Чавайна, урож. д. Малый Карамас ныне Моркинского р-на РМЭ, 1888 г. р.:

- (6) *Ик рвезе. Чачук, ням, шүдö лочо!.. (Нямлен куржеш.) Чачук (поктен шуэи)* [КМЯ]
‘Один мальчик. «Таня, ням, сто рахитиков!...» (Бежит, играя в ням.) Таня (догоняет)’.

Населенные пункты, где фиксируется *ням* в играх, отражены на *Карте № 3* (с. 182).

Пример рассказа об этой игре *Ням дене* ‘В ням’ (д. Пургаксола Куженерского р-на РМЭ):

- (7) *Мемнан ялыште эре ням дене модына иле. Тиде моэт, как рушлаже... догонялки, салочки, вот тиде. Мемнан эре ням. Поктен шуат — икте как бы вуйлата, моло шылан [чылан] куржыт. Поктен шуат, вачыжым перет и «ням» манат. Ом пале, молан тиге манынна, но ням ден модынна. Догонялки тиде вот мемнан ялыште. «Айста ням ден модаш кайна», — манына иле. И чылан куриштална вара ням ден модын.*
‘У нас в деревне мы всегда играли в ням. По-русски-то это... догонялки, салочки, вот это. У нас всегда «ням». Догонишь — один как бы водит (букв. возглавляет), остальные все убегают. Догонишь, ударишь по плечу и говоришь «ням». Не знаю,

Карта № 3. *Ням*
Map No. 3. *Nyam*

почему так говорили, но в ням мы играли. Догонялки это вот в нашей деревне. «Давайте пойдем играть в ням», — говорили. И все бегали потом, играя в ням' (зап. Ключева М. А. 29 марта 2019 г. в г. Йошкар-Ола, инф. Пекшеева Эльвира Ивановна, 1977 г. р.) [МНИ: № 1029].

В Моркинском р-не зафиксирована также считалка, в которой встречается название игры *нямла* 'в догонялки':

- (8) *На горе стояли дети*
И кричали: «Н'амла чурня!»

‘На горе стояли дети

И кричали: «В догонялки чур не я!» (с. Шиньша (*Кўшыл Шеншы*) Моркинского р-на МАССР, зап. Илимбаева Е. С. в июле 1974 г., инф. Романов Виктор Алексеевич, ≈ 1962 г. р.) [МФЭ-74: № 76, тетр. 5, л. [12]; МНИ: № 422].

Чуранье *ням* в догонялках, играх преследования нам нигде, кроме марийского языка, не встречалось. Но интересно, что в коми языке *нём* — одно из названий игры в прятки (с. Нившера Корткеросского р-на Республики Коми, запись 2013 г. от информантов 2005 г. р.) [Расыхаев 2014: 155].

Каков же генезис восклицания *ням* в марийских догонялках?

В первую очередь в нем можно увидеть пищевую семантику, на которую непосредственно указывает пример (5) (см. выше) с детским словом *нямам* ‘ем’. Марийское *нямаш* ‘есть, кушать’, удм. *ням-ням карыны* ‘кушать, есть’ сопоставимы с русскими словами *ням*, *ням-ням* по отношению к вкусной пище (не исключено заимствование из русского), но ср. мар. *няня* ‘хлеб’ (дет.) [СМЯ IV: 240] ~ морд. *нянямс* ‘кушать’ ~ чув. *нене* (н’*ән*’*ә*) ‘хлеб’ [Ашмарин IX: 18], *ненне* ‘хлеб, сладости’ [ЧРС] ~ удм. и коми *нянь* ‘хлеб’ [УРС 2008: 481]. «Аналогичные слова для понятия ‘хлеб’ имеются в ряде тюркских языков Средней Азии, например, узбекское *нон* ‘лепешка’; они также усвоены из ираноязычной среды» [Лыткин, Гуляев 1970: 202]. Соответственно и в русских диалектах: *нянь* ‘хлеб’ (Урал, Новосибирская обл.), *нямня* ‘свежий мягкий хлеб’ (Вят.), *нямня* ‘есть, кушать’ (нижнее и среднее течение р. Урал), а также в переносном значении *няма* ‘неловкий, неповоротливый, неуклюжий человек’ (Перм.) [СРНГ XXI: 332].

Но поскольку для лексики игр преследования достаточно характерна и семантика загрязнения (см., например, русские региональные названия догонялок *ляпки*, *салки*, *пятнашки* и т. п.), укажем также на производный от *нямаш* глагол *нямаяш* ‘мазать, пачкать’ (мар. Л волж.) [Веке IV₃: 1618; СМЯ. Доп. том 2019: 344–345]. Ср. в удмуртском *нянь* ‘хлеб’ и *няняны* ‘замазать, залепить (например, тестом, замазкой, глиной)’, *няняськыны* ‘приклеиться’ [УРС 2008: 481]. Таким образом, не очевидно, что для марийского *ням* в играх исходной и/или доминирующей является именно семантика пищи. В целом достаточно типична связь в контексте игры мотивов пищи, выпечки и «нечистого», грязного [Березович, Пьянкова 2007: 374]. Подобная семантическая модель усматривается и для марийских чураний *лапаш*, *ляпа*, которые рассматриваются в следующем параграфе.

2.5. Лапаш, ляпа

(моркинско-сернурский говор лугового наречия)

Нам известна единственная архивная фиксация слова *лапаш* как чурания в игре *лапашила* ‘в догонялки (букв. в похлебку)’ (д. Шудасола Советского р-на МАССР):

- (9) *Теве лапашила кузе модыт: чыланат куржталыт, икте поктышо лиеш. Тудо икте дек мият, лапаш манын пера. Тудо ятыр еным пера. Кум гына логалше лапаш лиеш да тудо поктылаш тўналеш.*

‘Вот как играют в похлебку (*лапаш*): все бегают, один будет догоняющим. Он подходит к одному, говорит «лапаш» и ударяет. Он ударяет много людей. Три раза попавшийся становится «похлебкой» (*лапаш*), и он начинает догонять’ (зап. студенты МарГУ Паймакова Марина и Микубаева Раисия летом 1976 г., инф. Тетерина Надя, ≈ 1966 г. р.) [МФЭ-76 № 93, с. 5, № 2.1; МНИ: № 1030].

Марийское слово *лапаш* имеет следующие значения: 1. ‘похлебка из муки или толокна, разведенного на воде, молоке и т. п.’; 2. ‘месиво; корм для скота из смеси муки с картошкой, мякиной и т. п.’; 3. ‘раствор, полужидкая масса; тестообразное вещество, густая смесь’; 4. ‘разг., бран. растяпа, тюфяк; о безвольном, медлительном человеке’ [СМЯ III: 302]¹⁰. Последнее значение наиболее соответствует игровой ситуации: *лапаш* — медлительный игрок, которого догнали. Согласно [Raasonen 1948: 62; Исанбаев 1994: 97], мар. *лапаш* ‘похлебка’ < тат. *лапиша* ~ тат. диал. мишарское *лакша* < ДТю *лакша* (из тюрк. и русское *лапиша*)¹¹. Ср. мар. *лашка*, мар. Г *лйшкӓ* ‘клёцка’

¹⁰ В Национальном корпусе марийского языка фиксируется также *лапаш* как наименование состояния пьяного человека, «размякшего» от выпитого [КМЯ].

¹¹ В. И. Вершинин считает, что мар. *лапаш* — слово звукоподражательное и сравнивает с коми *ляпас* ‘жидкая грязь’ (лузско-летский диалект) [Вершинин 2017: 271].

[СМЯ III: 317]. Интересно, что в русском игровом фольклоре слово *клёцки* фиксируется как название игры в догонялки (Смолен.) [Покровский 1894: 104]¹².

В игровом контексте для *лапаш* уместны также сравнения с мар. *лап* ‘подражание звуку падения, удара шлёп, бах’ [СМЯ III: 300], *лап* ‘хлоп’ [Васильев 1926: 104], чув. *лап* ‘подражание звуку падения, удара, хлоп, шлеп, бах, трах’ [ЧРС], *лап сёре* ‘хлоп в землю! (магическое слово)’ [Ашмарин VIII: 22], чув. *лап хуратан* ‘какое-то выражение в игре в камешки, шакла’ [Ашмарин VIII: 20], тат. *лап* ‘шлёп’ [Ганиев (ред.) 2002: 212], мар. *лапаяш* ‘пачкать, испачкать, запачкать; марать, замарать’ (мар. Г, яран. мар. СЗ, йошк. мар. Л) [Вершинин 2017: 271] ~ *лапаяш* ‘то же’ (мар. Г, йошк.) [Веке IV₄: 1176], мар. *лапай*, *льопай* ‘неряха’ [СМЯ III: 301–302, 494], чув. *лапа* ‘грязный, неряшливый, неопрятный’ [ЧРС] ~ *лапа* ‘неряха’, ‘пьяница’ [Ашмарин VIII: 23]. В марийском языке в словообразовании имен *-аш* — уменьшительный суффикс [Галкин 1966: 18–19], например: *шорык* ‘овца’ > *шорыкаш* ‘овечка’, *ер* ‘озеро’ > *ераш* ‘озерцо’ и т. п. Тогда *лапаш* ‘шлепочек, ляпочка, ляпочек (в игре)’ могло бы быть от *лап* ‘шлёп, ляп’. Однако образование существительных от идеофона с помощью суффикса *-аш* для марийского языка не свойственно.

Фонетически близко к мар. *лапаш* чурание *ляпа* в одноименной игре *ляпа* типа догонялок (с. Кукнур Сернурского р-на РМЭ, инф. 1987 г. р.) и в игре *догонялки* (д. Николашкино Параньгинского р-на РМЭ, инф. 1990 г. р.) [Ключева 2014: 98]. По этим фиксациям 2010 г. не вполне ясен язык игры (марийский или русский?), что достаточно часто бывает в ситуациях билингвизма, характерных для современной марийской деревни. Аналогичные лексемы в удмуртском: *ляпа* ‘пятнашки’ (дет.) [УРС 2008: 417], *пролка ляпа* ‘ляпа переулком’ и *пара ляпаен* ‘в парные ляпки’ — названия игр типа горелок [Долганова, Морозов 2002: 145–146, 272–273].

¹² Название игры происходит от формульного диалога водящего с пойманным игроком: «у кого был? — у тетки — что ел? — клецки — кому отдал? — такому-то» [Покровский 1894: 104].

Очевидно, что лексема *ляпа* в марийском и удмуртском восходит к русской региональной лексике игр в догонялки: *ляпы* — игра типа догонялок (Хакасия, Красноярский край, Средний Урал, 1971) [СРНГ XVII: 282], (Киров, Кировская обл., Петрозаводск, Свердловская обл., север Челябинской обл. (без Челябинска), Шадринск, Рудный) [Ключева 2014: 97]; то же *ляпка* (Медвежьегорский р-н Карельской АССР, 1970) [СРНГ XVII: 279–280], то же *ляпки* (Петрозав. Олон., Заонежье, 1895–1898, Верхотурский, Шадринский у. Перм., 1930, Средний Урал, 1971) [СРНГ XVII: 280], (Чайковский, Пермский край, Ижевск, Удмуртия, Ханты-Мансийск, Нижний Тагил, Уфа, Свердловская обл., север Челябинской обл. (без Челябинска), возможно тоже Томск) [Романий 2009; Ключева 2014: 97–98], *ляпок* (Петрозав. Олон., 1890) [СРНГ XVII: 280], *ляпочка* (Средний Урал, 1971) [СРНГ XVII: 281], то же — *ляпа* (РМЭ, Сернурский р-н, с. Кукнур; Архангельская обл., Карелия, Мурманская обл., Уфа, Екатеринбург, Тюмень, Сургут, Риддер), то же *лапалки* (Саратов), игра «кто больше девчонок залапает», *ла́пать*, *зала́пать* — задевать в этой игре [Ключева 2014: 99]. В Нижнем Тагиле для выбора водящего в этой игре есть специальная считалка: «На столе лежала шляпа — чур ты ляпа!» [Ключева 2014: 97; Романий 2009]. При чурании в этих играх говорят: «Ты — ляпа!» (Ханты-Мансийск), «Ляпа!» (Чайковский). Ср. *ляпа* — о нерасторопном медлительном человеке (Перм., Свердловская обл.) [СРНГ XVII: 278]. *Ляпать*, *заяпать* — задевать в играх типа догонялок (см. *ляпа*, *ляпка*), *заяпанный* — задетый [Ключева 2014: 98]; *ляпать* — также задевать рукой в игре типа пыжа *в банки* (Ижевск); действие водящего [Ключева 2014: 172]. О том же: *ляпать* — касаться, ударять рукой одного из игроков, пятнать. *Столбом играют, две бегут, а третья ляпает* (Медвежьегорский р-н Карельской АССР, 1970) [СРНГ XVII: 279]. *Ляпок* — прикосновение или удар рукой по одному из игроков. *Дал ляпок* (Петрозав. Олон., 1890) [СРНГ XVII: 280]; *дать ляпку* ‘дотронуться ладонью’ в игре *лепки*, *ляпки*, *ляпочки* (Олон., Вят.) [Покровский 1894: 104]. Об игре *ляпы*, *ляпки* (*ляпки на деревьях*, *лилипутские ляпы*) в Курганской и Свердловской области (Шадринск, Петухово, Песчано-Коледино, Чусовое) см. также [Борисов 2008: 273].

Русский глагол *ляпать* ‘шлепать, хлопать, бить плашмя что-либо’, арханг. *ляпа* ‘пощечина, затрещина’, *ляпка* ‘пятно’, укр. *ляпати* ‘шлепать, пачкать’ — «вероятно, звукоподражательного характера» [Фасмер II: 552]¹³.

Таким образом, марийские чурания *лапаш* и *ляпа* скорее всего гетерогенны, но сближаются в процессе функционирования и образуют единое морфосемантическое поле. Интересно также сочетание в лексемах *ням* и *ляпа* (*лапаш*) семантики пищи (пищевой код) и семантики пятнания, пачканья. Подобное представляется достаточно типичным для лексики детских игр преследования, как уже было отмечено выше. Ср. для русского наименования игры *салки сало* как продукт и *салить* — пачкать. Ср. также русские региональные названия игр в догонялки с семантикой загрязнения ~ заражения: *квач*, *сифа*, *заразки*, *зомби*, *вампир*, *трахома* [Ключева 2014: 97, 102, 99, 108, 100; Городские диалекты].

2.6. Чай

Чурание *чай* зафиксировано в игре *Чай-чай, выручай!* (Кужмаринский с/с Советского р-на МАССР):

- (10) *Йоча-влак кидым ваи-ваи кучен шогалыт. (Икте йоча-влакым кучаи да тыге кычкыраи тӱча: «Чай») Иктыже йоча-влакым поктылеш, а молыжо тудын деч куржыт. Поктылиш иктажым куча гын, кучалтиш енже тыге кычкыра: «Чай-чай выручай!» Моло модшо-влакше тиде йочам утараи тӱчат. Пытартышлан тудо чылам кучен пытара. Вара угыч счӧт дене шотлаи тӱнгалыт. Кӧ почеш кодеи гын тудо кучышо лиеи. ‘Дети становятся, взявшись за руки. (Один старается ловить детей и кричать так: «Чай!») Один догоняет детей, а другие*

¹³ О русском *лапать* ‘хватать, трогать, щупать’ см. праслав. **lapati* ‘пожирать’ [Трубачев (ред.) 1987: 28], хотя в ряде источников (Бернекер, Фасмер) разводят **lapati* ‘пожрать’ и **lapiti* ‘схватить’, «в конечном счете признавая за обоими экспрессивный звукоподражательный генезис».

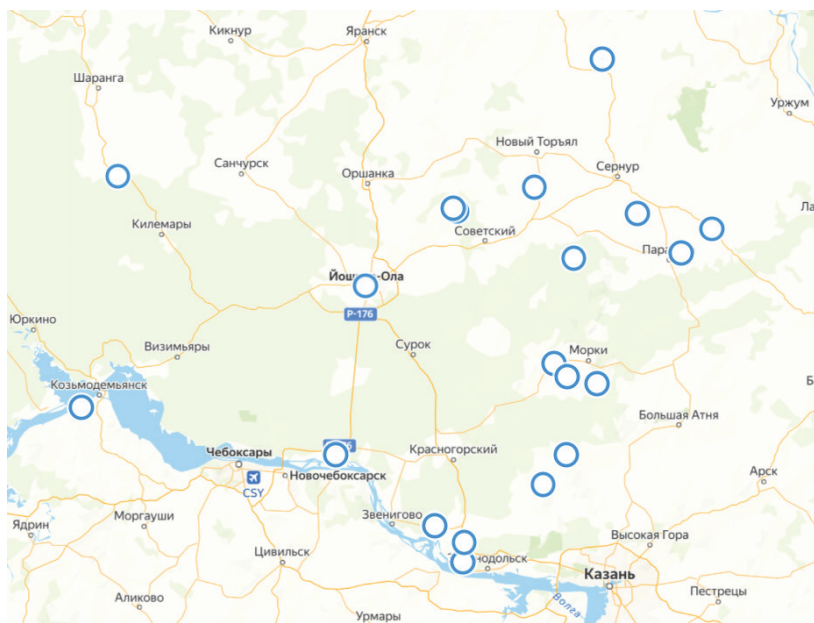
от него убегают. Если догоняющий кого-нибудь поймаёт, пойманный человек кричит так: «Чай-чай выручай!» Другие игроки пытаются спасти этого ребенка. Наконец он всех поймаёт. Потом снова начинают считаться. Кто останется последним, становится ловильщиком' (зап. Михайлова и Кудряшова Ю. в 1976 г., инф. дети Мочалова Лида, Кудрявцев Витя и Мочалов Витя) [МФЭ-76: № 101, л. 31–32, № 14.6; МНИ: № 1050].

Таким образом чурание *чай* является вторичным от фразы на русском языке «Чай-чай выручай», которую кричит задетый игрок, призывая других себе на помощь. Отсюда и название игры (*Чай-чай, выручай*), которое, по записям марийских фольклористов 1976–2012 гг., широко распространено в РМЭ в деревнях и городах, как среди русского, так и среди марийского населения [МНИ: № 1049–1054]. Как вариант зафиксировано также слегка искажённое *чай-чай, вуручай* — название детской игры «вдогонку» (с. Кокшамары Звениговского р-на МАССР) [Гордеев 1983: 176; МНИ: № 1051] и *выручалка* (д. Мар-ри-Кужеры Моркинского р-на МАССР), *выручалочка* (д. Малый Кулеял Моркинского р-на МАССР) как наименования этой же игры [Гордеев 1983: 214; МНИ: № 1052] (см. *Карту* № 4, с. 189).

У русских фраза *Чай-чай, выручай* также бытовала в играх типа догонялки в 1980—1990-е гг. практически по всей стране (Марий Эл, Коми, Ижевск, Саранск, Казань, Челябинск, Санкт-Петербург¹⁴, Московская область, Пермь, Воронеж, Краснодар) [Ключева 2014: 104–105], (Тюменская область, г. Петухово Курганской области, п. Боровка Витебской обл. Белоруссии) [Борисов 2008: 626]. В более старых источниках не фиксируется, отсутствует в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ]. Зато в массовой культуре показательна песня-клип «Чай-чай, выручай» из одноименного альбома Валерия Залкина и группы «Куклы напрокат» (1999 г.)¹⁵.

¹⁴ В Санкт-Петербурге также усеченное *Чай-чай* [Ключева 2014: 104].

¹⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=MJydJdDrMKg>

Карта № 4. *Чай-чай, выручай* в Марий Эл
 Map No. 4. *Chay-chay, vyruchay* in Mari El

3. Выводы

Рассмотренные материалы показали, что марийские чурания в донялках не являются исконными словами финно-угорского происхождения: *ávйк, потак, паштенге, лапаш* — тюркские заимствования (то же удм. *абак*, рус. *баи*), а слово *ляпа* пришло в марийский и удмуртский из соседних русских диалектов севера Европейской части России и Урала, где, впрочем, может носить субстратный характер, поскольку звукоподражание *лап*, подобное русскому *ляп*, известно во всех финно-угорских и тюркских языках Урало-Поволжья. Чурание *чай* (< рус. *чай-чай, выручай*) — проникновение в марийский язык из массовой игровой субкультуры Советского Союза

1970–1990-х гг. Анализ конкретных слов показал, что при заимствовании игровой лексики обычно утрачивается денотативное значение, которое имело слово в исходном языке, и заимствованное слово получает лишь контекстное значение в игре, а в общий лексический фонд языка-реципиента не входит. В результате возникает ситуация непонятности, почему при чурании произносится именно это слово, а не какое-то другое, и что вообще оно означает? Но это не мешает функционированию такой лексики и даже придает ей особую «магичность». Аналогичным образом предстают как своего рода заклинания тексты «заумных» считалок [Виноградов 1994: 70 (226)].

От формул восклицаний в играх происходят названия игр, наименования водящего игрока и название конкретного действия водящего — хлопкá в игре в догонялки.

Предыдущие исследования чураний в прятках (русских, марийских) показали, что в качестве чураний в них обычно выступают звукоподражания стуку, наименования палки или другого орудия стука, а также наименования (чаще уничижительные) проигрывающего, водящего игрока. В качестве чурания в прятках также может выступать фрагмент (обычно первое слово или фраза) приговорки, звучащей в игре. Аналогичные закономерности наблюдаются и в лексике догонялок, т. е. их можно считать общетипологическими для подвижных игр преследования. Можно даже говорить о некоем общем фонде чураний в прятках, догонялках и играх с палками, например: *чур* и *чонди* (*чондри*, *чундыра* и т. п.) в догонялках и прятках у русских и мари, *ням* в марийских догонялках и *нём* в коми прятках; *потак* в марийских догонялках и *патак* ‘палка’ в чувашских играх в чижа, мар. *паиштеге* ‘последний’ в догонялках и региональное русское *баиш* в догонялках, прятках и играх с метанием палок.

Специфика догонялок (и жмурок) среди прочих подвижных игр преследования заключается в том, что в них есть непосредственный тактильный (телесный) контакт между водящим и убегающим игроком. По-видимому, именно особая «драматичность» этого контакта отражается в терминах поедания и загрязнения (*лапаш* ‘похлебка’, *ляпа*, *ням* ~ *нямаш* ‘есть, кушать’, *нямаш* ‘пачкать’). Пищевой код и семантика загрязнения характерны для чураний и в марийских,

и в русских догонялках, т. е. предположительно это тоже общетипологическая черта игрового фольклора. Выявленные закономерности нуждается в верификации на большем материале игровой лексики в разных языках.

Список условных сокращений

башк. — башкирский; бран. — бранное; букв. — буквально; волж. — волжский говор лугового наречия; Вят. — Вятская губ.; г. р. — год рождения; губ. — губерния; д. — деревня; дет. — детское; диал. — диалектное; др.-рус. — древнерусский; ДТю — древнетюрский; дет. — детское; инф. — информант; зап. — записал; инф. — информант; иран. — иранские; йошк. — йошкар-олинский говор лугового наречия; мар. — марийский; мар. Г — горное наречие; мар. Л — луговое наречие; мар. ЛВ — марийский литературный лугово-восточный язык; мар. СЗ — северо-западное наречие; МАССР — Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика (ныне РМЭ); морк.-серн. — моркинско-сернурский говор лугового наречия; морд. — мордовские; новоперс. — новоперсидский; обл. — область; Олон. — Олонецкая губ.; ОТю — общетюрский; п. — поселок; Перм. — Пермская губ. (обл.); Петрозав. — Петрозаводский у. Олонецкой губ.; праслав. — праславянский; р. — река; разг. — разговорное; РМЭ — Республика Марий Эл; р-н — район; рус. — русский; с. — село; см. — смотрите; с/п — сельское поселение; спр. — спряжение; ср. — сравните; среднеперс. — среднеперсидский; с/с — сельский совет; тат. — татарский; тюрк. — тюркские, у. — уезд; удм. — удмуртский; урож. — уроженец; чув. — чувашский; яран. — яранский говор северо-западного наречия

Литература

- Ахметьянов 2015a — Р. Г. Ахметьянов. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 1. Казань: Магариф — Вақыт, 2015.
- Березович, Пьянкова 2007 — Е. Л. Березович, К. В. Пьянкова. Пищевой код в дискурсе игры // Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. С. 341–404.
- Вершинин 2017 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2017.

- Вершинин 2018 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2018.
- Виноградов 1998 — Г. С. Виноградов. Детские игровые прелюдии // Г. С. Виноградов «Страна детей»: избранные труды по этнографии детства. СПб.: Историческое наследие, 1998. С. 151–390.
- Востриков 1991 — О. В. Востриков. К этимологии русск. диал. башики «игра в пятнашки» // М. Э. Рут (отв. ред.). Русская диалектная этимология: тез. докл. межвуз. науч. конф. (10–12 октября 1991 г.). Свердловск: УрГУ, 1991. С. 9–10.
- Галкин 1966 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966.
- Гордеев 1979 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1979.
- Гордеев 1983 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1983.
- ДТС 1969 — В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак (ред.). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Исанбаев 1994 — Н. И. Исанбаев. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994.
- Ключева 2022 — М. А. Ключева. Чурания (формулы-восклицания) в марийских прятках // Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Т. 18. Ч. 2. С. 118–162. DOI: 10.30842/alp23065737182118162
- Лыткин, Гуляев 1970 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
- Романий 2009 — Г. И. Романий. Региональная городская терминология детских игр: опыт выявления регионализмов, их ареализации и составления словарных статей по результатам поиска в Интернете // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы междунар. конф. «Диалог 2009». URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/Romaniy.htm> (дата обращения: 17.02.2023).
- Трубачев (ред.) 1987 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 14. М.: Наука, 1987.
- Фасмер I — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. (А–Д). М.: Прогресс, 1986.
- Фасмер II — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. (Е–Муж). М.: Прогресс, 1986.
- Федотов 1996 — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

- Севортян 1974 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.
- Севортян 1978 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.
- Paasonen 1948 — H. Paasonen. Ost-tscheremissisches Wörterbuch / Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948.
- Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.

Источники

- Ашмарин I — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. (Репринт издания 1928–1950). Т. 1–2. Чебоксары: Руссика, 1994.
- Ашмарин III — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. Т. 3. Чебоксары: Руссика, 1994.
- Ашмарин VII–VIII — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. Т. 7–8. Чебоксары: Руссика, 1999.
- Ашмарин IX–X — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. В 17 т. Т. 9–10. Чебоксары: Руссика, 1999.
- БАРС — Большой арабско-русский словарь: электронный ресурс. URL: <https://bars.org.ru> (дата обращения 27.07.2023).
- Борисов 2008 — С. Б. Борисов. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Шадринск: Издательство Шадринского пед. института, 2008.
- БРС — Башкирско-русский словарь: электронный ресурс / ИИЯЛ УФИЦ РА. URL: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus> (дата обращения: 27.07.2023).
- Васильев 1926 — В. М. Васильев (Ўпымарий). Марий мутэр: турлө вэрэ илышэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ кнага = Сравнительный словарь наречий марийского языка. М.: Центральное издательство народов СССР, 1926 [на обложке — 1928].
- Ганиев (ред.) 2002 — Ф. А. Ганиев (ред.). Татарско-русский словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.
- Городские диалекты — Лингвофорум «Городские диалекты» (электронный ресурс). Тема «Салки — пятнашки — ?» (создал Г. И. Романий 24.08.2014). URL: <https://lingvoforum.net/index.php?topic=71284.0> (дата обращения: 21.02.2023).
- Долганова, Морозов 2002 — Л. С. Долганова, И. А. Морозов. Традиционные игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002.

- Игры народов СССР 1933 — В. Н. Всеволодский-Гернгросс, В. С. Ковалева, Е. И. Степанова (сост.). Игры народов СССР... М.; Л.: Academia, 1933.
- Китиков 1993 — А. Е. Китиков. Модыш — уш погыш: марий калык модыш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993.
- Ключева 2014 — М. А. Ключева. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2014.
- КМЯ — Корпус марийского языка / МарНИИЯЛИ (электронный ресурс). URL: <http://corp.marnii.ru> (дата обращения: 17.02.2023).
- Махмуд ал-Кашгари 2010 — Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / Пер. с араб. А. Р. Рустамова под ред. И. В. Кормушина, прим. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. Т. 1. М.: Восточная литература, 2010.
- МНИ — Марийские народные игры = Марий калык модыш / автор-сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021 // Архив МарНИИЯЛИ, оп. 3, д. 449.
- МФЭ — Материалы фольклорных экспедиций // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 21.02.2023).
- Покровский 1895 — Е. А. Покровский. Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1895 = Репринт. СПб.: Историческое наследие, 1994.
- Радлов 1893 — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.
- Рассыхаев 2014 — А. Н. Рассыхаев. Детский игровой фольклор коми: жанровый аспект. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014.
- Саваткова 1981 — А. А. Саваткова. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1981.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- СМЯ III — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1994.
- СМЯ IV — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. IV. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998.
- СМЯ V — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. V. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2000.

- СМЯ, доп. том — С. С. Сибатрова (гл. ред.). Словарь марийского языка. Дополнительный том: А–Я. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019.
- СРНГ II — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л.: Наука, 1966.
- СРНГ XVII — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л.: Наука, 1981.
- СРНГ XXI — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л.: Наука, 1986.
- Троицкий 1894 — В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894.
- УРС 2008 — Л. Е. Кириллова (отв. ред.). Удмурт-зуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. Ижевск: РАН УрО; Удм. ин-т ИЯЛ, 2008.
- ЧРС — Чувашско-русский словарь // Электронла сáмахсар = Электронные словари (электронный ресурс). URL: <http://samahsar.chuvash.org> (дата обращения: 27.07.2023).
- Эпин 1935 — С. Г. Эпин. Горно-марийско-русский словарь = Кырык-марла дă рушла сирѝм шамак книга. Козьмодемьянск: Типография Гормариздата, 1935.
- Beke IV₈ — Ö. Beke. Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV₈. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2001.
- Beke IV₉ — Ö. Beke. Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV₉. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2001.
- Maḥmūd al-Kāšrārī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk). Edited and Translated with Introduction and Indices by Robert Dankoff in Collaboration with James Kelly. Pt. I. Harvard: Harvard University Printing Office, 1982.

References

- Akhmetyanov 2015a — R. G. Akhmetjanov. *Tatar teleney etimologik syzlege = Etimologicheskij slovar tatarskogo yazyka. V 2 t. T. I* [Etymological dictionary of the Tatar language. In 2 vol. Vol. 1.] Kazan: Magarif — Vakyt, 2015.
- Berezovich, Pyankova 2007 — E. L. Berezovich, K. V. Pyankova. Pishchevoy kod v diskurse igry [Food code in game discourse]. E. L. Berezovich. *Yazyk i traditsionnaya kultura* [Language and traditional culture]. Moscow: Indrik, 2007. P. 341–404.
- DTS 1969 — V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, R. M. Shcherbak (eds.). *Drevnetyurkskiy slovar* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Fedotov 1996a — M. R. Fedotov. *Etimologicheskij slovar chuvashskogo yazyka. V 2 t. T. I* [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 1.] Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.

- Galkin 1966 — I. S. Galkin. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka*. Morfologiya. Ch. II [Historical grammar of the Mari language. Morphology. Pt. II]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1966.
- Gordeyev 1979 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskij slovar mariyskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Mari language]. Vol. 1. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1979.
- Gordeyev 1983 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskij slovar mariyskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Mari language]. Vol. 2. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1983.
- Isanbayev 1994 — N. I. Isanbayev. *Mariysko-tyurkskiye yazykovyye kontakty*. Ch. 2. *Slovar tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Pt. 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language Literature and History Press, 1994.
- Klyucheva 2022 — M. A. Klyucheva. Churaniya (formuly-vosklitsaniya) v mariyskikh pryatkakh [Exclamation formulas in children's games of hide-and-seek in Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2022. Vol. 18. Pt. 2. P. 155–199. DOI: 10.30842/alp23065737182118162.
- Lytkin, Gulyaev 1970 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. *Kratkiy etimologicheskij slovar komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.
- Paasonen 1948 — H. Paasonen. *Ost-tscheremissisches Wörterbuch* / Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948.
- Rédei 1988 — K. Rédei. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.
- Romaniy 2009 — G. I. Romaniy. Regionalnaya gorodskaya terminologiya detskikh igr: opyt vyyavleniya regionalizmov, ikh arealizatsii i sostavleniya slovarnykh statey po rezul'tatam poiska v Internetе [Regional urban terminology of children's games: experience of identifying regionalisms, their realization and compilation of dictionary entries based on Web-search results]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Materialy mezhdunar. konf. «Dialog 2009»* [Computer linguistics and intellectual technologies: Proceedings of “Dialogue 2009” International conference]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/Romaniy.htm> (accessed on 17.02.2023).
- Sevortyan 1974 — E. V. Sevortyan. *Etimologicheskij slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasnyye* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with vowels]. Moscow: Nauka, 1974.
- Sevortyan 1978 — E. V. Sevortyan. *Etimologicheskij slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvu «B»* [Etymological dictionary

- of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “B”]. Moscow: Nauka, 1978.
- Trubachev (ed.) 1987 — O. N. Trubachev (ed.). *Etimologicheskij slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskij leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical stock]. Vol. 14. Moscow: Nauka, 1987.
- Vasmer I — M. Vasmer. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 1. (A–D)]. Moscow: Progress, 1986.
- Vasmer II — M. Vasmer. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 2. (E–Muzh)]. Moscow: Progress, 1986.
- Vershinin 2017 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskij slovar). V 2 t. T. 1* [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 1]. Yoshkar-Ola: String, 2017.
- Vershinin 2018 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskij slovar). V 2 t. T. 2*. [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 2]. Yoshkar-Ola: String, 2018.
- Vinogradov 1998 — G. S. Vinogradov. *Detskiye igrovyye prelyudii* [Children’s game preludes]. G. S. Vinogradov. «*Strana detey*»: *izbrannyye trudy po etnografii detstva* [“The Country of Children”: selected works on the ethnography of childhood]. St. Petersburg: Istoricheskoye naslediye, 1998. P. 151–390.
- Vostrikov 1991 — O. V. Vostrikov. *K yetimologii russk. dial. baški «igra v pyatnaški»* [To the etymology of Russian dialectal baški “catch-up game”]. M. E. Rut (ed.). *Russkaya dialektnaya yetimologiya: tez. dokl. mezhvuz. nauch. konf. (10–12 oktyabrya 1991 g.)* [Russian dialectal etymology: abstracts of reports of the interuniversity scientific conference (October 10–12, 1991)]. Sverdlovsk: Ural State University Press, 1991. P. 9–10.

Сравнительный анализ лексики традиционных ремесел в восточных среднерусских говорах и западной группе южнорусских говоров (на материале лексики валяльного дела)

М. Д. Королькова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
skifane@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4368-154X

Аннотация. Настоящий сравнительный анализ является одним из необходимых этапов для комплексного исследования ремесленной лексики на материале полевых данных и лексикографических источников. В полученных в регионах материалах была выделена терминологическая лексика, она была классифицирована в соответствии с системой тематических групп и подгрупп. В терминологической лексике были выделены общие единицы и лексика, представленная только в одном из сопоставляемых регионов. Результаты анализа показывают наличие региональных различий при общерусском фонде лексики традиционных ремесел. В ремесленной лексике Смоленщины выявлены характерные черты, свойственные только этой территории, кроме того, ярко проявляются черты пограничных говоров. Количество диалектизмов составляет около 30 % единиц, некоторые показывают узкие ареалы распространения на территории России. Слова, совпадающие в восточных среднерусских и южнорусских говорах, создают общерусский пласт ремесленной лексики, позволяющий говорить об общности ремесленных традиций.

Ключевые слова: русские диалекты, ремесленная лексика, Смоленская область, Поволжье, валяльное дело, узкораспространенная лексема, общерусская лексема.

A comparative study of the traditional handicraft (felting) vocabulary in the East Middle Russian dialects and in the Western group of South Russian dialects

Mariia D. Korolkova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); skifane@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4368-154X

Abstract. This article proposes a tentative description of the specific felting terminology found in Smolensk and Volga regions' dialects undertaken to confirm/refine the classification principles laid down in our previous works and to measure the similarity between local variants of the folk handicraft nomenclature within the lexical system of Russian folk dialects.

Our research draws on two main sources: our own field records made in the Penza, Ulyanovsk and Smolensk regions in 2013–2018, and a series of the respective local dialect dictionaries. The data collected during our Volga region field trips include 312 lexical items, and the materials obtained in interviews with Smolensk region felters, 201 items. In the course of the interviews, the craftsman would be asked for a detailed account of his craft and skills and posed some additional clarifying questions.

In the material thus obtained, we singled out words and set phrases related to traditional handicraft activities, dividing them into several basic thematic subgroups. In general, there seem to be seven such subgroups, sufficient to describe any handicraft production situation denoting: (1) actors, (2) primary activities, (3) auxiliary activities, (4) products, (5) product parts, (6) materials, and (7) instruments. Their analysis shows that some of these terms tend to be incorporated in the common lexical stock of the region, while others (e.g., words for particular actions/instruments) form closed sets of handicraft jargonisms, never used or even known outside a given professional community. This peculiar observation may hint that there can be some subgroups within the handicraft lexicon to some extent incongruent with the standard distribution of lexical items between the relevant Russian dialects.

Our findings can be summarized as follows: (1) The felting vocabulary features strong territorial variation, with local words representing around 30 % of the stock, while less than 10 % of the words demonstrate stable areal distribution. This shows that a considerable number of handicraft terms belong to the lexical system

of a particular dialect rather than to Standard Russian; (2) At the same time, the high ratio of common lexical items in East Middle Russian and South Russian dialects represent an all-Russian layer of handicraft terms thus pointing down to a commonality of Russian handicraft traditions.

Keywords: Russian dialects, handicraft vocabulary, Smolensk region, Volga region, felting, local word, All-Russian word.

1. Введение. Особенности тематической группы

Ремесленная лексика входит в основной фонд русской лексики. Она является языковым отражением значимого пласта реалий материальной культуры. Информация о богатстве народной материальной культуры Смоленской области уходит вместе с ремесленниками-носителями (чей средний возраст на момент сбора материала составлял 80–85 лет). Это создает острую потребность в фиксации этого лексического материала.

Необходимость описания диалектных различий в ремесленной лексике была доказана еще работой О. И. Блиновой, проведенной на материале лексики ткачества в севернорусских и южнорусских говорах [Блинова 1962]. В исследовании [Королькова 2018a] ремесленная лексика говоров Присурского Поволжья была описана с семантической и лингвогеографической точек зрения, было определено ее место в лексической системе русских диалектов, ее особенности были отражены в лингвогеографическом описании и анализе.

Целью настоящей статьи является презентация лингвогеографических особенностей, а именно, общность ряда терминов и диалектные различия в понятиях тематической группы валяльного дела в южнорусских и восточных среднерусских говорах. Кроме описания нового материала, проводится лингвогеографический анализ и выделение опорных понятий для дальнейшего лингвогеографического анализа этой лексической группы. Выделение этих понятий будет основано не на их распространенности в общерусском

языке, а на тематической полноте полученных данных в изученных диалектах.

Валяльное дело исторически является наиболее узкоспециальным ремеслом, им всегда занималось (и занимается сейчас) ограниченное число людей, в отличие, например, от обработки волокна, прядения и ткачества, которые до первой трети XX столетия составляли практически обязательное умение любой деревенской женщины, а в настоящее время являются частью истории.

2. Говоры Смоленской области

Формирование смоленских говоров имеет долгую и своеобразную историю. Смоленская область граничит с Псковской, Тверской, Московской, Калужской и Брянской областями, а также с Витебской и Могилевской областями Республики Беларусь. На смоленские говоры влияют и севернорусские, и среднерусские, и южнорусские говоры других групп, и, таким образом, значительная часть смоленских говоров относится к верхнеднепровской и западной группам, а малая часть, граничащая с Брянской и Калужской областями, к верхнедеснинской группе южнорусских говоров.

В 2015 году в Смоленске была издана коллективная монография, посвященная смоленским говорам, их фонетическим, словообразовательным, морфологическим особенностям, а также синтаксису, лексической системе и лексикографическому описанию. Согласно монографии, фонетические особенности смоленских говоров обнаруживают черты четырех фонетических систем:

- на северо-западе (Велижский и часть Демидовского р-на) смоленские говоры наследуют особенности северновеликорусского наречия — цоканье и чоканье;
- на юге и юго-востоке (Ельнинский, Починковский, Рославльский, Шумячский р-ны) произношение типично для южновеликорусского наречия;

- в северо-восточных и восточных р-нах (Сычёвский, Вяземский, Гагаринский) отмечается влияние среднерусских переходных говоров;
- наконец, на юго-западе, на границе с Белоруссией (Монастырщинский, Хиславичский, Руднянский р-ны) смоленские говоры в фонетическом отношении родственны белорусскому языку и его диалектам [Бояринова (ред.) 2015: 15–16].

Лексика смоленских диалектов отражает различные сферы жизни носителей говора: сельскохозяйственные работы (животноводство, полеводство), постройки, предметы быта, растительный и животный мир, одежда, пища, праздники, ритуальные обряды, внутренние и внешние качества человека, а также ремесла и промыслы. После В. Н. Добровольского [СОС] лексика смоленских говоров изучалась в разных аспектах: Е. Н. Борисова провела диахроническое исследование лексики смоленских говоров по памятникам письменности XVI–XVIII веков, где была проанализирована диалектная лексика по тематическим группам на материале деловой письменности [Борисова 1974]; были исследованы словообразовательные особенности говоров Смоленской области [Бояринова 1979]; Л. И. Граве описала экспрессивную лексику со значением лица [Граве 1970]; А. И. Иванова провела комплексное обследование говора Слободского р-на Смоленской области [Иванова 1953]; В. С. Картавенко описала топонимы (названия населенных пунктов и водоемов) в Смоленской области и на сопредельных территориях [Картавенко 2012]; особенности фамильно-антропонимической системы Смоленщины отражены в трудах И. А. Королёвой [Королёва 2000, 1999]. Большую работу по изучению смоленского диалекта провела Н. А. Максимчук на материале антропонимической лексики Шумячского района [Максимчук 2012]; М. Н. Трубаева рассматривает систему лексических взаимодействий, исследуя проблему вариативно-синонимических отношений и явлений параллелизма в смоленском диалекте [Трубаева 1997]; было предпринято исследование, посвященное пограничному характеру говоров Хиславичского района и составлен диалектный корпус текстов этого района [Рыко, Спиричева 2019].

Таким образом, словарный состав смоленских говоров хорошо исследован, но терминологическая лексика на их материале не изучалась.

Особенности говоров территории Присурского Поволжья описаны автором в работах [Королькова 2018а, 2020].

3. Сбор и классификация материала

С 2013 по 2015 г. автором было проведено полевое обследование говоров Пензенской и Ульяновской областей. Основное экспедиционное исследование было предпринято летом 2015 года на территории Присурского Поволжья. Автор посетил более 100 сел на обследуемой территории, расположенных как вдоль трактов Пенза — Сызрань, Сызрань — Ульяновск, Ульяновск — Саранск, Саранск — Пенза, так и в глубине территории. В процессе экспедиций были записаны 22 рассказа, посвященных валяльному делу, из которых были получены 4456 словоупотреблений, составляющие 312 самостоятельных единиц (слов и словосочетаний). В рамках исследования было охарактеризовано своеобразие говоров Присурского Поволжья, сложившееся в определенных историко-культурных условиях, было описано их диалектное членение, рассмотрена история изучения ремесленной лексики, а также проблемы определения ее статуса как объекта лингвистического описания, были освещены аспекты ее изучения и разработана в определенной мере универсальная тематическая классификация лексики по трем тематическим группам и семи тематическим подгруппам. Специальная лексика русских говоров Присурского Поволжья была сопоставлена с нормативными и диалектными лексикографическими источниками и выявлены региональный и общерусский компоненты и определены особенности функционирования исследуемой лексики. Проанализировано территориальное варьирование ремесленной лексики на обследуемой территории и в русских говорах в целом и выявлены ареалы ее распространения [Королькова 2018а].

Кроме того, для данного анализа были использованы все доступные диалектные лексикографические источники по территории

Поволжья, среди которых «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» (основной и дополнительный выпуск) [СРГРМ], «Тематический словарь самарских говоров» [Баженова 2020], «Диалектный словарь Нижегородской области» [ДСНО], «Словарь говоров Ульяновского Присурья» (в печати), «Опыт словаря говоров Калининской области» [ОСГКО], «Псковский областной словарь с историческими данными» [ПОС], «Словарь говоров Подмосковья» [СПП], «Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области» [Чумакова 1995], «Ярославский областной словарь» [ЯОС].

В 2018 году автором было проведено полевое обследование ремесленной лексики в Смоленской области (в рамках экспедиции по проекту «Лексического атласа русских народных говоров»). Всего было обследовано более 50 сел, в 25 из них были зафиксированы как материалы по разным темам «Лексического атласа русских народных говоров» (разделы «Человек» и «Трудовая деятельность»), так и по составленной автором программе для собирания ремесленной лексики, предполагающие сначала полный рассказ ремесленника о его работе, а потом вопросы по понятиям, не прозвучавшим в рассказе.

Рассказы о валяльном деле были записаны от валяльщиков и их ближайших родственников в девяти селах, расположенных в шести административных районах Смоленской области: Хиславичи, Хиславичский р-н; Княжино, Сафоновский р-н; Коптево, Сафоновский р-н; Коньшино, Угранский р-н; Коски, Рославльский р-н; Глуминка, Шумячский р-н; Починичи, Шумячский р-н; Бехтеево, Сычёвский р-н; Субботники, Сычёвский р-н.

Полученный материал составил около 70 страниц расшифровок машинописного текста, что позволило выделить 201 единицу лексики, относящуюся к тематической группе лексики валяльного дела, при том, что одна единица может быть зафиксирована в нескольких населенных пунктах.

Как автор пояснял ранее, «выделение тематических групп представляет собой классификацию лексических единиц с опорой на деление самих явлений и предметов окружающей действительности по их соотносительности друг с другом. Каждая группа формируется

как система подгрупп, выделяемых на основе принципов организации того или иного вида ремесленной деятельности. В пределах каждой тематической группы материал был разделен на семь подгрупп в соответствии с общими элементами в значении:

- деятель,
- общее название деятельности,
- конкретные действия, совершаемые при создании изделия,
- изделие,
- части изделия,
- материал,
- инструменты и подручные материалы, необходимые для создания изделия» [Королькова 2020: 18].

Последующий анализ материала показывает, что тематическая классификация лексики, входящей в рассказы о любом ремесле, универсальна для говоров Смоленщины и говоров Присурского Поволжья (говоры Пензенской и Ульяновской областей). В процессе сбора материала с применением опроса диалектоносителей-неспециалистов стало очевидно, что одни тематические подгруппы ремесленной лексики соприкасаются с общераспространенной диалектной и общерусской лексикой каждого региона (например, наименование деятеля, общее название деятельности, наименование изделия), а другие в большей степени относятся к терминологической профессиональной лексике (например, названия конкретных действий или инструментов).

4. Классификация по сфере функционирования

Ремесленная лексика была проанализирована по сфере функционирования.

«Ремесленная лексика обследуемой территории неоднородна по своему составу и может быть распределена по двум параметрам: по территориальному (она включает как общерусские, так

и диалектные единицы) и по сфере употребления (слова могут быть известны всем носителям говора или только мастерам, занимающимся ремеслом, то есть являться общераспространенными или терминологическими)» [Королькова 2018b: 5]. На настоящем этапе исследования произведено уточнение, вместо термина «терминологический» используется «узкораспространенный», и сопоставляемая лексика анализируется по сфере функционирования.

Подобный анализ позволяет выявить другие факторы, которые могут повлиять на распространение тех или иных единиц в языке.

5. Сравнительный анализ лексики

Проанализированы семь тематических подгрупп лексики валяльного дела в соответствии с разработанной классификацией.

5.1. Деятель

Общее название деятеля. В тематическую подгруппу общих наименований ремесленника-валяльщика в Смоленской области входят: *ва́лени́к*, м. и ж. (Рославльский и Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *валё́нник* (Велижский, Демидовский, Починковский, Хиславичский р-ны) [ССГ 2: 14]; *ва́лишник* (Ельнинский р-н) [ССГ 2: 15]; *ва́льщик* (Демидовский, Дорогобужский, Ельнинский, Починковский, Сафоновский, Смоленский, Сычёвский, Тёмкинский, Хиславичский, Ярцевский р-ны) [ССГ 2: 16], (Угранский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *валя́льщик* (Хиславичский р-н, повсем.¹) [Королькова (рук.)]; *сукновáл* (Сафоновский р-н) [ССГ 10: 142]; *шаповáл*, м. и ж. (Сафоновский и Сычёвский р-ны) [Королькова (рук.)].

¹ Указания на географическое распространение для общерусских слов фиксируется в соответствии с фиксацией этих слов в источниках.

Для наименования деятеля в Поволжье зафиксированы *ва́лениц* в Самарской области (Богатовский р-н) [Баженова 2020: 141]; *ва́льщик* в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Майнский, Новоспасский, Радищенский, Старомайнский, Тереньгульский, Чердаклинский р-ны) [Королькова 2020: 37; 20], в Нижегородской области (Большеболдинский, Выксунский, Павловский р-ны) [ДСНО 2: 49], в Республике Мордовии (Большеигнатовский, Дубёнский, Зубово-Полянский, Инсарский, Ичалковский, Кочкуровский, Краснослободский, Ромодановский, Темниковский р-ны) [22: 63–64], в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) [Королькова 2020: 37]; *ва́льчик* в Нижегородской области (Сосновский р-н) [ДСНО 2: 49]; *валя́ла* в Нижегородской области (Воротынский, Ковернинский, Лысковский, Павловский р-ны) [ДСНО 2: 49], в Самарской области (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 141] и общерусское *валя́льщик* в Самарской области (Приволжский р-н) [Баженова 2020: 141], в Пензенской области (Бессоновский, Вадинский, Кузнецкий, Мокшанский, Шемышейский р-ны), в Ульяновской области (Николаевский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 39].

Тематическая подгруппа «Наименования деятеля», как и ряд других, выходит за пределы собственно ремесленной терминологии и соприкасается с общераспространенной диалектной лексикой каждого региона. Единицы, входящие в эту тематическую подгруппу, являются общераспространенными. Согласно данным лексикографических источников, общерусским среди названных является только слово *валя́льщик*, но последовательное сопоставление наименований для мастера валяльного дела в двух обследованных регионах говорит о том, что общерусских слов в этой подгруппе может быть больше: широкое распространение имеют слова *ва́лениц* и *ва́льщик*.

Как можно видеть, в подгруппе присутствует общая лексика и наблюдается значительная региональная вариативность: например, слово *валя́ла* распространено только во владимирско-поволжской группе среднерусских говоров — кроме указанной территории слово зафиксировано в Подмоскowie (Волоколамский, Дмитровский, Загорский, Лотошинский, Можайский, Подольский, Толдомский,

Шатурский, Шаховской р-ны) [СГП: 49], в Псковской области (Ашевский, в наст. время Великолукский р-н) [ПОС 3: 30], в Тверской области (Калининский р-н) [ОСГКО: 37], в Рязанской области (Захаровский р-н) [Чумакова 1995: 54] и в Ярославской области (Борисоглебский, Гаврилов-Ямский, Ильинский, Переславский, Ростовский, Рыбинский р-ны) [ЯОС 2: 47]).

Наименование ремесленников, выполняющих отдельные этапы работы. Если ремесленники собирались в группу или артель для коллективной работы на заказ, то они делили работу по процессам, и каждый выполнял только определенный вид деятельности.

Работу по собственно созданию валенка в общем можно разделить на два основных этапа — «сухой» и «с водой», где первый этап включает настиление и первичное формирование заготовки, а второй — закрепление и уплотнение будущего изделия вплоть до его готовности. Среди наименований ремесленника при процессах в Смоленской области зафиксированы слова *чесальщик* ‘ремесленник, занимающийся чесанием шерсти’ (Сафоновский и Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *брындаус* ‘человек, носивший приспособление (брынду) для чесания шерсти’ (Смоленский р-н) [ССГ 1: 268], а также *сновальщик* (Краснинский р-н) [ССГ 10: 66] и *сновальщица* (Сычёвский р-н) [Королькова (рук.)] ‘ремесленник, занимающийся только первой частью создания валенка: настиление шерсти и закатывание’.

Среди ремесленников, занимающихся отдельными процессами валяния, присутствуют названия для исполнителя первого основного этапа: *катальщик* в Пензенской (Белинский, Бессоновский р-ны) и Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 39]; *катарь* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 40]; *обвальщик* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 40]. Для наименования исполнителя второго этапа валяния в Поволжье зафиксировано слово *стира́к* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 40]. В Поволжье зафиксировано отдельное название для работника, набивающего на колодку заготовку валенка при артельной работе: *набойщик* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 40].

Лексика этой подгруппы принадлежит к узкораспространенной. Разнообразие наименований деятеля при процессах в Поволжье является наследием широко развитого в регионе отхожего валяния, когда мастера работали коллективно, артелью в несколько человек. В лексике же Смоленского региона разделение рабочих обязанностей проявляется меньше, присутствует название исполнителя первой части работы (иногда им являлся член семьи ремесленника, например, жена осуществляла настиление шерсти и первичную закатку валенка), наличие соответствующей лексики указывает на то, что чесанием занимался специальный человек. Среди слов, зафиксированных на исследуемых территориях, к общерусским можно отнести только слово *чесáльщик*, другие регионально ограничены в большей (напр. *бры́ндоус*) или меньшей степени (напр. *ката́льщик*).

5.2. Общее название деятельности и названия этапов

Название деятельности. Для общего наименования деятельности валяльщика в Смоленской области зафиксированы следующие слова: *бить* (Шумячский р-н) [ССГ 1: 182]; *ва́лить* (Велижский, Демидовский, Ершичский, Краснинский, Монастырщинский, Починковский, Смоленский, Хиславичский, Шумячский, Ярцевский р-ны) [ССГ 2: 15; 17]; *валя́ть* (Рославльский, Сафоновский, Сычёвский р-ны, повсем.) [Королькова (рук.)]; *ката́ть* (Сафоновский р-н) [Королькова (рук.)]; *прока́тывать* (Угранский р-н) [Королькова (рук.)]; *сва́лить* (Духовщинский, Сафоновский, Смоленский р-н) [ССГ 9: 167], а среди существительных — *ва́лка* (Ельнинский, Смоленский р-н, повсем.) [ССГ 2: 15; 17] и *прива́лка* (Дорогобужский р-н) [ССГ 9: 15].

В качестве общего названия деятельности в Поволжье зафиксированы общерусское *валя́ть* (*выва́ливать*) в Пензенской и Ульяновской (*выва́ливать* — Старомайнский р-н) областях [Королькова 2020: 41; 20]; *выка́тывать* — в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)]. Среди существительных для общего наименования деятельности в речи распространено слово *ва́лка* в Пензенской

области (Вадинский р-н), в Ульяновской области (Засвияжский, Николаевский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 40], в Нижегородской области (Павловский р-н) [ДСНО 2: 47], а также словосочетания *ва́льное де́ло* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 41]; *е́здить на ва́лку* в Пензенской (Бессоновский р-н), в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 42]; *рабо́тать ва́ленки* в Пензенской области (Белинский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 42].

Лексика этой подгруппы является частично обще-, а частично — узкораспространенной, так как не все наименования деятельности мастера валяльного дела широко используются в речи всех носителей диалекта. Широко используются диалектное *ва́лить*, *ва́льное де́ло*, общерусские *валя́ть*, *ва́лка*, *ката́ть*. Другие слова, в частности приставочные глаголы от указанных корней, по преимуществу используются для наименования своей деятельности самими мастерами.

В глаголах *валя́ть* / *ва́лить* проявляется диалектное различие, выраженное в разнице словообразовательных классов и, следовательно, спряжений этих двух глаголов. Это противопоставление ярко демонстрирует диалектные различия. В остальном глаголы и существительные, называющие деятельность валяльщика в целом, показывают нам общность способов номинации. Основным способом номинации является название всей деятельности по самому тяжелому и трудозатратному виду работы, в данном случае, по собственно валянию с водой, ср. аналогично у плотников общие названия деятельности *руби́ть* и *ста́вить* названы по наиболее трудоемким процессам [Королькова 2020: 145]. Словосочетания, зафиксированные на территории Поволжья, демонстрируют архаический пласт лексики, так как *е́здить на ва́лку* подразумевает занятие отхожим валянием, которое не практикуется с конца XIX века. Словосочетание *рабо́тать ва́ленки*, как и предыдущее, сохраняет распространенное в XIX веке архаическое управление глагола *рабо́тать*, частично сохранявшего в тот период развития языка валентность на прямое дополнение.

Названия этапов валяния. Создание валенка условно подразделяется на два этапа — на «сухую» и «мокрую» обработку. В процессе анализа лексики валяльного дела и на территории Присурского

Поволжья, и в говорах Смоленщины были выявлены наименования для первого и второго этапов. Начальное закрепление шерсти включает в себя разминание заготовки на столе с использованием небольшого количества воды и катание ее на палке или в свернутом виде. Второй этап валяния начинается с того, что заготовку замачивают в воде или в растворе кислоты (как вариант — медного купороса) и после с усилием трут и валяют по столу (нередко специальному) с применением большого количества горячей воды и пара. Эти же названия отражают как начальное закрепление шерсти, так и собственно валяние с водой.

В лексике валяльного дела на территории Смоленской области для первого этапа зафиксированы глаголы и существительные: *валя́ть* (Сычёвский р-н — однократно); *закла́дывать* (Рославльский и Шумячский р-ны); *закла́дка* (Шумячский и Сычёвский р-ны); *закла́дывать* (Сафоновский и Сычёвский р-ны); *ката́ть* (Сафоновский, Сычёвский, Угранский, Хиславичский, Шумячский р-ны); *на сухую* (Сафоновский и Сычёвский р-ны: *на сухую гоня́ть*, *на сухую ката́ть* // (Сычёвский р-н) [Королькова (рук.)]), а для второго этапа следующие слова и выражения: *вали́ть* (Хиславичский и Шумячский р-ны); *ва́лка* (Сафоновский и Угранский р-ны); *валя́ть* (Сафоновский, Сычёвский, Шумячский р-ны); *выка́тывать* (Шумячский р-н); *ката́ть* (Угранский р-н); *кача́ть* (Хиславичский и Шумячский р-ны); *прока́тывать* (Угранский р-н); *на во́ду* (Сафоновский р-н); *на мо́крую* (Сафоновский р-н); *на горя́чую* (Угранский р-н) [Королькова (рук.)].

В Поволжье присутствуют слова для названия этапов процесса валяния. Так, для первого этапа, предполагающего первичную работу по формированию валенка, с небольшим количеством воды и меньшим количеством усилий, используются глаголы *завали́вать* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)]; *закаты́вать* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)] и выражения *на холо́дную* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 43]; *на сухую* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 44]. Для второго этапа, с водой и приложением значительных усилий по валянию бытуют глаголы

валя́ть и *ката́ть* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)], а также выражения *в / на горя́чую* в Пензенской области (Кузнецкий р-н), в Ульяновской области (Ульяновский р-н) [Королькова 2020: 44]. Повсеместно распространенным наименованием для закрепления шерсти является *ката́ть* (*выка́тывать*, *закáтывать*, *нака́тывать*, *раска́тывать*, *ска́тывать*, *ука́тывать*) в Пензенской и Ульяновской областях [Королькова 2020: 52–53]. Кроме того, зафиксированы слова *подсти́рывать* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 55]; *выка́тывать* в Нижегородской области (Варнавинский р-н) [ДСНО 2: 163]. Для наименования собственно валяния, наиболее трудоемкого процесса, в Поволжье зафиксировано общерусское *валя́ть* (с вариантами *дова́ливать*, *ува́ливать*) [Королькова 2020: 58]; *стира́ть* в Пензенской области (Белинский, Кузнецкий р-н) и в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 59], а также *ута́птывать* в Республике Мордовии (Ардатовский р-н) [СРГРМ 2: 105].

Для описания этапов валяльного процесса в двух регионах присутствуют и глаголы, и существительные, и наречия. Общими являются глаголы с корнями *-кат-* (*ката́ть*) преимущественно для наименования первого этапа и *-вал-* (*валя́ть*, *вали́ть*) преимущественно для наименования второго этапа. Отличительной чертой глаголов для обозначения первого этапа работы является наличие у разных глаголов приставки *за-* (*завáливать*, *закáтывать*, *заклада́ть*, *закла́дывать*) и в говорах Присурского Поволжья, и в смоленских говорах. Среди глаголов второго этапа интересные диалектные различия видны в группе глаголов, зафиксированных в Смоленской области: глаголы *вали́ть* и *кача́ть* используются только информантами из Хиславичского и Шумячского районов, граничащих с Белоруссией, для слова *кача́ть* очевидно влияние русских говоров Белоруссии [СРГБ: 84]. Все существительные являются отглагольными и встречаются нечасто. Для наречий на обеих территориях существует два противопоставления: *на холо́дную / в (на) горя́чую* (в Смоленской области только второй компонент) и *на сухую́ / на мо́крую* или *на во́ду*.

Вся лексика этой группы является узкораспространенной и сохраняет специальный характер, все термины являются диалектными

единицами, в том числе и слова *валя́ть* и *ката́ть*, так как в данном случае речь идет о названии этапа работы.

5.3. Наименования процессов работы

Вся лексика этой группы является узкораспространенной и сохраняет специальный характер, за исключением наименований нескольких общих для всей хозяйственной деятельности процессов, к примеру, *стричь*, *забивать*, *выбивать*, *обжигать*, *опаливать*, *сушить*, *чи́стить* и *ши́ркать* и др.

Стрижка шерсти. Для наименования процесса стрижки овец и в говорах Присурского Поволжья, и в говорах Смоленщины используется слово *стричь* (повсем.).

Очищение шерсти. Прежде чем чесать шерсть на любом из приспособлений для чесания, ее необходимо разобрать и выбрать из нее репы и другой мусор. Этот процесс занимает немало времени и имеет собственные названия на обеих территориях.

В Смоленской области для наименования этого процесса зафиксированы глаголы: *перебира́ть* (Сафоновский, Хиславичский, Шумячский р-ны); *перескуба́ть* (Шумячский р-н); *перескубну́ть* (Шумячский р-н); *разбира́ть* (Рославльский, Сычёвский, Угранский, Хиславичский, Шумячский р-ны); *разва́живать* (Шумячский р-н); *раскуба́ть* (Сычёвский р-н); *скуба́ть* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)].

Для наименования процесса разбирания шерсти перед чесанием в Поволжье зафиксированы слова *разбира́ть* (*выбира́ть*, *перебира́ть*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий р-ны), в Ульяновской области (Новоспаский, Радищенский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 45]; *трепа́ть* в Ульяновской области (Новоспаский р-н) [Королькова 2020: 45]; *щипа́ть* (*расщипыва́ть*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский р-ны) и в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 45].

К общерусским относятся термины *перебира́ть* и *разбира́ть*, остальные слова являются диалектными. Среди наименований для

процессов первичной очистки шерсти руками в обследуемых регионах диалектные различия проявляются в присутствии в Смоленской области глаголов с корнем *-скуб-* (*перескубать*, *перескубнуть*, *раскубать*, *скубать*) и слова *развájивать* (однократно), а в Поволжье — в бытовании слов *трепáть* и *щипáть* (*расщипывать*) при наличии общего корня *-бир-* (*выбирáть*, *перебирáть*, *разбирáть*).

Чесание. Для наименования процесса чесания шерсти в Смоленской области присутствуют слова *бить* (Демидовский, Рославльский, Сафоновский, Сычёвский р-ны) [ССГ 1: 182; 17]; *бры́ндать* ‘чесать шерсть на брындах’ (Ельнинский, Смоленский р-ны) [ССГ 1: 268]; *бры́ндить* (Хиславичский р-н) [ССГ 1: 268]; *набры́ндать* (Смоленский р-н) с пометой «устаревшее» [ССГ 5: 186]; *перечесывать* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)]; *раску́бывать* (Хиславичский р-н) [Королькова (рук.)]; *расчёсывать* (Сычёвский и Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *чесáть* (Сафоновский, Угранский, Хиславичский и Шумячский р-ны, повсем.) [Королькова (рук.)].

Для наименования процесса чесания шерсти посредством разных инструментов (ручного, механического и электрического) в Поволжье зафиксированы слова *бить* (*разбивáть*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий р-ны), в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 46], в Самарской области (Безенчукский р-н) [Баженова 2020: 142] и *чесáть* (*вычёсывать*, *очёсывать*, *прочёсывать*, *расчёсывать*, *счёсывать*) в Пензенской и Ульяновской областях [Королькова 2020: 46], а также *ка́рзить* в Ульяновской области (Мелекесский р-н) [Мызникова (рук.)].

К общерусским относится термин *чесáть*, остальные слова являются диалектными. Из наименований для процесса чесания диалектные различия проявляются в существовании в Смоленской области глаголов с корнем *-брынд-* (*бры́ндать*, *бры́ндить*, *набры́ндать*) и слова *раску́бывать* (однократно в этом значении), тогда как в Поволжье имеется слово *ка́рзить* при наличии общих корней *-бит-* (*бить*, *разбивáть*) и *-чес-* (*чесáть*, *вычесывать*, *перечесывать*, *расчесывать* и пр.).

Настиление и формирование валенка. После подготовки начинается процесс настиления шерсти.

На Смоленщине для наименования настиляния и формирования валенка используются следующие слова: *выкла́дывать* (пята́ку) (Сафоновский р-н); *закладáть* (Шумячский р-н); *закла́дка* (Хиславичский р-н); *закла́дывать* (Сафоновский, Сычёвский, Хиславичский, Шумячский р-ны); *настила́ть* (Сычёвский и Шумячский р-ны); *отбира́ть* (Шумячский р-н); *раскла́дывать* (Рославльский и Сычёвский р-ны); *расстила́ть* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)].

Для наименования процесса настиляния шерсти в Поволжье присутствуют слова *закла́дывать* (*укла́дывать*) в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий, Мокшанский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 47]; *настила́ть* (*застила́ть*, *расстила́ть*, *стели́ть*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Майнский, Николаевский, Новоспасский, Ульяновский р-ны) [Королькова 2020: 48]; *пласти́ть* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 50]. Процесс формирования валенка в Поволжье имеет название *засна́вывать* в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 51]; *закрабля́ть* в Пензенской области (Бессоновский р-н) [Королькова 2020: 51]; *собира́ть* в Пензенской области (Белинский, Вадинский р-ны) и в Ульяновской области (Майнский, Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 51]; *спáивать* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 52]; *на спáйку* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 52]; *стра́щивать* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 52].

Процесс настиляния шерсти для будущего изделия называется преимущественно одинаково (лексемы с корнями *-стил-* и *-клад-*), за исключением двух редких слов: *отбира́ть* для Смоленской области и *пласти́ть* в Пензенской области. К общерусским относятся термины *расстила́ть* и *настила́ть*, остальные слова являются диалектными. Процесс формирования валенка, как и первая часть работы в целом объединены общей приставкой *за-* (*закладáть*, *закла́дывать*, *закрабля́ть*, *засна́вывать*), но есть и специфическая лексика.

Замачивание валенка. Замачивание валенка как реалья больше распространено в Поволжье. Лексика, описывающая этот процесс, на этой территории более разнообразна: *варить* в Нижегородской области (Варнавинский, Семёновский р-ны) [ДСНО 2: 54]; *замачивать* в Пензенской области (Бессоновский, Вадинский, Кузнецкий р-ны), в Ульяновской области (Новоспасский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 55]; *запаривать* в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 56]; *квасить* (*заквасивать*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский, Шемышейский р-ны) [Королькова 2020: 56]; *купоросить* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) и в Ульяновской области (Карсунский, Николаевский р-ны) [Королькова 2020: 56].

Среди указанных терминов общерусскими являются *мочить* и *замачивать*, остальные слова являются диалектными. Отсутствие же данного процесса на территории Смоленской области составляет этнографическую разницу, которую необходимо фиксировать и учитывать отдельно от разницы в номинациях.

Положение валенка при валянии. Во время валяния будущее изделие располагают в разных положениях, чтобы проработать отдельные части. Для разных положений валенка существуют разные названия.

В Смоленской области это выражения: для наименования положения носком в сторону — *на куклу* (*закладывать*) (Сафоновский р-н); *на плáшку* (Шумячский р-н); положение заготовки валенка на задней части голенища — *на лягушку* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)].

В Поволжье для наименования положения носком в сторону: *на плáшку* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 60]; *гагáра* в Республике Мордовии (Ромодановский р-н) [22: 95]; положение заготовки валенка на задней части голенища — *на кукушку* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 61]; *прямáя косы́нка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 61]; положение валенка на задней части голенища, но с повернутым вправо или влево носком — *пра́вая косы́нка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 61]; *ле́вая косы́нка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 61]. Здесь мы, очевидно,

сталкиваемся с обращением к метафорике при образовании термина. Видимо, это и является причиной таких значительных различий в вариантах названия, несмотря на существование общего для сопоставляемых регионов выражения *на плáшку*. Его пара в разных регионах звучит по-разному: *на куку́шку* и *на лягу́шку*, здесь при разнице слов удивительно единообразие ритмической структуры:

- (1) *на куку́шку што ли вот та́к вот он свернутый / а патом
на плáшку / эта вот на плáшку назывáца // это вот та́к ево
развернеш / как он бы́л // вот / разворáчиваиш ево / расправ-
ляиш / штобы рубцо́ф не нагна́ть //* (Махалино, Кузнецкий р-н
Пензенской обл.) [Королькова 2020: 61]
- (2) *хóрму е́ту в сярётке / ва́ленок эта разлепёишиш вот та́к вот /
каб ён и бы́л // як / эта / мыс эта́й / во та́ма бу́дет за́дник /
а вот свёрьху мыс эта́й // эта назывáица на лягу́шку зде́ла-
ный // эта яво бо́ки во // ... да / а там и на плáшку патом //* (По-
чиничи, Шумяцкий р-н, Смоленская обл.) [Королькова (рук.)]

Все слова данной подгруппы являются диалектными и узкораспространенными.

Надевание на колодку. Для придания валенку формы его надевают на колодку.

Для наименования этого процесса в Смоленской области зафиксированы слова: *вставля́ть* (Сычёвский р-н); *надева́ть* (*одева́ть*) (Сафоновский р-н) — без семантики приложения усилия; и *забива́ть* (Сычёвский и Хиславичский р-ны); *закола́чивать* (Сафоновский р-н); *набива́ть* (Угранский, Хиславичский, Шумяцкий р-ны); *сажа́ть* (*насажива́ть*) (Сафоновский и Сычёвский р-ны) — с приложением усилия [Королькова (рук.)].

Надевание валенка на колодку в Поволжье описывают словами *вставля́ть* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Николаевский р-ны) [Королькова 2020: 61]; *надева́ть* (*одева́ть*) в Пензенской области (Вадинский, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Майнский,

Николаевский, Новоспасский, Тереньгульский, Ульяновский р-ны) [Королькова 2020: 64]; *пра́вить* (*вправлять, заправлять, направлять*) в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 66], а также обозначающими действие, производимое с усилием: *загоня́ть* (*подгоня́ть*) в Пензенской области (Вадинский, Городищенский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 63]; *набива́ть* (*вбивать, добивать, забива́ть*) (повсем.) [Королькова 2020: 63] *накола́чивать* (*колотить, раскола́чивать*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Майнский р-ны) [Королькова 2020: 65]; *натя́гивать* в Пензенской области (Городищенский р-н) и в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 65]; *сажа́ть* (*наса́живать*) в Пензенской области (Вадинский, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 66].

Среди указанных единиц к общерусским относятся термины *вставля́ть, забива́ть, набива́ть, надева́ть* и *сажа́ть* (*наса́живать*), остальные слова являются диалектными. При наличии значительного количества слов для обозначения одного процесса, для данного понятия представляется важным выделить группу диалектных глаголов с корнем *-прав-*: *пра́вить* (*вправлять, заправлять, направлять*).

Битье валенка на колодке. После надевания на колодку будущий валенок продолжали интенсивно обрабатывать (бить и тереть).

В Смоленской области для названия процесса битья валенка на колодке присутствуют слова: *обдира́ть* (*на дра́чке* — специальном инструменте для валяния, см. раздел «Инструменты») (Хиславичский р-н); *смоли́ть* (*туда-сюда*) (Сафоновский р-н); *сажа́ть* (Сафоновский р-н); *класть* (Рославльский р-н); *гоня́ть* (Сычёвский р-н); *сбива́ть* (Сычёвский р-н) [Королькова (рук.)].

В Поволжье для наименования этого процесса зафиксированы слова *бить* (*оббива́ть, поби́ть, подбива́ть, разбить, сбива́ть*) (повсем.) [Королькова 2020: 66]; *гоня́ть* (*угоня́ть*) в Пензенской области (Вадинский, Городищенский р-ны) [Королькова 2020: 67]; *гру́хать* (*гро́хать*) в Пензенской области (Кузнецкий р-н), в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 67]; *колотить* в Пензенской области (Городищенский, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской

области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 68]; *посади́ть* (*сажа́ть*, *уса́живать*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 68].

В данной группе достаточное количество слов, различных в обследованных регионах, но необходимо учитывать, что значения ‘бить’ и ‘тереть’ не только терминологические, но и бытовые, и развитая синонимия показывает широту применения этой лексико-семантической группы. Широко развиты на всех территориях слова с корнями *-бит-* (*бить*, *оббива́ть*, *поби́ть*, *подбива́ть*, *разбить*, *сбива́ть*) и *-сад-/саж-* (*посади́ть*, *сажа́ть*, *уса́живать*). Региональную вариативность показывают слова *гоня́ть*, *гру́хать* и *обдира́ть*.

Усадка шерсти. В процессе валяния шерсть сваливается и за счет этого уменьшается в размере.

Для наименования этого процесса в Смоленской области используются слова: *сади́ться* (повсем.); *ска́тывать* (Угранский р-н); *ска́тываться* (Сафоновский р-н); *ука́тываться* (Сафоновский р-н); [Королькова (рук.)].

В Поволжье те же процессы обозначают словами *ремни́ться* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 69]; *сади́ться* повсеместно [Королькова 2020: 69]; *сва́ливаться* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Мокшанский р-ны) [Королькова 2020: 70]; *сса́живать* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 70].

В этой группе есть общерусский термин — *сади́ться*. Из других единиц на территории Смоленской области более распространены слова с корнем *-кат-* (*ска́тывать(ся)*, *ука́тываться*), а в Поволжье — с корнем *-вал-* (*сва́ливаться*).

Сушка валенка. Готовый валенок сушили в печке, для наименования этого процесса используется слово *суши́ть* (повсем.).

Извлечение колодки из валенка. Когда валенок высыхал, из него выбивали колодку. Часто для того, чтобы колодка вылетела, достаточно было приложить небольшое усилие.

В Смоленской области этот процесс обозначают слова: *вылета́ть* (Хиславичский р-н); *вынима́ть* (Хиславичский р-н); *выска́кивать*

(Сычёвский р-н); *вытáскивать* (Сычёвский р-н); *снимáть* (Сафоновский р-н) [Королькова (рук.)].

В Поволжье для названия процесса извлечения колодки используются слова *выбивáть* в Пензенской области (Городищенский, Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Тереньгульский р-н). [Королькова 2020: 72]; *вынимáть* в Пензенской области (Белинский р-н) и в Ульяновской области (Николаевский р-н) [Королькова 2020: 72].

По причинам, указанным в разделе с описанием битья валенка на колодке, а также из-за разницы залогов в словах, обозначающих воздействие на колодку и действие самой колодки, возможно только сравнение единиц, совпадающих по агенту. В подгруппе представлена только общерусская лексика.

Опаливание валенка. В качестве финальной обработки готовый черный валенок опаливали на открытом огне.

На Смоленщине для наименования этого действия использовались глаголы: *обжéчь / обжигáть* (Хиславичский р-н); *обпáливать* (Шумячский р-н); *опáливать* (Шумячский р-н); *палíть* (Сафоновский и Шумячский р-ны); *поджигáли* (Сычёвский р-н); *подпáливать* (Сычёвский р-н); *полóть* (Сычёвский р-н) [Королькова (рук.)].

Для наименования процесса опаливания валенка в Поволжье зафиксированы слова *обжигáть* в Пензенской области (Бессоновский, Шемышейский р-ны) [Королькова 2020: 73]; *палíть* (*опáливать*, *подпáливать*, *попалíть*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Майнский, Николаевский, Новоспасский, Радищевский р-ны) [Королькова 2020: 73].

Лексика для обозначения этого понятия в двух регионах преимущественно совпадает. Общими терминологическими наименованиями в данной подгруппе являются общерусские слова с корнями *-жеч/-жиг-* (*обжéчь*, *обжигáть*) и *-пал-* (*палíть*, *опáливать*, *подпáливать*, *попалíть*, *полóть*).

Чистка пемзой. Белый валенок не опаливали, его чистили пемзой, специальным пористым камнем белого цвета. Для наименования процесса очистки валенка используются общеупотребительные в говорах слова.

В Смоленской области это слова: *обчесывать* (Сычёвский р-н); *чи́стить* (повсем.) [Королькова (рук.)].

Для чистки пемзой в Поволжье использовались глаголы *чи́стить* (повсем.) [Королькова 2020: 74] и *ши́ркать* в Пензенской области (Бессоновский р-н) [Королькова 2020: 74].

Терминологическим наименованием является общерусское слово *чи́стить*. Слова *обчесывать* и *ши́ркать* являются описательными для данного процесса и диалектными с широким ареалом распространения.

5.4. Изделие

Валяная обувь. Общим названием для всей валяной обуви в Поволжье и на Смоленщине является общерусское и общеупотребительное слово *ва́ленки* (повсем.). Все наименования валяной обуви и ее подвидов по сфере функционирования относятся к общераспространенной лексике.

В Смоленской области как общие названия валенка зафиксированы следующие диалектные слова: *ва́лик* (Дорогобужский, Монастырщинский р-ны) [ССГ 2: 14]; *ва́личек* (Глинковский р-н) [ССГ 11: 188]; *ва́ленка* (Краснинский, Руднянский, Смоленский р-ны) [ССГ 2: 14]; *ка́танок* (Глинковский, Демидовский, Духовщинский, Ершичский, Починковский, Рославльский, Руднянский, Смоленский, Угранский, Хиславичский, Шумячский, Ярцевский р-ны) [ССГ 5: 22]; *теплые сапоги́* (Гагаринский, Сычёвский, Тёмкинский р-ны) [ССГ 10: 178].

В Поволжье зафиксированы следующие общие названия валяной обуви: *ва́лены* в Республике Мордовии (Ромодановский р-н) [СРГРМ 1: 50]; *карта́ги* в Самарской области (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 141]; *ка́танки* в Самарской области (Алексеевский, Красноармейский р-ны) [Баженова 2020: 141]; *сапоги́* в Пензенской области (Белинский р-н) и в Ульяновской области (Засвияжский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 77]; *теплушо́к* в Республике Мордовии (Дубёнский, Большеигнатовский, Ромодановский р-ны)

[СРГРМ 2: 32-33]; *чихчу́р* в Республике Мордовии (Рузаевский р-н) [СРГРМ 2: 180]; *хадáр* в Республике Мордовии (Зубово-Полянский р-н) [СРГРМ 2: 123].

Кроме названия *валенки*, общими для двух групп говоров также являются слова *ка́танки* (*ка́танок*) и *сапоги́* (*теплые сапоги́*), другие названия изделия демонстрируют различия в говорах. Необходимо отметить заимствованные в русский язык слова *чихчу́р* и *хадáр* в мордовских говорах.

Есть названия и для некоторых *подвидов валенок*. Так, на Смоленщине для наименования старых обрезанных валенок использовались слова *обреза́нец* (Дорогобужский, Духовщинский р-ны) [ССГ 7: 136]; *обреза́ник* (Духовщинский, Ельнинский, Починковский, Смоленский, Холм-Жирковский р-ны); *обреза́нка* (Дорогобужский р-н) [ССГ 7: 136]. Существуют названия валенок, отличающихся по качеству: для хорошо, прочно сваленных валенок — *бу́тики* (Демидовский, Краснинский, Монастырщинский, Смоленский, Хиславичский р-ны) [ССГ 1: 180], а для плохо сделанных валенок — *недова́лки* (Сычёвский р-н) [Королькова (рук.)]. Противопоставлены валенки ручного изготовления — *ручнóй ва́лки* (Сычёвский р-н); *ручнóе* (Сычёвский р-н); *самова́лка* (Дорогобужский, Сычёвский, Хиславичский р-ны) [ССГ 9: 159; 17], и машинной валки, изготовленные в фабричных условиях — *госуда́рственные* (Хиславичский р-н); *машинной ва́лки* (Сычёвский р-н) [Королькова (рук.)].

Тонкие и мягкие валенки до колена из чесаной шерсти, надеваемые под калоши, называются *чёсанки* повсеместно в Пензенской, Ульяновской и Самарской (Алексеевский, Исаклинский, Красноярский, Шигонский р-ны) областях [Королькова 2020: 78; Баженова 2020: 142; СРГРМ 2: 172; Мызникова (рук.)], а также *чёска* в Республике Мордовии (Ромодановский р-н) [СРГРМ 2: 172] и *полува́ленки* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 78]. Для валенок, изготовленных в домашних условиях, в Поволжье есть названия *самору́чный* в Ульяновской области (Чердаклинский р-н) [Мызникова (рук.)]; *самова́лки* в Ульяновской области (Николаевский р-н) [Королькова 2020: 81], однако для валенок фабричной валки специального названия не зафиксировано.

Низкие валенки (или с обрезанным голенищем) бывают разной высоты и имеют значительное количество наименований: *бу́рки* ‘короткие валенки’ в Республике Мордовии (Ромодановский р-н) [22: 39–40], в Пензенской области (Вадинский, Городищенский р-ны) [Королькова 2020: 79]; *валёшки* ‘короткие валенки’ в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 79]; *галóшка* ‘валенки с загнутым или обрезанным голенищем’ в Республике Мордовии (Темниковский р-н) [22: 96]; *калі́шки* ‘низкая валяная обувь’ в Ульяновской области (Чердаклинский р-н) [Мызникова (рук.)]; *кало́ши (галóши), валяные кало́ши* ‘короткие валенки с отворотами’ в Нижегородской области (Семёновский р-н) [ДСНО 2: 49], в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Майнский р-н) [Королькова 2020: 80]; *ка́танки* в Ульяновской области (Засвияжский р-н) [Королькова 2020: 81]; *коты́* ‘короткие валенки’ в Пензенской области (Белинский, Городищенский р-ны), в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 81], в Самарской области (Безенчукский, Кинель-Черкасский р-ны) [Баженова 2020: 141]; *молодежные (валенки)* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 81]; *опа́alinka* ‘обрезанный валенок’ в Республике Мордовии (Ковылкинский р-н), ср. *галóшка* [22: 186]; *опо́рки* в Ульяновской области (Засвияжский р-н) [Королькова 2020: 81]; *полува́ленки* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 79]; *полусапо́жки* в Пензенской области (Шемышейский р-н) [Королькова 2020: 80]; *получёсанки* в Пензенской области (Бессоновский р-н) [Королькова 2020: 80]; *сту́пни* в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 81]; *чевері́чки* в Республике Мордовии (Лямбирский р-н) [СРГРМ 2: 160]; *чува́йки* в Республике Мордовии (Кочкуровский р-н) [СРГРМ 2: 183]. Кроме того, отдельно информантами вычленяется очень низкая домашняя валяная обувь, которая в Поволжье имеет названия: *валя́лы* в Нижегородской области (Воротынский р-н) [ДСНО 2: 49]; *чу́ни* в Республике Мордовии (Ардатовский, Ельниковский, Лямбирский р-ны) [СРГРМ 2: 186] и в Самарской

области (Большечерниговский, Красноярский р-ны) [Баженова 2020: 142]; *чу́ньки* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 80] и в Ульяновской области (Мелекесский р-н) [Мызникова (рук.)]. Кроме того, зафиксированы названия *ва́льный носо́к* ‘вид валенок с широким голенищем с запахом’ в Нижегородской области (Воротынский, Лысковский, Тонкинский, Тоншаевский р-ны) [ДСНО 2: 49]; *чурка́* ‘валенок на резиновой подошве’ в Мордовии (Чамзинский р-н) [22: 239].

Эта лексическая группа, как и предыдущая, имеет, в первую очередь, общеупотребительный характер и демонстрирует различия в говорах. Совпадает в этой обширной группе только слово для обозначения валенок ручной, кустарной валки — *самова́лки*. Для того чтобы сделать выводы о распространении в говорах наименований для подвидов валенок, как и для следующей группы — наименования калош, необходимы исследования других говоров.

Калоши. На валенки достаточно часто надевались специальные резиновые или каучуковые приспособления — *кало́ши* (повсем.).

В Смоленской области представлены диалектные слова *бахи́л* / *бахи́ла* (Велижский, Демидовский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Починковский, Рославльский, Руднянский, Сафоновский, Смоленский р-ны) [ССГ 1: 135]; *бахило́к* (Сафоновский р-н) [ССГ 1: 135]; *тихосту́п* (Сафоновский р-н) [ССГ 10: 183]; *кама́ша* (Руднянский р-н) [ССГ 5: 12].

В Республике Мордовии присутствует название для прообраза резиновых галош ‘высокой мягкой обуви из кожи, надеваемой на валенки’ — *чары́к* (Темниковский р-н) [СРГРМ 2: 157]. «Чары́к — устаревшая самодельная крестьянская обувь, изготавливаемая из сыромятной кожи, с зауженной передней частью, крючковатым, загнутым вверх носком, с боками, стягивающимися шерстяным шнурком. Шаумян. Азерб. ССР ⟨...⟩. Чарыки — черевики, женские чарки, чакчуры Ард. Нижегород.» (Даль) [РДЭС: 864].

Заготовка валенка. Валенки в процессе создания тоже имеют свои названия, выделяемые именно ремесленниками.

В Смоленской области для выкатанного, но еще не свалянного валенка существуют следующие названия: *большо́й ва́ленок*

(Шумячский р-н); *вы́катанный ва́ленок* (Шумячский р-н); *загото́вка* (Угранский и Хиславичский р-ны); *закла́дка* (Шумячский р-н); *сапо́г* (Сафоновский р-н); *фо́рма ва́ленка* (Хиславичи, Рославльский, Угранский, Хиславичский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)].

Для наименования скатанного, но не валяного валенка в Поволжье используются слова *загото́вка* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Николаевский р-н) [Королькова 2020: 92]; *ка́танка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 92]; *сапо́г (сапожо́к)* в Пензенской области (Городищенский р-н) и в Ульяновской области (Засвияжский, Радищевский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 92]; *фигу́ра ва́ленка* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 93]; *фо́рма (валенка, сапога)* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Вадинский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Николаевский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 93].

Во многом слова этой группы совпадают, за исключением *большо́й ва́ленок, вы́катанный ва́ленок, закла́дка* (от глагола *закла́дывать*) в значении ‘настилать шерсть для валенка’, а в Поволжье — *ка́танка* и *фигу́ра ва́ленка*.

Все слова для обозначения заготовки валенка являются узкораспространенными. Слова *загото́вка* и *фо́рма* являются общерусскими, другие слова являются диалектными.

Приготовленная к валянию настланная шерсть. В Смоленской области для настланной шерсти зафиксированы слова *вал* (Рославльский р-н); *куде́лька / куде́лица* (Хиславичский, Шумячский р-ны); *лист / листь / листки́* (Сафоновский [мн.], Шумячский р-ны); *пласт* (Хиславичский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)].

В Поволжье настланная для валяния шерсть имеет названия *кошма́* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 89]; *насти́л* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский р-ны) [Королькова 2020: 90]; *опо́лки* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 90]; *пласт* в Пензенской области (Городищенский р-н) и в Ульяновской области (Карсунский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 90]; *по́лка (по́лочка)* в Пензенской

области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Новоспаский р-ны) [Королькова 2020: 90]; *полотно́* в Пензенской области (Бессоновский, Вадинский, Шемышейский р-ны) [Королькова 2020: 91]; *пóлы* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 91].

Все слова, используемые для наименования приготовленной к валянию настланной шерсти, являются узкораспространенными и диалектными, за исключением слов *пласт* и *полотно́*, которые относятся к общерусским.

Части валяной обуви. Для наименования верхней части валенка все ремесленники используют общерусское слово *голенѝще*, а для задней части валенка — общерусское *пѝтка*. В Смоленской области для верхней части валенка также зафиксировано слово *гóлень* (Хиславичский р-н) [Королькова (рук.)]. Для названия передней нижней части валенка используются слова *голóвка* (Шумячский р-н); *нос* (Хиславичский р-н); *носóк* (Хиславичский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; для названия задней части *зад* (Сычѳвский р-н) и *зáдник* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)]. Для названия передней части валенка, соединяющей носок и голенище (верхнюю и нижнюю части валенка), используются наименования *мыс* (Сычѳвский, Хиславичский, Шумячский р-ны), *мысóк* и *мы́сик* (Шумячский р-н), *подъѳм* (Хиславичский, Шумячский р-ны). Для наименования нижней части валенка, соприкасающейся с землей, зафиксированы общерусское *подóшва* (Шумячский р-н) и *ступнѝ* (Хиславичский р-н); слово *ступнѝ* (Сычѳвский р-н) также зафиксировано в значении ‘нижняя часть обуви целиком’, что близко слову *lápa* в Поволжье.

Ремесленники в Поволжье выделяют значительное число наименований для частей изделия. Для наименования верхней части валенка зафиксировано общерусское *голенѝще* [Королькова 2020: 83] и слово *чулóк* (однократно) в Пензенской области (Шемышейский р-н) [Королькова 2020: 83]; кроме того, для удлиненной спереди части голенища валенка, прикрывающей колено, зафиксировано слово *kozyрек* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)]. Для наименования передней выступающей

части валенка используются слова: *голова́* (*голова́*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Майнский, Николаевский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 83]; *нос* (*но́сик*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Городищенский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Николаевский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 84]; общерусское *носо́к* в Пензенской области (Вадинский, Городищенский, Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Новоспасский, Ульяновский р-ны) [Королькова 2020: 85]; *шарла́пина* в Республике Мордовия (Ковылкинский р-н) [СРГРМ 2: 199]. Задняя нижняя часть валенка имеет названия: *за́дник* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 85]; *задо́вка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 85]; *пя́тка* (повсем.) [Королькова 2020: 85]; *запя́тка* в Самарской области (Большечерниговский р-н) [Баженова 2020: 141]; *запя́тник* в Самарской области (Безенчукский, Большечерниговский, Приволжский р-ны) [Баженова 2020: 141]. Для названия части валенка, соединяющей носок и голенище, используются слова: *мысо́к* (*мыски́*) в Пензенской области (Белинский, Мокшанский р-ны) [Королькова 2020: 86]; *подъе́м* в Пензенской области (Белинский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 86]; *щико́лки* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 86]. Часть валенка ниже щиколотки от пятки до носка целиком называется *ла́па* (*ла́пка*) в Пензенской области (Вадинский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 86] или *осно́вание* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 88]. Нижняя часть валенка называется *подбо́р* в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 88] или *подбо́шва* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) и в Ульяновской области (Карсунский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 88]. Кроме того, присутствует специальное название для украшения валенка *заворо́т* (*заворо́тик*) в Пензенской области (Белинский р-н) и в Ульяновской области (Карсунский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 88].

5.5. Материал

Основным материалом для валяния является овечья шерсть. Наименование *шерсть* является общерусским и повсеместным. По времени стрижки в году различают шерсть, состриженную весной и осенью. Для наименования шерсти, снятой осенью, зафиксировано общерусское *осённая шерсть*, а для шерсти, снятой весной, — *весённая шерсть*.

На территории Смоленской области зафиксированы слова *во́лна* (Дорогобужский, Духовщинский, Рославльский, Шумячский р-ны, повсем.) [ССГ 2: 70; 17]; *ру́на (ру́но)* (Дорогобужский, Монастырщинский, Хиславичский, Ярцевский р-ны); [ССГ 9: 146]; *шлёнка* ‘тонкая овечья шерсть’ (Кардымовский р-н) [ССГ 11: 148]. Для снятой осенью шерсти зафиксированы слова *осеньская* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)]; *осень* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)]; *осенка / вóсенка* (Монастырщинский р-н) [ССГ 7: 180]; *осени́на* (Починковский р-н) [ССГ 7: 180], а для шерсти, снятой весной, — *весна́* (Шумячский р-н); *по́лстовая шерсть* (Сафоновский р-н) [Королькова (рук.)]. Шерсть с молодой овцы в Смоленской области называется *по́ярка* (Велижский, Вяземский, Гагаринский, Демидовский, Духовщинский, Монастырщинский, Новодугинский, Сафоновский, Смоленский, Сычёвский, Тёмкинский, Хиславичский р-ны) [ССГ 8: 202]; *по́ярочка* (Смоленский р-н) [ССГ 8: 202]; *по́ярочный* (Дорогобужский, Починковский, Сафоновский, Сычёвский р-ны) [ССГ 8: 202].

Кроме слова *шерсть*, в Поволжье присутствует слово *на́стриг* в Ульяновской области (Мелекесский р-н) [Мызникова (рук.)]. Для чесаной шерсти, приготовленной для валяния, в Поволжье зафиксированы названия *поньё* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)]; *по́нька* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)]; *руно́* в Самарской области (Безенчукский р-н) [Баженова 2020: 142], *чёска* в Республике Мордовия (Дубёнский, Кочкуровский р-ны) [СРГРМ 2: 172]. Шерсть, состриженная весной, имеет названия: *верши́ник* в Республике Мордовия (Атюрьевский, Ковылкинский, Краснослободский р-ны) [СРГРМ 1:

76]; *вершиніка* в Республике Мордовия (Атюрьевский, Ковылкинский, Краснослободский р-ны) [СРГРМ 1: 76]; *весённый настриг* в Ульяновской области (Мелекесский р-н) [Мызникова (рук.)]; *весённый* в Республике Мордовия (Большеберезниковский р-н) [СРГРМ 1: 77]; *вешнік* в Республике Мордовия (Краснослободский, Лямбирский, Чамзинский р-ны) [СРГРМ 1: 81]; *вешні́ка* (*вишині́ка*, *вишині́га*, *вешні́га*, *весні́га*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Вадинский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Майнский, Старомайнский, Чердаклинский р-ны) [Королькова 2020: 97; 20], в Республике Мордовия (Атюрьевский, Атяшевский, Дубёнский, Ельниковский, Инсарский, Ичалковский, Ковылкинский, Кочкуровский, Краснослободский, Лямбирский, Рузаевский, Старошайговский, Темниковский, Торбеевский, Чамзинский р-ны) [СРГРМ 1: 81]; *вешні́ча* в Республике Мордовия (Чамзинский р-н) [СРГРМ 1: 81]; *вёшня* в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 98]. Для шерсти, состригаемой осенью, зафиксированы наименования: *осень* в Пензенской области (Белинский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Старомайнский, Чердаклинский р-ны) [Королькова 2020: 100; 20]; *осённый настриг* в Ульяновской области (Мелекесский р-н) [Мызникова (рук.)]. Шерсть, состригаемая с молодой овцы, называется *поярки* (*поярочки*) в Пензенской области (Белинский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Николаевский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 100]; *поярк* в Пензенской области (Белинский р-н) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский р-ны) [Королькова 2020: 101]; *поярковая шерсть* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 101]; *поярочная шерсть* в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский р-ны) [Королькова 2020: 101]. Кроме того, в Поволжье зафиксированы названия для шерсти с павшей овцы, которая обычно не использовалась для валяния, но иногда ошибочно приносилась валяльщикам клиентами. Это слова: *мáрьяна шерсть* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 101]; *мертвая стрижка* в Пензенской области (Вадинский р-н) [Королькова 2020: 102]; *мертвая шерсть* в Ульяновской области (Майнский, Новоспасский р-ны)

[Королькова 2020: 102]; *мертвяк* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 102]; *третья стрижка* в Пензенской области (Бессоновский р-н) [Королькова 2020: 102]; *шубка* в Пензенской области (Бессоновский р-н) [Королькова 2020: 103].

Из чесальной машины шерсть выходит ровным пластом, что учитывается мастерами при работе и отражается в номинации реалии.

Свернутая чесаная шерсть в Смоленской области имеет названия *моток / мото́чек* (Сафоновский р-н); *руло́нчик* (Хиславичский р-н) [Королькова (рук.)].

В Поволжье для этого служит слово *руло́н* в Пензенской области (Белинский, Вадинский, Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Радищевский р-н) [Королькова 2020: 89].

Все наименования шерсти (в т. ч. и для свернутой чесаной шерсти) в говорах относятся к общераспространенной лексике, так как различные работы, связанные с шерстью, входят в овцеводство как часть хозяйственного процесса, а также в прядение, вязание и другие виды рукоделия. К общерусским однозначно можно отнести только слово *шерсть* и наименования для свернутой чесаной шерсти; все остальные слова, предположительно, регионально ограничены.

5.6. Наименования инструментов и приспособлений

Инструменты для чесания. Среди инструментов для чесания зафиксированы наименования для старого инструмента и для современной электрической машины.

В Смоленской области для наименования старого инструмента для чесания (битья) шерсти присутствует название *брында* (Ельнинский, Монастырщинский, Починковский, Рославльский, Руднянский, Смоленский, Сычёвский, Хиславичский, Шумячский) [ССГ 1: 267], для нового инструмента зафиксированы слова *волночёска* (Рославльский, Угранский, Хиславичский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *машина* (чесальная) (Сычёвский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *чесальная машина* (Сафоновский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)]; *чесальня* (Сафоновский р-н) [Королькова (рук.)];

чѣска (Хиславичский р-н) [Королькова (рук.)]; *шерстобѣтка* (Починковский, Сафоновский, Смоленский, Сычёвский, Угранский р-ны) [ССГ 11: 138; 17].

В Поволжье, как и в других регионах, использовались и старый, ручной, и электрический инструменты для чесания шерсти. Для названия ручного инструмента присутствует общее название *шерстобѣтка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 104], (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 142], а также слова, обозначающие как часть инструмента, так и инструмент целиком: *лучок* (лук) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 104], (Алексеевский, Богатовский р-ны) [Баженова 2020: 141]; *решетка* в Ульяновской области (Засвияжский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 104]; *станок* (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 142]; *струна* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Тереньгульский р-ны) [Королькова 2020: 104], (Безенчукский, Красноярский р-ны) [Баженова 2020: 142]. Электрическая машина для чесания шерсти в Поволжье повсеместно называется *чѣска* [Королькова 2020: 107; Баженова 2020: 142; СРГРМ 2: 172]; *чесалка* в Пензенской области (Вадинский, Городищенский р-ны) и в Ульяновской области (Ульяновский р-н) [Королькова 2020: 107]; *чесальная машина* в Пензенской области (Бессоновский р-н) и в Ульяновской области (Новоспаский р-н) [Королькова 2020: 108]; *шерстьчесалка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 107].

Части машины. Из частей чесальной машины в Смоленской области для наименования вала используются слова *барабан* (Хиславичский р-н) и *валик* (Рославльский, Хиславичский р-ны) [Королькова (рук.)], и слово *одежда* в значении 'иглы на валике волночѣски' (Глинковский р-н) [ССГ 7: 156].

Части машины в Поволжье имеют названия *барабан* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 108]; *боёк* в Пензенской области (Белинский р-н) и в Ульяновской области (Тереньгульский р-н) [Королькова 2020: 104]; *стойка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 106].

Ткань для настиланья. Для наименования ткани, на которую настиляется шерсть для будущего валенка, в Смоленской области используется два общерусских слова: *прóстынь* (-ня) (Сафоновский, Хиславичский, Шумячский р-ны) и *тря́пка* (Хиславичский, Шумячский р-ны) [Королькова (рук.)].

В Поволжье зафиксировано довольно много слов: *вал* (Большечерниговский, Красноярский р-ны) [Баженова 2020: 141]; *валóвище* (*валóвища*) в Нижегородской области (Варнавинский, Воротынский, Сергачский, Уренский, Шахунский р-ны) [ДСНО 2: 47], в Республике Мордовии (Зубово-Полянский р-н) [СРГРМ 1: 62]; *пелёнка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 109]; *пласт* в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 109]; *повáл* в Пензенской области (Белинский р-н); в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 109]; *повáльный* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 109]; *пóлог* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 109]; *полотéнце* в Пензенской области (Бессоновский р-н) [Королькова 2020: 110] и *полотнó* (Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский р-ны) [Королькова 2020: 110]; *прóстыня́* (*прóстынь*) в Пензенской области (Бессоновский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Майнский, Радищевский р-ны) [Королькова 2020: 111]; *сетка* (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 142]; *тря́пка* в Пензенской области (Белинский, Вадинский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Майнский, Николаевский, Радищевский р-ны) [Королькова 2020: 111].

Наименования для ткани можно разделить по внутренней форме на две группы:

- наименования, в основе образования которых лежит функциональная составляющая: *повáл*, *повáльный* / *повáльное*, *пóлог* и *пласт*;
- наименования, в основе образования которых лежат названия материала: *холст*, *прóстынь* / *прóстыня́*, *полотнó*, *полотéнце*,

пеленка, сетка, тряпка. Для слов, образованных от наименования функции данного приспособления, подобных значений в рамках общерусского языка не существует. На территории Смоленской области представлены только слова с общерусским значением.

Выкройка. Чтобы первично получить форму валенка и чтобы будущее изделие не слиплось посередине во время валяния, ремесленники использовали сделанную из непромокаемого материала выкройку в виде большого валенка.

В Смоленской области *выкройка* (общерусское название) имеет названия *вы́резка* (Хиславичский р-н); *лекáло* (Сычёвский р-н); *тряпка* (Хиславичский, Сычёвский р-ны); *флажók* (Шумячский р-н); *фóрма* (*хóрма*) (Шумячский р-н); *шаблón* (Угранский р-н) [Королькова (рук.)]. В редких случаях в качестве разделителя шерсти внутри будущего валенка могли использовать солому (Сафоновский р-н).

Выкройка для валенка в Поволжье повсеместно называется *выкройка* в Пензенской и Ульяновской области [Королькова 2020: 112], а также *вы́резки* в Нижегородской области (Выксунский р-н) [ДСНО 2: 173]; *картóнка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 113]; *лекáло* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 113]; *макét* в Пензенской области (Шемышейский р-н) [Королькова 2020: 113]; *проклáдка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 114]; *фóрма* (ноги, валенка) в Пензенской области (Вадинский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 114]; *шаблón* в Пензенской области (Мокшанский р-н) [Королькова 2020: 114].

Понятие *вы́кройка*, или *лекáло*, существует в ряде разных ремесел (сапожное дело, шитье, корабельное дело, оружейное дело, черчение и др.), поэтому слова, служащие для обозначения этого инструмента, по большей части, имеют общерусский характер, за исключением диалектизмов *вы́резки* и *картóнка*.

Стол. Для валяния валенка с водой используется специальный стол, иногда со встроенным котлом, где кипятят воду, а в других случаях — просто с бортами и небольшим наклоном для стекания воды. Слово *стол* является общерусским и общераспространенным.

Для наименования стола в Смоленской области используются слова *верста́к* (Сычёвский р-н); *полóк* (Сафоновский р-н); *сті́рка* (Шумячский р-н) [Королькова (рук.)].

В качестве стола для валяния в Поволжье довольно часто используется стол под общерусским названием *верста́к*, но кроме этого зафиксированы названия специально оборудованного для валяния стола: *котел* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 114]; *полóк* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский р-ны) [Королькова 2020: 114]; *сті́рка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) [Королькова 2020: 114]. В стол под названием *котел* вмонтирована печь, а над ней собственно котел, в котором кипит вода, образуя нужный для валяния пар. Кроме того, зафиксировано название для деревянной решетки, на которой валяют сукно: *ва́льница* в Республике Мордовии (Рузаевский р-н [СРГРМ 1: 63].

Среди наименований стола для валяния присутствует слово, обозначающее рабочий стол в разных ремеслах (столярном и др.), — *верста́к*. Региональные особенности проявляются в остальных словах — *котел*, *полóк*, *сті́рка*.

Раствор. Во время валяния валенка с водой некоторые мастера используют кислоту или медный купорос, чтобы шерсть быстрее и лучше сваливалась. В Смоленской области применение раствора является непрестижным, поэтому информанты реже употребляют названия для раствора: *кислотá* (Сычёвский, Хиславичский, Шумячский р-ны) и *купоро́с* (Сафоновский р-н) [Королькова (рук.)].

В отличие от Смоленской области, на территории Поволжья будущий валенок обязательно замачивают в горячей воде практически всегда с добавлением в нее какого-то вещества, помогающего скреплению шерсти. Таким образом, для наименования раствора для замачивания валенка в Поволжье присутствуют слова: *заква́ска* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) и в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 115]; *квасцы́* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Кузнецкий, Мокшанский р-ны) [Королькова 2020: 115]; *кислотá* (*комуля́торная кислотá*, *се́рная кислотá*, *соля́ная кислотá*, *щёлочная кислотá*) повсеместно в Пензенской и Ульяновской области [Королькова 2020:

116]; *кислѡтная вода* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 117]; *купорѡс* (*валяльнѡй купорѡс*, *мѣднѡй купорѡс*) в Пензенской области (Белинский, Вадинский, Городищенский, Кузнецкий, Мокшанский, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 117]; *купорѡсное мѡсло* в Пензенской области (Белинский, Бессоновский р-ны) [Королькова 2020: 118].

Все слова, служащие для обозначения раствора, образованы от названия вещества — *кислотѡ*, *купорѡс* и *квасцы* / *заквѡска*, но региональные особенности проявляются только в последнем случае.

Инструменты до колодки. Перед надеванием валенка на колодку для его формирования использовались более грубо вытесанные деревянные бруски, внешне похожие на колодку. Они использовались для придания валенку соответствующей формы.

В Смоленской области для их названия используются слова *качу́лка* / *качу́лочки* / *качѣлочки* (Шумячский р-н); *колѡдочки* (Шумячский р-н); *прибѡры* (Сычѣвский р-н) для верхней и нижней части, и *шѡрик* (Сафоновский, Сычѣвский р-ны) для нижней части [Королькова (рук.)].

В Поволжье для наименования округлых или плоских брусков, вставляемых в будущий валенок для придания ему формы до колодки, присутствуют слова: *бал* в Нижегородской области (Краснооктябрьский р-н) в значении 'рубчатый деревянный цилиндр, вставляемый в валенок, после чего валенок обрабатывают снаружи вальком для уплотнения' [ДСНО 1: 57]; *вальѡн* в Нижегородской области (Ковернинский р-н) [ДСНО 2: 49]; *выѡшка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н), причем как для более короткого цилиндра для стопы, так и для более длинного для голенища [Королькова 2020: 118]; *катѡк* в Пензенской области (Бессоновский, Вадинский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 119]; *кату́лька* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 119]; *болва́нка* в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 119]; *дубѡна* в Пензенской области (Вадинский р-н) [Королькова 2020: 119]; *чу́шка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) и в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 120], в Самарской области (Большечерниговский р-н) [Баженова 2020: 142]; *чу́рка*

в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 120]; *шпарёк* в Ульяновской области (Старомайнский р-н) [Мызникова (рук.)]; *юлка* в Пензенской области (Бессоновский р-н) и в Ульяновской области (Карсунский, Майнский р-ны) [Королькова 2020: 120].

В Ульяновской области в том же районе даже зафиксировано выражение *довести́ на шпарька́х* в значении ‘усадить валяный сапог перед его окончательной обработкой на колодке’ [Мызникова (рук.)].

Практически все наименования инструментов, используемых перед колодкой, имеют региональный характер, часть из них происходит от наименований короткого обрубка дерева: *выюшка*, *болванка*, *дубина*, *чушка*, *чурка*.

Общее название колодки. Наиболее широко известным словом для обозначения этого инструмента, а в Смоленской области и единственным основным названием является слово *коло́дка* (повсем.).

Кроме этого, в Поволжье, в Нижегородской области, зафиксировано слово *выправка* (Боровичский, Городецкий, Ковернинский р-ны) [ДСНО 2: 171].

Части валяльной колодки. Пояснение наименований для частей валяльной колодки требует обратиться к ее внешнему виду. Она состояла из четырех или шести частей: (1) переднего нижнего элемента, формирующего переднюю выступающую часть валенка, охватывающую

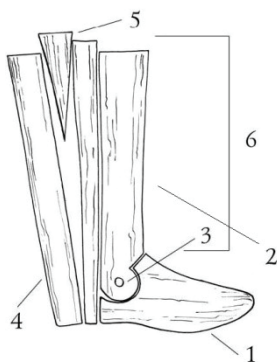

Рис. 1. Колодка для валяной обуви и ее части

Fig. 1. Lasts for felted shoes and its parts

стопу; (2) переднего верхнего элемента, который служил для формирования передней стороны голенища валенка и мог крепиться к нижнему посредством (3) небольшого поворотного механизма или, в редких случаях, составлял единое целое с передним нижним элементом; (4) задней и (5) центральной частей колодки, служащих для формирования голенища и определения его ширины, а также всей верхней части колодки как единой детали, имеющей общее название (6).

В Смоленской области вся передняя нижняя часть валенка, охватывающая стопу, (1) имеет названия: *кало́шина* (Хиславичский р-н); *коло́дка* (*коло́дочка*) (Сафоновский, Шумячский р-ны); *подо́шва* (Рославльский р-н); *ступня́* (Сычёвский р-н); именно выступающая передняя часть называется *голо́вка* (Шумячский р-н); *носо́к* (Шумячский р-н); *носо́чки* (Шумячский р-н). Передняя верхняя часть (2) именуется: *передня́к* (Шумячский р-н); *передняя часть* (Сычёвский р-н); *передо́к* (Сычёвский р-н). Вместо слова для поворотного механизма использовалось название, которое имеет эта часть обуви (3): *мыс* (*мысы́*) (Сафоновский, Сычёвский, Хиславичский р-ны); *мысо́к* (Сафоновский, Сычёвский р-ны). Задняя часть называется (4): *зад* (Сычёвский р-н); *за́дник* (Шумячский р-н); нижняя задняя: *пя́тка* (Сафоновский р-н); центральная часть колодки (5): *кля́нья* (*кля́нушек*, *кля́нышки*) (Сычёвский, Угранский, Хиславичский, Шумячский р-ны); *середня́к* (Шумячский р-н); *сре́дняя часть* (Сычёвский р-н). Наконец, наименования всей верхней части колодки (6) таковы: *зда́ние* (Сафоновский р-н); *па́лки* (Сычёвский, Шумячский р-ны); *прави́лы* (*пе́реднее* и *за́днее*) (Хиславичский, Шумячский р-ны); *прибо́ры* (Сычёвский р-н); *сто́йки* (Хиславичский р-н); *прави́лина* (Монастырщинский, Хиславичский р-ны) [ССГ 9: 5]; *прави́ло* (Демидовский, Монастырщинский, Починковский, Смоленский р-ны) [ССГ 9: 5–6].

Для наименования переднего нижнего элемента колодки (1) в Поволжье зафиксированы слова *голо́ва* (*голо́вка*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Майнский, Новоспасский р-ны) [Королькова 2020: 123]; *голяшка* в Самарской области (Шигонский р-н) [Баженова 2020: 141]; *ла́па* (*ла́пка*) в Пензенской области (Городищенский р-н)

и в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 124]; *нос* (*но́сик*) в Пензенской области (Бессоновский, Городищенский р-ны) и в Ульяновской области (Карсунский, Радищевский р-ны) [Королькова 2020: 124]; *носо́к* (*носо́чек*) в Пензенской области (Вадинский, Городищенский, Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Новоспасский, Ульяновский р-ны) [Королькова 2020: 124]; *оголо́вок* в Самарской области (Красноярский р-н) [Баженова 2020: 141]. Для наименования передней верхней части (2) присутствуют слова *переды́нка* в Ульяновской области (Засвияжский р-н) [Королькова 2020: 125]; *перё́дник* в Самарской области (Богатовский, Красноармейский р-ны) [Баженова 2020: 141]; *передо́вка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 125]; *перё́док* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 125] и в Самарской области (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 141]. Механизм, соединяющий носковую часть с передней верхней частью колодки (3), называется *вертушо́к* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 125]; *вя́зочка* в Пензенской области (Городищенский р-н) [Королькова 2020: 126]; *шарни́р* в Пензенской области (Кузнецкий, Шемышейский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский р-н) [Королькова 2020: 126]; *шпо́нка* в Пензенской области (Кузнецкий р-н) и в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 126]. Задняя часть колодки (4) имеет названия *зад* (*задо́к*) в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 126], в Самарской области (Алексеевский р-н) [Баженова 2020: 141]; *зады́нка* в Ульяновской области (Засвияжский р-н) [Королькова 2020: 127]; *за́дник* в Пензенской области (Бессоновский, Кузнецкий р-ны) [Королькова 2020: 127]; *задо́вка* в Пензенской области (Белинский р-н) [Королькова 2020: 127]; *заты́льная часть* в Ульяновской области (Новоспасский р-н) [Королькова 2020: 127]; *пя́тка* в Пензенской области (Шемышейский р-н) и в Ульяновской области (Карсунский, Радищевский, Ульяновский р-ны) [Королькова 2020: 127]; *пя́точная часть* (*пя́точная*) в Пензенской области (Шемышейский р-н) и в Ульяновской области (Карсунский р-н) [Королькова 2020: 127]; *пя́точник* в Ульяновской области (Ульяновский р-н) [Королькова 2020: 127].

Центральная часть колодки (5) повсеместно называется *клин* [Королькова 2020: 128, 17; 19: 141]. В Поволжье присутствуют слова: *расклинка* в Самарской области (Алексеевский, Богатовский, Красноярский, Шигонский р-ны) [Баженова 2020: 142]; *середина* (*середінка*, *серёдка*, *середняя*) в Пензенской области (Белинский, Бессоновский, Вадинский р-ны) и в Ульяновской области (Засвияжский, Карсунский, Майнский р-ны) [Королькова 2020: 128]. Верхняя часть колодки (6) в целом имеет название *голеніще* [Королькова 2020: 129].

Названия для частей валяльной колодки разнообразны на обеих обследованных территориях, все они терминологичны, присутствуют как диалектные, напр.: *передняк*, *здание*, *правілы* (*перёднее* и *зіднее*), *голяшка*, *передінка*, *оголовок*, *вертушók* и другие, так и общерусские, которые в большинстве составляют общую часть в этой тематической подгруппе: *подóшва*, *голівка*, *носók*, *зідник* и др.

6. Выводы. Заключение

По результатам представленного в статье анализа мы пришли к следующим выводам.

На проанализированном материале прослеживается специфика ремесленной лексики Поволжья (напр.: *валяла*, *купорóсить*).

В лексике Смоленщины выявлены характерные, отличные от других обследованных территорий черты, кроме того, ярко проявляются черты пограничных говоров (юго-западная часть Смоленской области граничит с Белоруссией) — напр.: *бры́ндоус*, *во́лна*, *дра́чка*.

Сопоставительный анализ лексики показал (а) наличие общей лексики в представленных терминосистемах, в т. ч. и диалектной по региональному распространению (напр.: *ва́льщик*, *самова́лки*, *чёска*), что позволяет выделять некоторый общерусский пласт ремесленной лексики; (б) наличие территориального варьирования анализируемых лексических единиц, что еще не позволяет проверить гипотезу о совпадении или несовпадении этого варьирования с границами существующих групп говоров, но показывает потенциальную

возможность для такого анализа в будущем. Кроме того, это позволяет с уверенностью утверждать, что ремесленная лексика принадлежит к составу диалектной терминологии, и что «богатство диалекта специальной лексикой, соответствующей хозяйственному укладу данной местности, является одной из характерных особенностей диалектной лексики» [Аванесов 1949: 177].

На основании проведенного исследования можно выделить опорные понятия, которые являются наиболее репрезентативными для оценки региональной вариативности, так как при богатстве материала являются разными по особенностям функционирования. К опорным понятиям этой лексической группы можно отнести названия для деятеля, общие названия деятельности, названия некоторых конкретных процессов создания валенка (настиление шерсти, формирование заготовки и битье на колодке), названия подвидов валенок, некоторые названия шерсти (шерсть, состригаемая весной, и шерсть с молодой овцы), инструменты для трепания и чесания шерсти, а также инструменты, используемые перед колодкой. Эти же опорные понятия можно использовать для дальнейшего анализа этой лексической группы на более широком материале.

В заключение хотелось бы сказать, что проделанная работа составляет часть исследования, необходимого для всестороннего описания ремесленной лексики как языкового феномена. Проведенный лингво-географический анализ ремесленной лексики является основой, в том числе, и для составления в будущем карт «Лексического атласа русских народных говоров» по разделу трудовой деятельности, посвященному этому ремеслу. Словарные данные не позволят составить полной карты, необходимы дополнительные полевые обследования.

Продолжая данное исследование, необходимо изучить региональное варьирование данного специального материала, исследовать ремесленную лексику в историческом аспекте и системный и лексико-семантический аспекты ее функционирования и составить сводный словарь ремесленной лексики по результатам сбора и анализа материала.

Автор благодарит Я. В. Мызникову за предоставленные полевые материалы и научный коллектив за помощь и поддержку в работе.

Литература

- Аванесов 1949 — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949.
- Блинова 1962 — О. И. Блинова. Производственно-промысловая лексика старожильческих говоров с. Вершинина Томской обл. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск: Томский государственный университет, 1962.
- Борисова 1974 — Е. Н. Борисова. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск: Ред.-изд. совет Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса, 1974.
- Бояринова (ред.) 2015 — Л. З. Бояринова (ред.). Смоленские говоры: коллективная монография. Смоленск: Свиток; Смоленский государственный университет, 2015.
- Бояринова 1979 — Л. З. Бояринова. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица женского пола в говорах Смоленской области. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 1979.
- Граве 1970 — Л. В. Граве. Экспрессивная лексика со значением лица в смоленских говорах // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Ученые записки Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса. 1970. Вып. XXII. С. 179–197.
- Иванова 1953 — А. И. Иванова. Фонетика говоров Слободского района Смоленской области // Ученые записки Смоленского государственного педагогического института им. К. Маркса. 1953. Вып. 2. С. 99–137.
- Картавенко 2012 — В. С. Картавенко. Становление региональной топонимической системы (западный регион России). Дисс. ... д. филол. наук. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2012.
- Королёва 1999 — И. А. Королёва. Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 1999.
- Королёва 2000 — И. А. Королёва. Становление русской антропонимической системы. Дисс. ... д. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2000.
- Королькова 2018а — М. Д. Королькова. Ремесленная лексика русских говоров Присурского Поволжья. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018.

- Королькова 2018b — М. Д. Королькова. Ремесленная лексика русских говоров Присурского Поволжья. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018.
- Королькова 2020 — М. Д. Королькова. Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. DOI: 10.30842/9785604483831.
- Максимчук 2012 — Н. А. Максимчук. Шумячское порубежье в именах и названиях. Ч. 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. Смоленск: Маджента, 2012.
- РДЭС — С. А. Мызников (сост.). Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- Рыко, Спиричева 2019 — А. И. Рыко, М. В. Спиричева. О критериях языкового профилирования речи носителей говоров русско-белорусского пограничья // Севернорусские говоры. 2019. Вып. 18. С. 115–132. DOI: 10.30842/01348515201907.
- СОС — В. Н. Добровольский (сост.). Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914.
- Трубаева 1997 — М. Н. Трубаева. Дублетно-синонимические отношения в лексике смоленского говора (на материале говора д. Высокая Слобода Ершичского района Смоленской области). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 1997.

Источники

- Баженова 2020 — Т. Е. Баженова. Тематический словарь самарских говоров. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020.
- ДСНО — Диалектный словарь Нижегородской области. Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2013–2021 (продолжающееся издание).
- Королькова (рук.) — М. Д. Королькова. Материалы экспедиции в Смоленскую область 2018 г. Рукопись.
- Королькова 2020 — М. Д. Королькова. Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье). СПб.: ИЛИ РАН, 2020.
- Мызникова (рук.) — Материалы экспедиций в Ульяновскую область с 2011 по 2018 г. Рукопись.
- ОСГКО — Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин: Калининский ГПИ им. М. И. Калинина, 1972.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28. Л.: ЛГУ, СПб.: СПбГУ, 1967–2020 (продолжающееся издание).
- СГП — А. Ф. Войтенко (ред.). Словарь говоров Подмосковья. Вып. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: МПУ, 1995.
- СРГБ — А. Ф. Манаенкова (ред.). Словарь русских говоров Белоруссии: ветковские говоры. Минск: Университетское, 1989.
- СРГРМ — С. А. Мызников, А. Н. Левичкин, А. А. Бурыкин, О. Д. Кузнецова. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб.: Наука, 2013.
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск: СГПИ им. К. Маркса; СГПУ, 1974–2005.
- Чумакова 1995 — Ю. П. Чумакова. Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань: Рязанский этнографический вестник, 1995.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль: Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

References

- Avanesov 1949 — R. I. Avanesov. *Ocherki russkoy dialektologii. Chast 1* [An outline of the Russian dialectology. Pt. 1]. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1949.
- Blinova 1962 — O. I. Blinova. *Proizvodstvenno-promyslovaya leksika starozhilchikh govorov sela Vershinino Tomskoy oblasti* [Craft and trade vocabulary of the old settler dialects in the village of Vershinino (Tomsk region)]. Author's abstract of a candidate thesis. Tomsk: Tomsk State University, 1962.
- Borisova 1974 — E. N. Borisova. *Leksika Smolenskogo kraja po pamyatnikam pismennosti* [Smolensk region vocabulary as represented in literary monuments]. Smolensk: Editorial and Publishing Council of the Smolensk State Pedagogical Institute named after K. Marx, 1974.
- Boyarinova 2015 — L. Z. Boyarinova (ed.). *Smolenskie govory: kolektivnaya monografiya* [Smolensk region dialects. A collective volume]. Smolensk: Svitok; Smolensk State University Press, 2015.
- Boyarinova 1979 — L. Z. Boyarinova. *Suffiksalknoe slovoobrazovanie imen sushchestvitelnykh so znacheniem litsa zhenskogo pola v govorakh Smolenskoy oblasti* [Suffixal formation of nouns denoting female humans as represented in the dialects

- of the Smolensk region]. Author's abstract of a candidate thesis. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 1979.
- Grave 1970 — L. V. Grave. *Ekspressivnaya leksika so znacheniem litsa v smolenskikh govorakh* [Expressive vocabulary items denoting persons as represented in the Smolensk region dialects]. *Voprosy teorii i metodiki izucheniya russkogo yazyka. Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Karla Marksa*. 1970. Iss. XXII. P. 179–197.
- Ivanova 1953 — A. I. Ivanova. *Fonetika govorov Slobodskogo rayona Smolenskoj oblasti* [Local phonetic features in the dialects of the Slobodskoy district, Smolensk region]. *Uchenye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Karla Marksa*. 1953. Iss. 2. P. 99–137.
- Kartavenko 2012 — V. S. Kartavenko. *Stanovlenie regionalnoy toponimicheskoy sistemy (zapadnyy region Rossii)* [Formation of a regional toponymic system (Western Russia)]. Author's abstract of a doctoral thesis. Smolensk: Smolensk State University, 2012.
- Korolyova 1999 — I. A. Korolyova. *Familii Smolenskogo kraja v proshlom i nashtoyashchem* [Smolensk region surnames, their past and present]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University Press, 1999.
- Korolyova 2000 — I. A. Korolyova. *Stanovlenie russkoy antroponimicheskoy sistemy* [Formation of the Russian anthroponymic system]. A doctoral thesis abstract. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2000.
- Korolkova 2018a — M. D. Korolkova. *Remeslennaya leksika russkikh govorov Priskurskogo Povolzhya* [A handicraft vocabulary of the Russian dialects of the Sura Volga region.]. Author's candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2018.
- Korolkova 2018b — M. D. Korolkova. *Remeslennaya leksika russkikh govorov Priskurskogo Povolzhya* [A handicraft vocabulary of the Russian dialects of the Sura Volga region]. Author's abstract of candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2018.
- Korolkova 2020 — M. D. Korolkova. *Materialy k slovaryu remeslennoy leksiki russkikh govorov (Priskurskoe Povolzhe)* [Materials for a dictionary of Russian dialectal handicraft terms (the Sura Volga region)]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2020.
- Maksimchuk 2012 — N. A. Maksimchuk. *Shumyachskoe porubezhye v imenakh i nazvaniyakh. Chast 1: Materialy k onomasticheskomu lingvokraevedcheskomu slovaryu* [The borderland region of Shumyachye as reflected in names and toponyms. Pt. 1. Materials for a local onomastic dictionary]. Smolensk: Madzhenta, 2012.
- Myznikov 2019 — S. A. Myznikov. *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar: Leksika kontaknykh regionov* [Etymological dictionary of Russian dialects. The vocabulary of frontier regions]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.

- Ryko, Spiricheva 2019 — A. I. Ryko, M. V. Spiricheva. O kriteriyakh yazykovogo profilirovaniya rechi nositeley govorov russko-belorusskogo pogranichya [On the language attribution criteria for the speech of the inhabitants of the Russian-Belarusian border area]. *Severnorrusskie govory* [Northern Russian dialects]. 2019. Iss. 18. P. 115–132.
- SOS — V. N. Dobrovol'skij. *Smolenskiy oblastnoy slovar* [Smolensk region dictionary]. Smolensk: Printing House P. A. Sylina, 1914.
- Trubaeva 1997 — M. N. Trubaeva. *Dubletno-sinonimicheskie otnosheniya v leksike smolenskogo govora (na materiale govora derevni Vysokaya Sloboda Ershichskogo rayona Smolenskoy oblasti)* [Relations between variants and synonyms in the vocabulary of a particular Smolensk region dialect (the dialect of the village of Vysokaya Sloboda, Ershichskiy district, Smolensk region)]. Author's abstract of a candidate thesis. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 1997.

Получено / received 27.03.2023

Принято / accepted 23.07.2023

Дискурс о психических расстройствах (на примере обсуждений БАР и депрессии на русском языке)

Е. А. Руднева

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
katja1985mt@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3502-4390

Аннотация. Анализируется дискурс о психических расстройствах на примере русскоязычных обсуждений двух из них — депрессии и биполярного аффективного расстройства (БАР) (ранее известного как маниакально-депрессивный психоз). Материал исследования составили публикации и комментарии в интернете, корпусные данные (привлекаемые для изучения особенностей употребления слов-наименований) и интервью. Выявляются современные тенденции (среди которых медиализация различных ощущений, нормализация психических расстройств, повышение их престижности), языковые средства и дискурсивные стратегии, задействованные в осмыслении психических заболеваний и разговоре о них.

Ключевые слова: дискурс о психических расстройствах, критический анализ дискурса, биполярное расстройство, депрессия, интервью, политкорректность.

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре». Автор выражает благодарность рецензенту журнала за ценные замечания, участникам интервью и К. С. Лукиной.

Russian mental health discourse: Evidence from discussions of bipolar affective disorder (BAD) and depression

Ekaterina A. Rudneva

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia);
katja1985mt@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3502-4390

Abstract. The boundary between the normal and the abnormal or between illness and healthiness runs along socio-cultural rather than medical lines. The article aims to reveal the modern trends, the linguistic means and discursive strategies applied in Russian to conceptualize mental problems, in particular those of bipolar disorder and depression. The analysis is based on a variety of publications and discussions gleaned from the Internet, corpus data (used as a source on the relevant terms and their history), and interviews. The main tendencies in the everyday discourse include medicalization of certain states and moods described as mental disorders, with corresponding assessment of their seriousness, and normalization of mental problems where it has come to be acceptable or even prestigious to publicly reveal one's diagnosis (mental disorder trendiness discourse). The concept of bipolar disorder has practically lost its connection with the old variant — manic-depressive syndrome, and the new lexical items (*bipolyarka*, *bipolyarochka*, *bipolyarnik*, *bipolyarschik*) are often associated with cultural phenomena perceived rather positively; the abbreviation *BAR* (Russian for BAD) proves to be the safest option for most contexts. The article proposes to distinguish a new meaning of *depressiya* 'depression' (not registered yet in dictionaries) — 'moping, collapse of strength', with widespread disputes currently underway regarding the competition between the two meanings. In the discourse, depression is not associated with socially disapproved behavior; there is less representation of activism in contrast to bipolar disorder. Analysis demonstrates that a person can be represented as mentally ill through various strategies: on the one hand, by referring to the fact that he has been diagnosed, taken specific medication or undergone treatment at a hospital; on the other hand, mental illness can be described as a violation of social norms, including those concerning communication. Discursive strategies of people who have not experienced mental disorder differ from those who have. When discussing mental illness, the latter often find no neutral language for it, resorting to prosodic means or using various sounds / gestures meant to reflect their emotions and serve as a means of referencing.

Keywords: mental health discourse, critical discourse analysis, bipolar disorder, depression, interviews, political correctness.

Acknowledgements: The research was supported by Grant No. 19-78-10081 of the Russian Science Foundation “Political Correctness in Russian Language and Culture”. The author would like to thank the journal reviewer for valuable comments, the interview participants, and K. Lukina.

1. Введение

Одно и то же состояние организма в каких-то сообществах считается болезнью, а в каких-то нет [Benedict 1934; Hanks, Hanks 1948] (см. также обзор в: [Reid-Cunningham 2009: 101–103]). Более того, представления о том или ином заболевании в одном и том же сообществе меняются со временем под влиянием социально-культурных, а иногда и экономических процессов [Kitanaka, Ecks 2021]. Эти представления создаются и проявляются через язык, или точнее дискурс, который в этой связи становится объектом социальных и антропологических исследований.

В последние годы дискурс о психических расстройствах претерпевает значительные изменения. Прежде всего, в публичное обсуждение включаются те диагнозы, которые ранее обсуждались преимущественно в медицинском контексте, такие как *биполярное аффективное расстройство* (БАР). Это наименование вытесняет старый вариант — *маниакально-депрессивный психоз* (МДП), что также сыграло существенную роль в изменении образа болезни. Во-вторых, появляются новые формы осмысления разных состояний психики, в т. ч. через терапевтический язык и коммуникативные практики, принятые в группах поддержки. Кроме того, просветительскую деятельность ведут «психоактивисты», заявляющие о правах людей с ментальными и психическими расстройствами [Бондаренко, Пичугина 2018]. Публикуются научно-популярные книги, в том числе

написанные от первого лица авторами, имеющими соответствующий опыт [Грэндин, Скариано 2018; Пушкина 2017]. Известные личности открыто заявляют о своем психиатрическом диагнозе. Вырабатываются «политкорректный» язык и новые модели построения разговора о тех состояниях, которые ранее считались болезнями, — в частности, позиционирование их как особенностей, вариантов нормы (в рамках идеологии *нейроразнообразия* [Ортега 2020]) и составляющих спектра.

Данное исследование является продолжением изучения наименований людей с инвалидностью в русском языке [Руднева 2022]. Участники некоторых интервью, проведенных на предыдущем этапе, отмечали, что категория психических заболеваний оказывается самой сложной для обсуждения. Тому есть две основные причины. Во-первых, не всегда очевиден статус человека, а именно: болен ли он. Во-вторых, долгое время люди с самыми разными диагнозами и жизненными обстоятельствами, оказавшиеся невстроенными в общество, были изолированы в специальных учреждениях — больницах или интернатах, — а сейчас обсуждаются альтернативные варианты оказания им помощи (подробнее см. [Руднева 2021]). В связи с этим возник интерес пристальнее посмотреть на дискурс о психических заболеваниях; позже, в процессе работы над статьей, вследствие разнообразия материала, оказалось необходимым сосредоточиться на конкретных диагнозах¹, а именно БАР и депрессии. В последней

¹ Кроме того, в данной статье не рассматриваются те категории, куда входят *БАР и депрессия: психические расстройства / болезни / заболевания, ментальные особенности / нарушения, нейроразнообразие*. Отметим лишь, что чаще категория *ментальные особенности* подразумевает интеллектуальные нарушения, но иногда также и психические (напр., [Гражданин 2017]). Схожее расширение произошло с *нейроотличием*, которое включает прежде всего *расстройства аутистического спектра*, однако сейчас используется и по отношению к «состояниям психического здоровья», таким как *биполярность и шизофрения* [Нейроразнообразие]. В данной статье используются выражения *психические заболевания и расстройства*, т. к. упомянутый выше эвфемистический вариант *ментальные особенности* имеет размытое содержание, а кроме того, критикуется за то, что скрывает проблему.

Международной классификации болезней они составляют категорию аффективных расстройств [МКБ-11], являются самыми известными из этой категории и широко обсуждаются. Кроме того, репрезентация биполярного расстройства особенно интересна в связи с произошедшим переименованием.

В статье описываются современные социокультурные тенденции, языковые средства и дискурсивные стратегии, задействованные в осмыслении психических заболеваний и разговоре о них. Особое внимание уделяется вариантам наименований расстройств и тому, как эти варианты соотносятся друг с другом. Демонстрируется, что границы между нормальным и ненормальным, между болезнью и здоровым состоянием проходят не только на медицинском, но и на социокультурном уровне. Конструирование этих отличий происходит в разных сферах: законодательстве, организации социальной работы и защиты, инфраструктуре помощи, медицине, повседневных практиках, в т. ч. коммуникативных; в рамках данного исследования нас интересует уровень дискурса, прежде всего публичного.

2. Антропологический взгляд на психические расстройства

Как отмечают антропологи, медицинские правила диагностики различаются в разных культурах и меняются со временем. Так, одно и то же состояние организма может описываться в разные периоды или в разных сообществах как *шизофрения*, *биполярное расстройство*, *депрессия* и пр. или не считаться болезнью вовсе. Антропологические исследования *депрессии* обнажают ту роль, которую играют в «медикализации нормального стресса» различные участники, включая фармацевтические компании [Kitanaka, Ecks 2021]. Кроме того, исследователи обращают внимание на разницу в том, как ставится диагноз в разных сообществах, в частности сравнивая практику американских и британских психиатров: по тем же симптомам первые скорее ставили диагноз *шизофрения*, а вторые — *маниакальная*

депрессия [Kendell et al. 1971]. Существенные различия в концептуализации обнаруживаются при сравнении более отдаленных в культурном плане сообществ. Так, в [Obeyesekere 1985] описан случай жителя Шри-Ланки, которому психиатры диагностировали депрессию, а в буддийском контексте его почитали за достижение просветления, потому что он видел мир полным страданий.

Антропологический подход позволяет представить заболевание, в частности биполярное расстройство, как культурное явление [Martin 2007]. Отмечается, что расширение понятия БАР оказывается выгодным для фармацевтических компаний, т. к. больше людей будет покупать соответствующие препараты [Moncrieff 2014]. Среди современных антропологических работ, выполненных на российском материале, хотелось бы отметить исследование К. С. Лукиной, где анализируется конструирование представлений о болезни и личности человека с БАР [Лукина 2022]. Автор описывает, каким образом практики нарративов и групп поддержки дают возможность представить свой жизненный опыт и отделить «я» «от хаоса заболевания».

Если обратиться к медицинской категории *психические расстройства*, мы обнаружим, что и она имеет подвижные границы. В последней Международной классификации болезней есть глава «Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейropsychического развития» [МКБ-11]. В нее входят *нарушения нейropsychического развития: нарушения интеллектуального развития* (ранее — *умственная отсталость*), *расстройства аутистического спектра, синдром дефицита внимания с гиперактивностью* и др.; *шизофрения и другие психотические расстройства*; *аффективные расстройства: биполярные 1, 2 типа, депрессивные, циклотимическое расстройство* и др. По сравнению с предыдущей версией [МКБ-10], меняются названия и категории, все больше расстройств представляется как спектр, многие из них перегруппированы, количество разделов увеличено с 11 до 21. Изменения в медицинской сфере происходят в том числе в области языка и также привлекают внимание исследователей-социологов [Савельева 2019].

С пересмотром медицинских категорий отчасти связаны перемены в публичном дискурсе, а также разнообразие бытующих

представлений. За исключением социологических исследований аутизма в России [Мухарямова и др. 2020, 2021; Савельева 2020, 2021²], мало работ, рассматривающих представления российского общества о психических расстройствах [Лукина 2022; Судьин 2014]. К теме обращаются психиатры, предлагая респондентам оценить стереотипы, которые они сформулировали сами, на основании своего опыта (см. напр., [Абрамова и др. 2016]). Представления обычных людей о психиатрии и заболеваниях иногда именуются «психиатрической мифологией», что отражает отношение медицинского сообщества [Абрамова и др. 2016; Скорик и др. 2009]. Подобные «мифы» описываются как преграды на пути людей к психиатрам и противопоставляются объективной, научной картине мира. В то же время, как известно, есть другая логика, когда научная модель рассматривается как одна из возможных и осмысливается критически. Можно говорить о разнообразии или спектре концептуализаций разных состояний организма, в том числе в научном поле, где происходят дискуссии о том, какие модели являются более и менее научными (см., напр., доклад Н. Чоуна про разные модели аутизма [Chown 2022]). При таком подходе представления психиатров — один из существующих вариантов моделирования.

3. Материал и методы исследования

Материал исследования составили:

— Научно-популярные книги; статьи, опубликованные в интернете на сайтах популярных СМИ и ресурсах по психологии, на сайтах медицинских учреждений и групп поддержки.

² В исследование включен анализ СМИ, который «позволяет наблюдать за репрезентациями проблемы РАС в медиа и дискурсивными «битвами» в блогосфере по поводу определения РАС, его причин и методов воздействия / бездействия (лечения / коррекции / вмешательств / сопровождения)» [Савельева 2021: 144].

Статьи выбирались через соответствующие поисковые запросы.

- Обсуждения в социальных сетях.
- Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)³ для проверки времени первой фиксации и частотности слов.
- 20 полуструктурированных интервью.

Здесь необходимо подробнее описать речевой материал, полученный в ходе интервью. Участниками стали по большей части мои родственники и знакомые из Санкт-Петербурга, мужчины и женщины, разного возраста, с высшим, неполным высшим или средним специальным образованием. Двое имели диагноз *биполярное расстройство* и одна проходила лечение от *депрессии* в психиатрической больнице. Кроме того, у близких родственников двух опрошенных диагностирована шизофрения. Часть участников интервью сами начинали рассказывать истории о своих близких или знакомых. В других случаях я спрашивала, знает ли собеседник кого-то с упомянутыми диагнозами, и в ответ кто-то рассказывал историю, а кто-то отвечал отрицательно (лишь один отказался, объяснив чувствительностью темы). Таким образом, данные интервью, с одной стороны, содержат суждения о словах, а с другой стороны, фрагменты разговора о психических расстройствах.

Основным ограничением исследования является выборка — жители большого российского мегаполиса, представители в целом одного социального среза, но разных поколений и с различным опытом. Кроме того, публичный дискурс, в том числе онлайн, представляет

³ Часть слов, используемых для обозначения психических расстройств, отсутствуют в Национальном корпусе русского языка: напр., запрос по словосочетанию *с ментальными особенностями* обнаруживает всего 1 результат, *биполярное расстройство* отсутствует вовсе. Поэтому был выбран один из доступных веб-корпусов, охватывающий коллекцию ресурсов Рунета (новостей, «ВКонтакте», «Живого Журнала», блогов «Мейл.ру», «Журнального Зала») из более чем 20 миллиардов слов.

только часть российского общества. Для описания неравномерного участия в дискурсе людей в зависимости от их диагноза и социального бэкграунда в статье используется метафорическая категория голоса. С ее помощью в антропологических исследованиях описывается выражение и создание агентности и властных полномочий в дискурсе (см., напр. [Annual Review of Anthropology 2014]). В материале интервью оказалась косвенная информация и о тех людях, кто не проходил обследование, не знает о своем состоянии ввиду социальных причин, и соответственно, чьи голоса не представлены в дискурсе.

Выявить и показать, как конструируются болезни и как сдвигается граница между нормальным и ненормальным, позволяет выбранный подход — *критический анализ дискурса*. Он демонстрирует, что большинство текстов не нейтральны: слова употребляются не случайно и можно выявить стоящие за ними смыслы и идеологии, далеко не всегда осознаваемые носителями языка и часто представляющие собой скрытые конструкты общества [Fairclough, Wodak 2010]. Так, в нашем случае, человек, который ищет в интернете информацию о заболевании и симптомах, скорее всего, обратится к источнику, явно или скрыто, вольно или невольно продвигающему определенную позицию относительно статуса данного *заболевания / расстройства / особенности*.

Собранный материал, прежде всего интервью, подталкивает к тому, чтобы опереться, помимо антропологической перспективы и критического анализа дискурса, на концепцию И. Гофмана, который предложил рассматривать психическое расстройство как нарушение правил поведения. Он отмечает, что «неуместное в данной ситуации» поведение выступает в качестве «явного знака психического расстройства» [Goffman 1963: 3]. При этом случаи «ситуативной неуместности, несомненно, не связаны с психическими расстройствами» [Goffman 1982: 141], и грань между интерпретацией поведения как «психически больного» или нормального оказывается тонкой и зависит от контекста.

Логика изложения результатов исследования выстроена таким образом: от рассмотрения названий двух конкретных диагнозов

и людей с ними (*Раздел 4*) — к анализу письменного дискурса о них (*Раздел 5*) и фрагментов разговоров о психических расстройствах (*Раздел 6*).

4. Наименования

Проблема вокруг названия группы людей свидетельствует о наличии социальной напряженности: «репрезентации черных людей, инвалидов или гомосексуалов не требуют эксплицитного определения доминирующих белых, людей без инвалидности, гетеросексуалов»; «те, кто проводят разграничения, имеют роскошь не выделяться эксплицитно» [Valentine 1998: 2.2]. В публичных обсуждениях наименований стигматизированных групп последовательно присутствует категория *политкорректности*, которую я предлагаю рассматривать как *языковую идеологию*. Под языковыми идеологиями понимаются «любые наборы представлений о языке, сформулированные пользователями в качестве рационализации или обоснования воспринимаемых языковых структур и пользования языком» [Silverstein 1979: 1]. Так же, как в случае критического анализа дискурса, отправная точка интереса к таким данным — взгляд на язык как на социальную практику и инструмент распределения и выражения власти. Это позволяет показать связь между суждениями о конкретных словах и индивидуальными предпочтениями с идеологиями более глубокого уровня. Идеология политкорректности касается не только того, как называть людей или явления, но и как говорить о них. Так, многим кажется важным не скрывать проблему за эвфемистическим выражением, а принимать болезнь.

Некоторые публикации в интернете освещают проблему наименований людей с психическими заболеваниями, предлагая заменяющие варианты. Один из таких источников — словарь «Такие дела», который содержит списки «некорректных» и тех, которые «лучше использовать» (к их созданию в качестве консультантов-экспертов

привлекались сотрудники некоммерческих организаций). Этот материал интересен с точки зрения того, какие слова считаются проблемой и соответственно какие группы людей — стигматизированными⁴ [Такие дела]. Категория психических расстройств включает среди прочих следующие пары: *биполярник* — человек с биполярным расстройством, *депрессивный человек* — человек с депрессией, *человек с опытом депрессии*; *шизофреник* — человек с диагнозом «шизофрения»; *умственная отсталость* — задержка или нарушение интеллектуального или психического развития; *олигофрен*, *дебил*, *имбецил*, *кретин* — человек с ментальными особенностями [Такие дела]⁵. Как видно, список содержит, за малым исключением, наименования людей, а не диагнозы — проблему составляет словоупотребление по отношению к конкретному человеку или группе. Кроме того, есть публикации, посвященные именно тому, как говорить о психических расстройствах — т. е. эта тема по крайней мере для кого-то составляет проблему (см., напр., [STOPSTIGMA, То-чего-нельзя-называть]).

⁴ Данный словарь содержит разнообразные слова, относящиеся к различным категориям людей, оказывающимся так или иначе исключенными из общества. Возникает ассоциация с идеями, изложенными в книге Мишеля Фуко [1997] — основоположника подхода к изучению языка как механизма власти и социальной практики. На материале текстов он демонстрирует, что для средневековой Европы характерно общее представление о неразумии, объединяющем все виды отклоняющегося поведения, куда среди прочего попадали венерические заболевания, бродяжничество, алхимия и душевные болезни. В XVIII веке, в эпоху «Великого Заточения», Европа «покрывается» местами изоляции, а именно тюрьмами, госпиталями и исправительными домами, между которыми зачастую не было принципиальной разницы, и под одной крышей оказываются «уголовные преступники, юноши, нарушавшие покой в своей семье или проматывающие ее состояние, подозрительные личности и умалишенные» [Фуко 1997: 71]. В категорию последних попадают те, кто «выпал из морального порядка», напр., женщина, скандально утверждавшая, что не любит и не обязана любить своего мужа [Фуко 1997: 148–149].

⁵ Такие «некорректные» выражения как *аутист*, *даун*, *дауненок*, *маразм* попали в другую категорию словаря — «заболевания и ограничения».

4.1. Биполярное расстройство, БАР, биполярник

Обращение к корпусным данным позволяет, во-первых, узнать историю слова, как давно оно вошло в язык, а во-вторых, сферу его употребления и распространенность. Если посмотреть корпусный материал, поиск по запросу «биполярное расстройство» в НКРЯ не обнаруживает результатов. Первое употребление, зарегистрированное в ГИКРЯ, относится к 2007 г. (относительная частотность низкая, *ipm* (instances per million) $\sim 0,07$), и в течение нескольких лет словосочетание встречается в основном в переводных статьях, часто с пояснением про старое наименование, напр., «также известное как маниакально-депрессивный психоз». Сейчас далеко не всегда дается старое название, по-видимому, из-за его стигматизации. Вторая вероятная причина — различия в содержании: БАР описывается как спектр с разными типами и не совпадает с МДП.

В расхождении двух концепций заболевания играет роль также массовая культура: так, в качестве примера можно привести песню рэп-исполнителя Оксимирона «Биполярочка» со словами «меня любит моя биполярочка». Единицы, ранее бывшие терминами, становятся более употребительными, в связи с чем образуются различные дериваты, используемые прежде всего в разговорной речи: *биполярка*, *биполярочка*; *биполярник*, *биполярщик*, *биполяришь*. Эти слова используются в прямом и переносном смысле.

Актуальные языковые идеологии касаются диминутивных суффиксов, которые могут соотноситься с представлениями о несерьезности заболевания: «биполярочка — это что-то про не определившихся со своим настроением подростков» [Бормотова 2022], «Бесит, когда БАР называют биполярочкой, а расстройство из-за пиджака, обкаканного голубем, и дождика — депрессией» (комментарий в социальной сети «ВКонтакте»). Внутри сообщества или в разговоре о себе используются самоназвания *биполярник* или *биполярщик*, в то время как в публичном дискурсе они могут быть восприняты негативно. Такое разделение нормативных установок — распространенное явление и затрагивает проблему идентичности через самоназвание.

Согласно мнению респондентов и анализу обсуждений, аббревиатура представляется безопасным вариантом, т. к. ассоциируется с более формальным стилем и в силу меньшей употребительности в разговорной речи менее стигматизирована. Как отмечает Ж., клинический психолог с диагнозом биполярное расстройство, аббревиатура имеет «некий налет официальности, нейтральности, такой отстраненности, объективности; эмоциональная связь с ней не такая сильная, как с полностью озвученным термином». Аббревиатура как единица более формального стиля используется обычно в тех случаях, когда речь идет именно о заболевании⁶.

4.2. Биполярное расстройство vs маниакально-депрессивный психоз

Старое название — *маниакально-депрессивный психоз* — вошло в употребление в начале XX века. Первые вхождения, представленные в НКРЯ, — цитаты из работы Бехтерева 1909 г., а первое упоминание в художественном произведении относится к 1931-му.

Редкий случай переименования пробуждает интерес к проблематике языковых идеологий и отношения к языковым вариантам. Как рассказала К., моя респондентка с БАР, «когда ты применяешь к себе слово психоз, честно говоря, внутри что-то переворачивается». Ж. также отметила и разницу в значении: «психоз — это просто неверное описание синдрома, неверное описание того состояния, что бывает при биполярном расстройстве», которое «далеко не всегда дает психоз». В публикациях на медицинских сайтах, а также иногда в группах поддержки, это название называется «старым», которому есть «современный» синоним.

Внутри сообществ людей с БАР наименования обычно не становятся предметом обсуждения. Более того, часть людей не связывает

⁶ Может использоваться также и код заболевания, напр.: «отдел кадров требует справку, почему я не работаю 25-часовыми сменами. У меня было f33.3, дают ли вообще подобные справки?» (реплика в социальной сети).

современный вариант со старым. Однако иногда высказываются мнения касательно этого сюжета, например, так пишет журналист с соответствующим диагнозом: «Большое спасибо врачам, что они подобрали такой приятный термин для названия моей болезни, ведь раньше, еще в советское время, это называлось “маниакально-депрессивный психоз” — согласитесь, это пугает». Однако, по мнению автора, «у приятного термина есть и обратная сторона: мало кто воспринимает болезнь с таким названием серьезно»; в то время как *маниакально-депрессивный психоз* звучит «внушительно» [Бормотова 2022].

Еще один лексический компонент, вызывающий негативные эмоции, это *маниакальный*. *Маньяк* является одним из самых стигматизированных слов⁷, судя по материалам интервью: «Это как бы преступник (...) *Маньяк*, конечно, это употреблялось именно в детективных историях» (М., 65 лет), «ну, маньяк, тот убивает, насилует» (П., 36)⁸. При этом иногда оказывается актуальной языковая идеология политкорректности, призывающая разорвать связь между этими двумя значениями: «И, плиз, не называйте убийц маньяками, это создает у людей неправильное представление о мании» (комментарий в социальной сети). Здесь интересно, что стигматизированным может оказаться не только название заболевания, но и его фаза — индикатором этого оказывается использование эвфемизма или избегание слова. Как отмечается в [Лукина 2022], при разговоре об активной фазе БАР часто вместо *мания* употребляется иная лексика: «подъем», «манечка», «реально потекла голова», «началось самое веселое», «понесло», «зажестил». В следующей реплике из социальной сети *гипомания* сокращается до первой части слова, в то время как название другой фазы приводится полностью: «В депрессивной фазе мне дико

⁷ Нужно отметить, что слово широко используется в переносном смысле, напр. *парфманьяки* [Признаки].

⁸ Предлагаемое для замены выражение *человек с маниакальным синдромом* [Такие дела], как отмечают участники интервью, может обозначать также и того, кого преследуют, «а маньяк это тот, кто преследует, чего-то добивается от окружающих».

тяжело работать. Суперсложно даже встать и идти на нее. А в *gune* такая продуктивная, с людьми становится так легко общаться, правда из-за того, что в голове сразу куча мыслей, сложно построить нормальную речь».

4.3. Депрессия

Слово *депрессия* давно вышло за рамки медицинского дискурса, укоренившись в общеразговорном языке. Между тем, конечно, оно является заимствованием и вначале встречалось сугубо в медицинских контекстах. Первое употребление, зарегистрированное в НКРЯ, относится к 1891 г., однако далее остается неупотребительным, частотность увеличивается в 1990–2000-х. Согласно результатам поиска в ГИКРЯ, слово оказывается наиболее частотным среди всех остальных психиатрических диагнозов (ipm по всему корпусу ~14,39, ср. *биполярное расстройство* ~0,07). Кроме того, используются жаргонные варианты *депрессняк* (по лемме в ГИКРЯ: ipm ~0,78) и *депрессня* (по лемме в ГИКРЯ: ipm ~0,01), *депрессуха* (по лемме в ГИКРЯ: ipm ~0,2), напр.: «весенние цветочки цветут, птички поют... ЛЕПОТА, одним словом. Какая тут может быть депрессуха?»; «городок, где обосранные падики гордо зовутся парадными, а осенняя депрессуха умножается в дох** раз», «ушла в депрессуху»⁹. В онлайн-сообществах также встречаются и другие жаргонные сокращения: «во время депры я искала самую простую работу рядом с домом, потому что сил не было на сложное».

В современных словарях зафиксировано только одно медицинское значение слова *депрессия*: напр., «угнетенное, подавленное психическое состояние, сопровождаемое физическим и духовным бессилием» [Кузнецов]. Между тем, как показывает анализ дискурса и соответственно смыслов, которые вкладывают в слово носители

⁹ Прилагательное *депрессивный* употребляется как в значении 'имеющий отношение к депрессии', напр., *депрессивная фаза*, так и в переносном, в разговоре о чем-то плохом или грустном.

языка, можно выделить два основных значения. Об этом речь пойдет в *Разделе 5.2*.

5. Основные социокультурные тенденции в репрезентации психических расстройств

Во-первых, меняются принципы и форматы диагностики. Ранее к психиатрам обращались только в крайних случаях, а открыто заявлять о наличии диагноза считалось стыдным. Сейчас свои услуги предлагают врачи частных клиник, обращение к которым не ведет к последующим ограничениям, но которые также могут выписать рецепт. Кроме того, психическими расстройствами занимаются разные специалисты, в т. ч. психологи и психотерапевты.

Во-вторых, дискурс меняется за счет формирования новых социальных траекторий: те, кто ранее считался изгоем, теперь получают возможности реализации и общения, без необходимости скрывать диагноз, напр., в группах поддержки, и таким образом могут вносить свой вклад в дискурс. Часто наличие диагноза не исключает человека из общества, а современные лекарства делают заболевание незаметным.

В-третьих, появились новые модели осмысления себя, напр., через терапевтический язык, который дает шаблоны того, как говорить о болезни, и предоставляет категории и дискурсивные практики. Кроме того, многие открыто заявляют о диагнозе, в том числе в различных видеointервью и показывают пример, в частности рассказывая, что постановка диагноза помогла им и разделила жизнь на «до» и «после» (напр., [Жизнь]; о нарративах см. также [Лукина 2022]). Кроме того, предлагаются новые концепции психических заболеваний. Те состояния, которые ранее считались болезнями, представляются как особенности или варианты нормы (напр., книга Роя Гринкера [2021] «Мы все ненормальные. История стереотипов психических заболеваний»). Наконец, для некоторых профессий, в частности творческих, наличие диагноза начинает расцениваться как

преимущество: «⟨...⟩ биполярным расстройством страдал художник Ван Гог — болезнь его терзала, но она же являлась и его источником вдохновения» [Пичугина 2022].

В-четвертых, в целом проблемы инвалидности, в том числе и психической, стали чаще обсуждаться в СМИ, во многом под влиянием деятельности активистов и некоммерческих организаций. В частности, в центре общественного внимания оказываются обитатели психоневрологических интернатов, которые ранее были изолированы от общества и о которых практически не говорили [Руднева 2021].

В-пятых, представления о состояниях организма неразрывно связаны с образами массовой культуры, во многом обуславливающими ролевые ожидания, нормы и соответственно «моду». Так, понятие *депрессии* связано с культурными явлениями, в частности «меланхолией» и «хандрой», которые оказываются приемлемыми и ожидаемыми в определенных сообществах и субкультурах, напр., *аниме* [Девочка 2021; Тороева 2020].

Теперь посмотрим на стандартную структуру статей, которые предлагает интернет по соответствующим запросам. Большинство из них содержит или отдельный экспертный блок, убеждающий в серьезности заболевания, или фрагменты, включающие статистику, исследования, цитаты экспертов. Многие публикации строятся как перечисление расхожих мифов и их развенчание: о депрессии [Сапожников 2020], БАР [Авдеева 2021], в целом о психических расстройствах [Медицинские]. Противопоставление наивных представлений и экспертных становится сюжетообразующим, напр.: «В России биполярным расстройством страдают не менее 3 миллионов человек. Каково жить с таким диагнозом? Как отличить настоящее БАР от мнимого (неслучайно болезнь называют “невидимкой”), и почему нынешняя мода ¹⁰ таит в себе опасности?» [Пичугина 2022]. После перечисления симптомов (часть из которых обнаруживается практически у каждого), описываются варианты лечения, а также предлагается

¹⁰ По наблюдениям участницы интервью, мода на БАР уже отходит, на группу поддержки приходит гораздо меньше людей с недавно поставленным диагнозом, популярнее становится диагноз «пограничное расстройство».

обратиться за помощью (напр., [Тевелев 1, 2]). Таким образом целью статьи оказывается убедить читателя в серьезности заболевания и в том, что не стыдно обратиться к врачу. При этом один из основных тезисов — социальная приемлемость заболеваний: «Биполярное расстройство — неприятный диагноз, но с ним вполне можно вести нормальную жизнь» [Зорина 2023].

Появившийся дискурс о «моде» на определенные расстройства связан с тем, что в некоторых ситуациях, включая публичные, стало приемлемо заявлять о своем диагнозе. Более того, это делают известные личности, о чем сообщается в десятках публикаций, создающих творческий, романтический образ психического заболевания: «Среди известных актеров, художников, писателей очень много биполярников. Это Стивен Фрай, Кэтрин Зета-Джонс, Мел Гибсон, Канье Уэст. В последнее время и российские знаменитости стали заявлять о своем диагнозе — рэперы Оксимирон и Гуф, модель Алесь Кафельникова, артистка Юлия Ахмедова... Есть мнение, что среди молодежи появился некий тренд на это заболевание» [Ломакина 2022]. В противоречие с дискурсом о моде вступает дискурс о серьезности заболеваний и возникающих проблем, среди которых отделение себя от болезни (напр., [Бормотова 2022]).

5.1. Особенности дискурса о БАР

Отличительной особенностью дискурса о БАР является обилие текстов, написанных авторами, которые открыто сообщают о своем расстройстве. Кроме того, многие среди активистов имеют как раз этот диагноз. В связи с этим формируется образ «биполярника» — молодого, образованного, творческого, знакомого с прогрессивными идеями.

По мнению Ж., клинического психолога с БАР, на самом деле, «чем ниже мы спускаемся, тем больше будем видеть неосознанного, некомпенсированного, никак не леченного, не диагностированного» БАР, «просто формы, которые оно будет принимать, это будут какие-то вот социально неприемлемые формы: ушел в загул, в запой, ушла, например, сейчас будет неподцензурное, на блядки». Такие

случаи или не осмысляются или не описываются в терминах психических расстройств, соответственно не попадают в дискурс о БАР.

Возрастную специфику можно связать с доступом к информации, который получили те, кто вырос в эпоху интернета. Кроме того, как отмечает респондентка с БАР, различаются актуальные повестки молодежи и людей постарше. Так, говоря о своем прошлом опыте, она отмечает: «В моей семье к этому всегда относились с долей иронии, что, вот, у тебя *кукушечка*». Теперь же респондентка склонна считать БАР серьезным психическим нарушением и замечает, что большинству тех, кому за 30, «от биполярки очень сильно досталось». По ее наблюдениям, чем старше становится человек, тем серьезнее те последствия, которые приносит этот диагноз — и он скорее мыслится именно как болезнь, с которой приходится бороться. При этом, когда в обычной беседе речь заходит о серьезном эпизоде, люди не знают, как реагировать: «очень многие застывают, не знают, типа, какое лицо в этот момент нужно сделать, типа такое сочувственное или...». С другой стороны, распространена трактовка БАР как смены настроения, напр.: «У меня БАР, и я редко об этом говорю, потому что людям просто нереально объяснить, что это. Если я всё же рассказываю о том, что у меня биполярка и что она из себя представляет, всегда первым делом слышу в ответ: “Но ведь это же нормально, когда у человека то плохое настроение, то хорошее, так ведь у всех людей”» (комментарий в социальной сети).

На концептуализацию состояния влияет и то, с какими другими диагнозами оно ставится в один ряд, как на сайте группы поддержки: «Приглашаем тех, кому поставлены диагнозы БАР, ШАР¹¹ и циклотимия, на очную группу поддержки в Москве, мы встречаемся по воскресеньям» [Группы 1]. На новом сайте организации, о которой идет речь в предыдущем объявлении, теперь значится, что она занимается «поддержкой не только людей с БАР, но и их близких, людей с расстройствами пищевого поведения, тревожным расстройством и депрессией» [АНО].

¹¹ ШАР — шизоаффективное расстройство, сочетающее в себе признаки шизофрении и аффективного расстройства.

5.2. Особенности дискурса о депрессии

В целом, можно говорить о том, что депрессия в дискурсе не связывается с социально неодобряемым поведением. Кроме того, по сравнению с БАР, в меньшей степени представлен активизм и нет обилия публикаций, написанных от первого лица.

В дискурсе интернета представлены различные концепции и позиции, которые зачастую конкурируют друг с другом. Рассмотрим в качестве примера обсуждение в открытой группе: «На ваш взгляд, депрессия — это диагноз, временное чувство или постоянное состояние души?». Депрессия описывается как «серьезное заболевание», «болезнь души», «уныние», «болезнь нашего поколения», «модная штука», «временное чувство»; возможны промежуточные трактовки («Я, честно говоря, либо никогда не была в депрессии, либо постоянно в ней...») и крайне критические высказывания: «ДЕПРЕСНЯ — ЭТО ДЕБИЛИЗМ И НИЧЕГО БОЛЬШЕ!!! Она бывает токмо у тех, кому нравится себя жалеть, кто сам доводит себя до состояния, когда охота протянуть лапки!». Те, для кого депрессия — серьезное заболевание, говорят, что важно обратиться к врачу. При этом с одной стороны, «из-за идиотов, которые ставят себе самодиагностики на основе обычного упадка настроения, обесценивается проблема депрессии как таковой», но с другой, «из-за обесценивания человеческих чувств и высмеивания самодиагностики, определения симптомов у себя и самонаблюдения люди с депрессией могут подумать, что у них нет расстройства и что они всё выдумывают, не обратиться к врачу и не получить реальный диагноз и помощь». Здесь также прослеживается разница между представлениями о депрессии среди тех, кто испытал этот опыт на себе, и тех, с кем этого не случилось.

Таким образом, в дискурсе представлены два основных конкурирующих значения: «серьезное заболевание» vs ‘хандра, упадок сил’. Соответственно, предлагается выделять еще одно значение, не зафиксированное как отдельное в современных словарях. В случае необходимости разделять эти два значения, в дискурсе наблюдаются следующие стратегии: прибавить, во-первых, слово *диагноз*

или *диагностирована*, которые отсылают к медицинскому контексту, во-вторых, прилагательные: *настоящая, истинная, реальная, большая* (или использовать выражение *большое депрессивное расстройство*).

6. Устный дискурс: разговоры о психических расстройствах

В устной речи также проявляются описанные выше тенденции, а именно колебания между конкурирующими моделями заболеваний и значениями слов. В данном разделе анализируются фрагменты интервью, которые можно рассматривать как разговоры о психических расстройствах (БАР, депрессии, а также некоторых других, в том числе случаях, когда диагноз неизвестен) с участием людей, у которых они не диагностированы. При этом у некоторых участников есть родственники или знакомые с заболеванием, а у некоторых нет. Фрагменты, где речь идет о других диагнозах, помимо двух, рассматриваемых в настоящей статье, включены для сравнения — с целью, с одной стороны, предпринять попытку выделить общие закономерности, а с другой, наоборот, высветить отличительные особенности¹². Сперва рассмотрим примеры из обсуждения внутри семьи, участниками которого стали Н. (37 лет), Ю. (41), К. (20):

К.: *Ну, слово биполярка встречается иногда.*

Н.: *Сейчас это вообще модное, мне кажется, мемов много. С биполяркой.*

Ю.: *Шуточное.*

К.: *Биполярка — это когда ты сам себе противоречишь.*

Ю.: *Раздвоение личности.*

¹² Нет данных в пользу наличия специфических особенностей разговора о психических расстройствах. Вероятно, такие разговоры будут похожи на разговоры о серьезных заболеваниях или на другие тяжелые темы.

Н. и Ю. в первую очередь вспоминают переносное употребление, шуточные контексты и мемы. Далее К. рассказала, что в ее кругу общения это слово используется в прямом и переносном смысле. Кроме того, Ю. представил одно из расхожих пониманий — как раздвоение личности. Позже он предложил шуточную этимологию: «Биполярник — это как будто полярник, который поехал на север, но у него би-ориентация». В этом разговоре представлены аналогичные конструирующие модели депрессии:

Н.: *Прям модное нынче заболевание.*

Ю.: *Не заболевание, а расстройство.*

Н.: (смеясь) *Особенности развития.*

К.: *У нас сейчас в вузе некоторые относятся к этому серьезно, по крайней мере у меня в группе, у нас многие относятся к этому серьезно, потому что некоторые прямо ходят к психотерапевту с этим расстройством.*

⟨...⟩

Ю.: *Депрессия, если это относится к физиологическим изменениям, то есть причины в организме, то это одно. А бывает, что это просто уныние. То это вот как болезнь души.*

К.: *Сейчас мы ударимся в религию. У нас многие депрессию воспринимают как болезнь нашего поколения, потому что сейчас это стало модным. Типа вот «я в депре-ессии»...*

Н.: *Сейчас да, на это больше обращают внимание. Мне кажется этой теме посвящено больше...*

Е.: *Больше, чем когда мы росли?*

Н.: *Больше, чем когда, да. Когда росли.*

К.: *Не знали.*

Ю.: *Да не не знали, а просто некогда было обращать внимание. Депрессия лечилась...*

Е.: *Лопатой?*

Ю.: *Мне еще кажется, это связано с тем, что раньше люди были более социализированы, а сейчас все немножко в замкнутом пространстве живут.*

Н.: *Да.*

Ю.: *Либо в виртуальном, э-э, кстати, вот обострение, да, депрессии было в период пандемии, когда все сидели по домам. Да, люди ограничены в общении, и это вот тоже вызывает, мне кажется, последствия.*

К. считает, что изменились методы диагностики и научные представления, информация стала более доступной, поэтому диагноз стал распространенным. При этом она отмечает, что заболевание стало модным, пародируя чужую речь с растягиванием гласного звука: «я в депре-ессии». Н. и Ю., хотя тоже говорят о моде, считают, что это не совсем болезнь, по крайней мере в большинстве случаев, а «уныние».

После групповой беседы Н. тет-а-тет возобновила разговор на эту тему, чтобы рассказать о случае своего близкого родственника, у которого была диагностирована шизофрения (при этом она разрешила мне записывать разговор на видео):

Н.: *Я знаю от папы, что на него повлияло, у него друг, э, (хмурит брови), ну, сколько-то лет назад это было (рукой трогает шею, потом щеку), друг выбросился из окна, какой-то, и... И после этого, ну, он тяжело как бы переживал, и, может, это повлияло, ну, он мм... У него такие моменты начались там, ну, он мог как бы так треснуть (показывает рукой) там, не знаю, что косяк стал отваливаться, ну там дверь, ну, как бы эмоции, ну и... (руками перебирает).*

Е.: *У меня так делают все (смеется).*

Н.: *(улыбается, разводит руками) Да, я и говорю, бывает и нормальные вроде бы так делают, у меня Вася тоже на эмоциях может такое что-нибудь сделать, вот. Ну-у, что там, в какой-то момент мама его, моя тетя, услышала, что он, допустим, в ванной, ну, эт самое (перебирает*

руками) пошел в ванную, закрылся, ну, типа что-то вроде (перебирает руками) умывается, но при этом там че-то смеется, разговаривает, ну, вот какие-то моменты (перебирает руками) она стала замечать, и вот потом его даже в клинику в какой-то момент и обследования.

Здесь наблюдаются многочисленные хезитации¹³, заполненные растяжками звуков, а также обилие указательных местоимений. Для референции используются заменяющие выражения с указательными и неопределенными местоимениями: «такие моменты начались там», «какие-то моменты». При этом участники разговора отмечают, что описанное поведение не является само по себе достаточным признаком для признания ненормальности, «бывает и нормальные вроде бы так делают». О размытости грани между нормальным и ненормальным свидетельствует и оговорка «вроде бы».

В групповом диалоге, анализируемом выше, с образом серьезного заболевания конкурирует модель депрессии как лени и слабохарактерности. В моей подборке интервью такое представление характернее для мужчин более старшего возраста. Приведем еще один аналогичный пример — два фрагмента интервью, где А. (64 года) высказывает свое отношение к двум заболеваниям, с которыми он лично не сталкивался:

«Это модная штука сейчас. “Вот, это, я там в депрессии” (...) Собрал руку в кулак — и пошел! Депрессия, блин. Это во, это вот новомодное такое, для объяснения своего “не хочу-у”, “ой, я устал” (пародируя интонацию), “я в депресняке, устал”,

¹³ В работах по психолингвистике и дискурсивному анализу с хезитациями или колебаниями в речи связывается выражение неуверенности. К хезитациям обычно относятся явления разного порядка, среди которых повторы, неполные высказывания, заполненные паузы, в т. ч. «хезитационными средствами», незаполненные паузы [MacLay, Osgood 1959]. Перечисленные явления могут выполнять разнообразные функции, или социальные действия, что оказывается в центре внимания при *интеракционном / лингвоантропологическом* подходе (напр., [Goodwin 1987]).

отстаньте от меня, отвалите. Лопату в руки, лом — вперед, лед колоть, вся депрессия проходит моментально». «В моем окружении — нет, не встречал. Среди молодых это бродит. <...> В метро как-то слышал, толпа студентов ехала, человек семь, “ой, там”, про “депресняк” все, “ой, как там сейчас все”, “ой, как...”. В стройотряд! Битие определяет сознание. <...> Тоже от лукавого: “я сегодня хороший, завтра я сволочь”. Как-то я не понимаю вот этого. Два человека в одном мозгу. Подобное видел только в кино. В жизни не встречалось ни разу (с усмешкой). Может, у меня не тот контингент общения, я (смешок) подотстал. <...> Ну, попытка... Списать, свою несдержанность, свое это эго, на вот это... “А я биполярник, весь из себя такой”».

Здесь А., выделяя интонационно, пародирует (причем используя схожие стратегии в двух случаях) образ человека, который, на его взгляд, не страдает от серьезного заболевания. Таким образом, существенно отличается дискурс тех, кто столкнулся с этим заболеванием и в особенности долго живет с ним, и тех, кто только слышал о нем.

Иногда границы между разными интерпретациями оказываются размытыми:

П.: *Ну, оно потеряло свое значение. Опять же, есть медицинское понятие — депрессия. И это реально серьезная штука. Но многие его используют, когда просто не очень, говорят «депрессия». Ну, и я тоже, наверное, могу так использовать.*

Е.: *Ну, ты не был в депрессии настоящей?*

П.: *Наверное, нет. Но, может, и был. Ну, не знаю, пока ты не побудешь в настоящей депрессии, ты не поймешь, что это было. (П., 36 лет)*

Участница интервью, которая проходила лечение в психиатрической больнице, так рассуждает о депрессии:

«Там же страхи, там что я задох... “задохнешься, умрешь, а-а, люди вокруг, а-а”. Многим же нравится в этом жить, они это

прям культивируют. <...> Женщина, где-то мне попадалась, то ли, не помню, знакомая чья-то была, говорит: “Я болею, у меня серьезная болезнь, — она кричит, — я не могу выходить из дома”. <...> Жить здоровым очень сложно. А тут как бы “я больной, я аутист, я псих”».

Е. (37 лет) гордится тем, что смогла преодолеть депрессию, с помощью как психиатра, так и духовных практик, которыми сейчас увлекается, говорит об ответственности человека за его болезнь. Состояние организма описывается при помощи языковых и просодических средств, позволяющих имитировать приступ. Здесь также важно, что она рассказывает не о близком ей человеке.

Рассмотрим фрагмент интервью, где М. рассказывает о своей коллеге:

«Ну, вот у нас уборщица на работе... Мне кажется, она... (тише и грустнее) Ну, она вот уже в больнице лежала с депрессией, ее не вылечили, она вышла, я прямо чувствую, насколько ей плохо. <...> накачали успокоительными, но ведь это же не лечат, Катенька. Ей плохо. И видно, что ей плохо. Девчонки говорят: “Она бумагу из туалета таскает”. Я говорю: “Да наплевать, вы не видите, что она совсем больная?!”» (дрожащим голосом).

В этом фрагменте представлены особенности говорения на чувствительную тему: эмоции выражаются через дрожащий голос, смену громкости, слезы; эксплицитно передаваемые чувства («я прямо чувствую, насколько ей плохо», «совсем больная»); повторы слова «плохо».

Для сравнения приведем несколько примеров разговора о психических заболеваниях, о которых говорят иначе — через описательные выражения (возможно, потому что диагноз не известен):

«Надя *такая* у нас. У нее очень сбивчивая речь. Ну, вот совершенно. Она не может на одну тему говорить. <...> Понятно, что с ней что-то не то. Вот реально. Ну, а так нормальный человек, и работает. Говорит без умолку, а на одну тему — она,

по-моему, забывает уже, с чего начала фразу. Сбивчивая речь» (Е., 62 года).

Здесь для референции используются местоимения «такая», «с ней что-то не то» и приводятся признаки ненормальности, однако далее, напротив, говорится, что она «нормальный человек», в качестве аргумента приводится наличие у Нади работы.

Еще одна дискурсивная стратегия — проведение связи между психическим и социальным:

«⟨...⟩ я ж тебе рассказывала про Якова Валерьевича, у которого посадили родителей, как выяснилось, отца расстреляли, а мать потом, когда ее выпустили, ну, по 58 статье, она нашла его в детском доме. Ну вот, он совершенно был уверен, так вроде разумный человек, он совершенно был уверен, что там, на уровне руководства, против него, лично, строятся козни, понимаешь. Вообще был больной человек, его регулярно клали в психиатрическую лечебницу, когда он срывался. Но вот у меня такое ощущение, что если он был уверен, что люди к нему хорошо относятся, он на них не срывался никак» (М., 65 лет).

С одной стороны, Яков Валерьевич демонстрирует ненормальное поведение, а с другой, «так вроде разумный человек». Здесь история жизни обуславливает последующее расстройство.

Еще одна дискурсивная стратегия — приведение факта госпитализации в качестве доказательства болезни. Данная стратегия представлена в следующем фрагменте, где также ярким образом проявляются колебания говорящего между нормальностью и ненормальностью:

«У меня вот, например, у сослуживицы у одной тоже были, ну, она такая, не очень как бы, ну она нормальная, но бывают какие-то вот, бывают вот расстройства какие-то вот, она не то что нестабильная, но бывают расстройства. Ей выписывали какие-то, какие-то лекарства психического толка. Успокоительные. Вот она их пила — и совершенно нормально ходит, она педагог и все. Какое-то время дней десять лежала в какой-то там

клинике неврологической. Потом она, допустим, если спускалась в метро, у нее панические атаки, то есть она в каком ужасе, в какой-то панике, она не знает, куда ей выскочить, то есть она нормальная, ее нельзя, ее никто ни в какой диспансер не приглашает» (Л., 62 года).

Как видно, здесь граница между нормальным и ненормальным оказывается еще более условной. Доказательством болезни выступает факт приема лекарств и лечение в клинике, но при этом Л. называет свою знакомую «нормальной».

В разговоре о психических заболеваниях задействуются следующие языковые и интеракционные ресурсы: лексико-грамматические средства, которые позволяют обозначить состояние человека, не называя диагноз, и демонстрируют размытость границ между нормальным и ненормальным (указательные и неопределенные местоимения); просодические явления и различные звучащие элементы (напр., смена громкости, вздохи), отражающие отношение к теме и эмоции, а также участвующие в референции; имитирующая просодика; различные хезитационные элементы; заменяющие и сопровождающие жесты.

В устной речи размытость границ между нормальным и ненормальным, между здоровым и больным проявляется в том числе и через оговорки: «нормальные вроде бы», «так вроде разумный человек», «ну, а так нормальный человек, и работает». Нормальность и психическое заболевание выступают как дискурсивные категории, которые конструируются и меняются в процессе говорения о них. Анализ демонстрирует колебания и сомнения говорящего при поиске слов, отсутствие подходящего языка для разговора на неудобную тему.

7. Заключение

Выделяются две основные тенденции, в каких-то аспектах конкурирующие друг с другом: во-первых, медиализация различных состояний, настроений и ощущений и, соответственно, дискурс об их

серьезности. С другой стороны, наблюдается нормализация психических болезней (в первую очередь, БАР и депрессии): открыто сообщать о своем диагнозе становится приемлемым во многих ситуациях; распространяются новые модели — спектров и разнообразия. Можно говорить о престижности некоторых диагнозов, в первую очередь БАР, в связи с чем возникает дискурс о «моде» на психические заболевания, вступающий в противоречие с дискурсом об их серьезности. Дискурсы о разных состояниях обнаруживают схожие черты, прежде всего, в стратегиях, среди которых развенчивание расхожих «мифов». Важно отметить, что в дискурсе (речь идет прежде всего именно о ресурсах интернета) представлены голоса только тех людей с психическими заболеваниями, которые, во-первых, были диагностированы, а во-вторых, смогли ознакомиться с информацией и соотнести ее со своим случаем.

Дискурс о БАР интересен тем, что вместе с названием настолько изменилась концепция, что пропадает связь со старым вариантом — *маниакально-депрессивным психозом*, сильно стигматизированным за счет негативной нагрузки слов *психоз* и *маньяк*. Новый лексический ряд *биполярка*, *биполярочка*, *биполярник*, *биполярщик*, *биполярить*, *БАР* имеет значительно меньше негативной окраски и оказывается связан и с культурными явлениями, воспринимаемыми скорее положительно — напр., проявлением творческой индивидуальности. При этом аббревиатура оказывается безопасным вариантом для большинства контекстов, т. к. ассоциируется с нейтральностью и «отстраненностью» и с ней нет такой сильной «эмоциональной связи».

У слова *депрессия* предлагается выделять еще одно значение, не зафиксированное в словарях — ‘хандра, упадок сил’ (vs ‘серьезное заболевание’): именно с конкуренцией двух значений связаны распространенные споры. Депрессия не связывается с социально неодобряемым поведением; кроме того, в меньшей степени представлен активизм и нет обилия публикаций, написанных от первого лица, как в случае с БАР.

Различаются дискурсивные стратегии тех, кто столкнулся с психическим заболеванием, и тех, кто не связан с ним. Для первых это чувствительная тема, сопровождаемая эмоциями, для разговора

о которой зачастую не находится нейтрального языка. В связи с этим используются просодические явления и различные звучащие элементы (напр., смена громкости, вздохи), отражающие эмоции, а также участвующие в референции; лексико-грамматические средства, которые позволяют обозначить состояние человека, не называя диагноз. Подвижность и условность границ между нормальным и ненормальным, между здоровым и больным состоянием проявляется в большей степени в устной речи, в том числе через колебания, оговорки и самоисправления, а также проведение связи между психическим и социальным.

В целом, в дискурсе представлены и конкурируют две стратегии отнесения человека к категории больных: во-первых, если у него есть диагноз, он принимает лекарства или проходил лечение. Во-вторых, психическое заболевание описывается как нарушение правил поведения, прежде всего коммуникативных. Можно говорить о том, что психическое заболевание не является тотальным, превращая здорового в больного на постоянной основе, а влияет на определенные сферы: человек где-то ведет себя нормально, согласно ожиданиям, а где-то ощущается сбой правил, но недостаточный, чтобы маркировать этого человека как безусловно психически больного.

Литература

- Абрамов и др. 2016 — В. А. Абрамов, Т. Л. Ряполова, А. В. Абрамов. Стереотипные представления и мифы о больных с психическими расстройствами // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2016. № 2 (36). С. 4–11.
- Лукина 2022 — К. С. Лукина. Представления о болезни и конструирование собственной личности в нарративах людей с диагнозом «Биполярное аффективное расстройство». Магистерская дисс. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2022.
- Мухарямова и др. 2020 — Л. М. Мухарямова, Ж. В. Савельева, В. Д. Менделевич. Информированность российских врачей о расстройствах аутистического спектра (результаты социологического исследования) // Неврологический вестник. 2020. Т. LII. № 2. С. 46–51.
- Мухарямова и др. 2021 — Л. М. Мухарямова, Ж. В. Савельева, И. Б. Кузнецова, Л. Р. Гарапшина. Аутизм в России: противоречивое поле диагностики

- и статистики // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (3). С. 437–450. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-437-450.
- Ортега 2020 — Ф. Ортега. Нейрологические идентичности и движение за нейроразнообразие // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 125–156. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-2-125-156.
- Руднева 2021 — Е. Руднева. Дискурс российских СМИ о психоневрологических интернатах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2021. № 13 (2). С. 240–266. DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-240-266.
- Руднева 2022 — Е. А. Руднева. Наименования людей с инвалидностью в современном русском языке // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 187–218. DOI: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-159-190.
- Савельева 2019 — Ж. В. Савельева. «Расстройство аутистического спектра» в контексте социальной реальности и биомедицины: психическая болезнь или иное состояние? // Ж. В. Савельева. Здоровье как ресурс: V. 2.0. Нижний Новгород: НИ-СОЦ, 2019. С. 317–321.
- Савельева 2020 — Ж. В. Савельева. Расстройство аутистического спектра в масс-медиа: особенности дискурса медицинских профессионалов // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 235–239.
- Савельева 2021 — Ж. В. Савельева (отв. ред.). Дети с расстройствами аутистического спектра: проблема социальной интеграции в контексте конвергенции биомедицинской и социогуманистической парадигмы знания. Казань: Издательский дом «МедДоК», 2021.
- Скорик и др. 2009 — А. И. Скорик, А. П. Коцюбинский, Н. С. Шейнина, И. О. Аксенова, Т. А. Аристова, Н. А. Пенчул, Б. Г. Бутома. Психиатрическая мифология и проблема сотрудничества // Социальная клиническая психиатрия. 2009. Т. 19. Вып. 3. С. 31–36.
- Судьин 2014 — С. А. Судьин. Психическая болезнь в массовом сознании: динамика представлений // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 1–2. С. 254–262.
- Фуко 1997 — М. Фуко. История безумия в классическую эпоху. Пер. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Фэрклоу 2015 — Н. Фэрклоу. Политический дискурс в прессе: аналитическая схема // Н. Б. Вахтин (ред.). Социолнгвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 507–526.
- Annual Review of Anthropology — Annual Review of Anthropology // Anthropology and Voice. 2014. Vol. 43.
- Benedict 1934 — R. Benedict. Anthropology and the Abnormal // The Journal of General Psychiatry. 1934. Vol. 10. P. 59–80.

- Chown 2022 — N. Chown. The autism worldview dilemma: Philosophical and practical perspectives on autism // Critical Autism Studies Conference, 2022 (электронный ресурс). URL: https://www.youtube.com/watch?v=J2g-5dorh9TI&ab_channel=EdgeHillCASResearchNetwork (дата обращения 03.03.2023).
- Fairclough, Wodak 2010 — N. Fairclough, R. Wodak. Critical Discourse Analysis in Action // C. Coffin, T. Lillis, K. O'Halloran (eds.). *Applied Linguistics Methods. A Reader: Systemic Functional Linguistics, Critical Discourse Analysis and Ethnography*. London: Routledge, 2010 [1997]. P. 98–111.
- Gofman 1963 — E. Gofman. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. N.Y.: The Free Press, 1963.
- Goffman 1982 — E. Goffman. The Interaction Order // *American Sociological Review*. 1982. Vol. 48. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.2307/2095141.
- Goodwin 1987 — Ch. Goodwin. Forgetfulness as an interactive resource // *Social Psychology Quarterly*. 1987. Vol. 50 (2). P. 115–130. DOI: 10.2307/2786746.
- Hanks, Hanks 1948 — J. Hanks, L. Hanks. The Physically Handicapped in Certain Non-occidental Cultures // *Social Issues*. 1948. Vol. 4. No. 4. P. 11–20.
- Kendell et al. 1971 — R. E. Kendell, J. E. Cooper, A. J. Gourlay, J. R. M. Copeland, L. Sharpe, B. J. Gurland. Diagnostic criteria of American and British psychiatrists // *Archives of General Psychiatry*. 1971. Vol. 25 (2). P. 123–130. DOI: 10.1001/archpsyc.1971.01750140027006.
- Kitanaka, Ecks 2021 — J. Kitanaka, S. Ecks. Depression // F. Stein (ed.). *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. 2021 (электронный ресурс). URL: <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/depression> (дата обращения: 02.03.2023).
- Martin 2007 — E. Martin. *Bipolar expeditions: mania and depression in American culture*. New Jersey: Princeton University Press, 2007.
- Moncrieff 2014 — J. Moncrieff. The Medicalisation of «ups and downs»: The marketing of the new bipolar disorder // *Transcultural psychiatry*. 2014. Vol. 51 (4). P. 581–598. DOI: 10.1177/1363461514530024.
- Obeyesekere 1985 — G. Obeyesekere. Depression, Buddhism, and the work of culture in Sri Lanka // A. Kleinman, B. Good (eds.). *Culture and depression: studies in the anthropology and cross-cultural psychiatry of affect and disorder*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 134–52.
- Reid-Cunningham 2009 — A. R. Reid-Cunningham. Anthropological Theories of Disability // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2009. Vol. 19 (1). P. 99–111. DOI: 10.1080/10911350802631644.
- Silverstein 1979 — M. Silverstein. Language Structure and Linguistic Ideology // P. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.

Valentine 1998 — J. Valentine. Naming the Other: Power, Politeness and the Inflation of Euphemisms // Sociological Research Online. 1998. Vol. 3. No. 4 (электронный ресурс). URL: <http://www.socresonline.org.uk/3/4/7.html> (дата обращения: 03.03.2023).

Источники

Авдеева 2021 — Л. Авдеева. 8 мифов о биполярном расстройстве, в которые не стоит верить. 2021 (электронный ресурс). URL: <https://lifehacker.ru/mify-o-bipolyarnom-rasstrojstve> (дата обращения: 03.03.2023).

АНО — Центр системной поддержки для людей с психическими расстройствами и их близких (электронный ресурс). URL: <https://ngolikeyou.ru> (дата обращения: 03.03.2023).

Бондаренко, Пичугина 2018 — Л. Бондаренко, Е. Пичугина. Право на депрессию: кто такие психоактивисты и чего они добиваются. 2018 (электронный ресурс). URL: <https://www.mk.ru/social/2018/05/07/pravo-na-depressiyu-kto-takie-psikhoaktivisty-i-chego-oni-dobivayutsya.html> (дата обращения: 03.03.2023).

Бормотова 2022 — Е. Бормотова. «Деньги улетают как не твои». Честный рассказ о том, каково жить с биполярным расстройством (электронный ресурс). URL: <https://v1.ru/text/health/2022/03/30/70728899> (дата обращения: 03.03.2023).

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2023).

Гражданин 2017 — Гражданин с ментальными особенностями. Как ему помочь? 2017 (электронный ресурс). URL: https://holmogori.ru/inova_block_mediaset/media/2017/9/28/grazhdanin-s-mentalnymi-osobennostyami-zdorovya-kak-emu-pomoch/ (дата обращения: 03.03.2023).

Гринкер 2021 — Р. Гринкер. Мы все ненормальные. История стереотипов психических заболеваний (Пер. Nobody's Normal. How Culture Created the Stigma of Mental Illness). Пер. С. Черников. СПб.: Портал, 2021.

Группы — Группы поддержки для людей с психическими особенностями (электронный ресурс). URL: <https://www.b17.ru/blog/300019/> (дата обращения: 01.04.2023).

Грэндин, Скариано 2018 — Т. Грэндин, М. М. Скариано. Отворяя двери надежды. Мой опыт преодоления аутизма. Пер. Н. Л. Холмогорова. М.: Теревинф, 2018.

Девочка 2021 — Увлекавшаяся аниме девочка умерла после попытки суицида (электронный ресурс). URL: https://baigenews.kz/news/uvlekavshayasya_anime_devochka_umerla_posle_popytki_suitsida/ (дата обращения: 03.03.2023).

- Жизнь — Жизнь с биполярным расстройством и еще двумя диагнозами. Как проявляется мания и селфхарм. 2021 (электронный ресурс). URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZDLW15nNKDA&ab_channel=ДокторСычев (дата обращения: 03.03.2023).
- Зорина 2023 — В. Зорина. «Научилась с этим жить!»: Гомес, Кэри и другие звезды с биполярным расстройством. 2023 (электронный ресурс). URL: <https://www.thevoicemag.ru/stars/krupnim-planom/nauchilas-s-etim-zhit-gomes-keri-i-drugie-zvezdy-s-bipolyarnym-rasstroystvom/> (дата обращения: 03.03.2023).
- Кузнецов — Толковый словарь Кузнецова. Депрессия (электронный ресурс). URL: <http://slovariki.org/tolkoviy-slovar-kuznecova/12485> (дата обращения: 03.03.2023).
- Ломакина 2022 — Т. Ломакина. Я живу с «модной» болезнью — биполярным расстройством. 2022 (электронный ресурс). URL: <https://medadvisor.ru/articles/128> (дата обращения: 03.03.2023).
- Медицинские — Медицинские мифы. Одиннадцать психиатрических мифов (электронный ресурс). URL: https://lahtaclinic.ru/uptodate/eleven_psychiatric_myths/ (дата обращения: 03.03.2023).
- МКБ-10 — Психические расстройства и расстройства поведения (электронный ресурс). URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4001> (дата обращения: 03.03.2023).
- МКБ-11 — МКБ-11 — Психические и поведенческие расстройства (электронный ресурс). URL: <https://doctorsan.ru/mkb-11> (дата обращения: 03.03.2023).
- Нейроразнообразие — Нейроразнообразие (электронный ресурс). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейроразнообразие> (дата обращения: 03.03.2023).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://ruscorpora.ru>. (дата обращения: 03.03.2023).
- Пичугина 2022 — Е. В. Пичугина. В России нашли три миллиона человек с биполярным расстройством: Врачи рассказали про опасности «модной болезни». 2022 (электронный ресурс). URL: <https://www.mk.ru/social/health/2022/04/12/v-rossii-nashlis-tri-milliona-chelovek-s-bipolyarnym-rasstroystvom.html> (дата обращения: 03.03.2023).
- Признаки — Признаки настоящего парфманьяка (электронный ресурс). URL: www.laparfumerie.org/topic/43348-признаки-настоящего-парфманьяка (дата обращения: 03.03.2023).
- Психиатр — Полигенная наследуемость и шизофренический спектр (электронный ресурс). URL: <https://psychiatr.ru/education/slide/444> (дата обращения: 03.03.2023).
- Пушкина 2017 — М. Пушкина. Биполярники. Как живут и о чем мечтают люди с биполярным расстройством. М.: Издательские решения, 2017.

- Сапожников 2020 — П. Сапожников. Депрессия — это придурь? Профессор Си-волап — про заблуждения о депрессии. 2020 (электронный ресурс). URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/depressiya-eto-pridur-professor-sivolap-pro-zabluzhdeniya-o-depressii/> (дата обращения: 03.03.2023).
- Такие дела — Такие дела. Словарь. Категория психические расстройства (электронный ресурс). URL: https://takiedela.ru/dictionary_category/psihicheskie-rasstrojstva/ (дата обращения: 03.03.2023).
- Тевелев 1 — В. Тевелев. Мифы о шизофрении (электронный ресурс). URL: <https://matzpen.ru/articles/shizofreniya/mify-o-shizofrenii/> (дата обращения: 03.03.2023).
- Тевелев 2 — В. Тевелев. Мифы об аутизме (электронный ресурс). URL: <https://matzpen.ru/articles/autizm/mify-ob-autizme> (дата обращения: 03.03.2023).
- Тороева 2020 — Д. Тороева. «Табу на самоубийство уже снято»: помогут ли запреты японских мультфильмов решить проблемы подростковых суицидов? 2020 (электронный ресурс). URL: <https://skameika.press/dangeranime> (дата обращения: 03.03.2023).
- То-чего-нельзя-называть — То-чего-нельзя-называть: как в России бояться говорить о психических расстройствах (электронный ресурс). URL: <https://takiedela.ru/news/2017/12/25/to-chego-nelzya-nazyvat/> (дата обращения: 20.06.2023).
- STOPSTIGMA STOPSTIGMA: как говорить о людях с психическими расстройствами. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2017/12/21/stopstigma-psihicheskie-rasstrojstva> (дата обращения: 20.06.2023).

References

- Abramov et al. 2016 — V. A. Abramov, T. L. Ryapolova, A. V. Abramov. Stereotypical attitudes and myths about patients with mental disorders. *Zhurnal psikhologii i meditsinskoj psikhologii*. 2016. No. 2 (36). P. 4–11.
- Annual Review of Anthropology 2014 — Annual Review of Anthropology. *Anthropology and Voice*. 2014. Vol. 43.
- Benedict 1934 — R. Benedict. Anthropology and the Abnormal. *The Journal of General Psychiatry*. 1934. Vol. 10. P. 59–80.
- Chown 2022 — N. Chown. The autism worldview dilemma: Philosophical and practical perspectives on autism. *Critical Autism Studies Conference*. 2022. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=J2g5dorh9TI&ab_channel=EdgeHillCASResearchNetwork (accessed on 03.03.2023).

- Fairclough 2015 — N. Fairclough. Politicheskii diskurs v presse: analiticheskaya skhema. Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka [Political discourse in the media: An analytical framework]. N. B. Vakhtin (ed.). *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiya* [Sociolinguistics and the sociology of language. Textbook]. Vol. 2. St. Petersburg: EUPRESS 2015. P. 507–526.
- Fairclough, Wodak 2010 — N. Fairclough, R. Wodak. Critical Discourse Analysis in Action. C. Coffin, T. Lillis, K. O'Halloran (eds.). *Applied Linguistics Methods. A Reader: Systemic Functional Linguistics, Critical Discourse Analysis and Ethnography*. London: Routledge, 2010 [1997]. P. 98–111.
- Foucault 1997 — M. Foucault. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu yepokhu* [Histoire de la folie à l'âge classique]. I. K. Staf. (trans.). St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997.
- Gofman 1963 — E. Gofman. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. N.Y.: The Free Press, 1963.
- Goffman 1982 — E. Goffman. The Interaction Order // *American Sociological Review*. 1982. Vol. 48. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.2307/2095141.
- Goodwin 1987 — Ch. Goodwin. Forgetfulness as an interactive resource. *Social Psychology Quarterly*. 1987. Vol. 50 (2). P. 115–130. DOI: 10.2307/2786746.
- Hanks, Hanks 1948 — J. Hanks, L. Hanks. The Physically Handicapped in Certain Non-occidental Cultures. *Social Issues*. 1948. Vol. 4. No. 4. P. 11–20.
- Kendell et al. 1971 — R. E. Kendell, J. E. Cooper, A. J. Gourlay, J. R. M. Copeland, L. Sharpe, B. J. Gurland. Diagnostic criteria of American and British psychiatrists. *Archives of General Psychiatry*. 1971. Vol. 25 (2). P. 123–130. DOI: 10.1001/arch-psyc.1971.01750140027006.
- Kitanaka, Ecks 2021 — J. Kitanaka, S. Ecks. Depression. F. Stein (ed.). *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. 2021. Available at: <https://www.anthro-encyclopedia.com/entry/depression> (accessed on: 02.03.2023).
- Lukina 2022 — K. S. Lukina. *Predstavleniya o bolezni i konstruirovaniye sobstvennoy lichnosti v narrativakh lyudey s diagnozom «Bipolyarnoye affektivnoye rasstroystvo»* [Representations of illness and self-construction in the narratives of people diagnosed with bipolar affective disorder]. Master's thesis. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2022.
- Martin 2007 — E. Martin. *Bipolar expeditions: mania and depression in American culture*. New Jersey: Princeton University Press, 2007.
- Moncrieff 2014 — J. Moncrieff. The Medicalisation of «ups and downs»: The marketing of the new bipolar disorder. *Transcultural psychiatry*. 2014. Vol. 51 (4). P. 581–598. DOI: 10.1177/1363461514530024.
- Mukharyamova et al. 2020 — L. M. Mukharyamova, Zh. V. Savelyeva, V. D. Mendelevich. Informirovannost rossiyskikh vrachey o rasstroystvakh autisticheskogo

- spektra (rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya) [Russian Physicians' Awareness of Autism Spectrum Disorders (Results of a Sociological Study)]. *Nevrologicheskiy vestnik*. 2020. Vol. LII. No 2. P. 46–51.
- Mukharyamova et al. 2021 — L. M. Mukharyamova, Zh. V. Savelyeva, I. B. Kuznetsova, L. R. Garapshina. Autizm v Rossii: protivorechivoye pole diagnostiki i statistiki [Autism in Russia: A Contradictory Field of Diagnostics and Statistics]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*. 2021. No. 19 (3). P. 437–450. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-3-437-450.
- Obeyesekere 1985 — G. Obeyesekere. Depression, Buddhism, and the work of culture in Sri Lanka. A. Kleinman, B. Good (eds.). *Culture and depression: studies in the anthropology and cross-cultural psychiatry of affect and disorder*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 134–152.
- Ortega 2020 — F. Ortega. Neyrologicheskiye identichnosti i dvizheniye za neyroraznoobraziye [Neurological Identities and the Movement of Neurodiversity]. *Sotsiologiya vlasti*. 2020. Vol. 32. No. 2. P. 125–156. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-2-125-156.
- Reid-Cunningham 2009 — A. R. Reid-Cunningham. Anthropological Theories of Disability. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2009. Vol. 19 (1). P. 99–111. DOI: 10.1080/10911350802631644.
- Rudneva 2021 — E. Rudneva. Diskurs rossiyskikh SMI o psikhonevrologicheskikh internatakh [Russian mediadiscourse about psycho-neurological institutions]. *Lab-oratorium: Zhurnal Sotsialnykh Issledovaniy*. 2021. No. 13(2). P. 240–266. DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-240-266.
- Rudneva 2022 — E. A. Rudneva. Naimenovaniya lyudey s invalidnostyu v sovremennom russkom yazyke [Naming people with disabilities in contemporary Russian]. *Antropologicheskiy forum*. 2022. No. 52. P. 187–218. DOI: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-159-190.
- Savelyeva 2019 — Zh. V. Savelyeva. «Rasstroystvo autisticheskogo spektra» v kontekste sotsialnoy realnosti i biomeditsiny: psikhicheskaya bolezni ili inoye sostoyaniye? [“Autism spectrum disorder” in the context of social reality and biomedicine: mental illness or another condition]. Zh. V. Savelyeva. *Zdorovye kak resurs: V. 2.0*. Nizhniy Novgorod: NI-SOTS, 2019. P. 317–321.
- Savelyeva 2020 — Zh. V. Savelyeva. Rasstroystvo autisticheskogo spektra v massmedia: osobennosti diskursa meditsinskikh professionalov [Autism spectrum disorder in mass media: peculiarities of discourse of medical professionals]. *Vestnik yekonomiki, prava i sotsiologii*. 2020. No. 4. P. 235–239.
- Savelyeva 2021 — Zh. V. Savelyeva (ed.). *Deti s rasstroystvami autisticheskogo spektra: problema sotsialnoy integratsii v kontekste konvergentsii biomeditsinskoj i sotsiogumanisticheskoy paradigmy znaniya* [Children with autism spectrum

- disorders: the problem of social integration in the context of the convergence of biomedical and sociohumanistic paradigms of knowledge]. Kazan: Publishing House «MeDDoK», 2021.
- Silverstein 1979 — M. Silverstein. Language Structure and Linguistic Ideology. P. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A Parasection on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- Skorik et al. 2009 — A. I. Skorik, A. P. Kotsyubinskiy, N. S. Sheynina, I. O. Aksenova, T. A. Aristova, N. A. Penchul, B. G. Butoma. Psikhiatricheskaya mifologiya i problema sotrudnichestva [Psychiatric Mythology and the Problem of Cooperation]. *Sotsialnaya klinicheskaya psikhiatriya*. 2009. Vol. 19. Iss. 3. P. 31–36.
- Sudin 2014 — S. A. Sudin. Psikhicheskaya bolezn v massovom soznanii: dinamika predstavleniy [Mental illness in the mass consciousness: the dynamics of perceptions]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2014. Vol. 16. No. 1–2. P. 254–262.
- Valentine 1998 — J. Valentine. Naming the Other: Power, Politeness and the Inflation of Euphemisms. *Sociological Research Online*. 1998. Vol. 3. No. 4. Available at: <http://www.socresonline.org.uk/3/4/7.html> (accessed on 03.03.2023).

Получено / received 02.02.2022

Принято / accepted 05.04.2023

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегии может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегии имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегии вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлегией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes / inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2023. — Т. 19. Ч. 2. — 292 с.

Подписано к печати 31.10.2023

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 18,25 Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>